

Российский колокол

2023

Журнал № 3-4

Московская городская организация
Союза писателей России

Российский колокол № 3–4 (40) 2023

Литературно-художественный журнал

Аннотация
Журнал «Российский колокол» № 3–4 (40) 2023. Литературно-художественный журнал
Слово редактора
Современная поэзия
Наталья Мурзина
Тыловая
«Истории уроки скорбные…»
Особые дети
«О, чистый лист и неизвестность! Свою волшебность не тая…»
«Сегодня снег, как очумелый…»
«Предновогодним торжищем страна увлечена…»
«Кто на голову трезвую прыгнет в этот пожар…»
«Мы собирали книги для Донецка…»
Новый год в храме
«Знал солдат войну не понаслышке…»
Причастие

«Нам привычно не знать покоя…»
«Опять метель в окне гудит. А с высоты любовь глядит…»
Анна Зорина
Бременские музыканты
Девочка со спичками
«Месяц тоненький вьётся песней…»
Нелетописное
«Покидает солнце зенит…»
«Не бузи, я здесь гость…»
«Мы едем в шестом вагоне…»
Эскапада
«Нарисуй меня, падший лётчик…»
«Здравствуй, Карлсон. Как ты, точнее, где ты?..»
Мария Смирнова
В свете ночи
Шахматы
«Ночью подсвечено небо и край земли. Снится мне детство…»
Сосновое царство осени
Кофейный бог
Смотри, какие красивые…
Над миром летят поэты
На границе апреля
Светлана Супрунова

Смерть старушки
«Никому не скажу и уеду...»
У подъезда
«Справа речка, а слева опушка...»
В старом доме
Памяти Михаила Анищенко
Последний житель
«Сосед галичанский, скажи...»
Бронзовый солдат
Поэзия
Современная проза
Верба (Юлия Артюхович]
КогдА Бог выключает свет...
Сын понедельника
В темноте
В гостях у правдоруба
От горшка два вершка
За шкафом
В дебрях психологии
Методика «Дрон-пять»
Долгое-долгое утро
Долгий-долгий день
Из темноты
Ольга Андреева
Оранжевый обруч
Дмитрий Воронин

На Берлин!
Юрий Егоров
Волшебники
Про волшебника
Наталья Нелюбова
Про старика и старуху
Работа
Собака зимой
Игда и Ягда. Таёжная сказка
Чёрные пальцы
Марина Сычева
Тигрицы
Александр Юдин
Неотправленное письмо. Чухломская быль
Литинститут
Ольга Андреева
Вонь онучей: последний шанс русской культуры
Люди колхозной деревни
Молчать стало невтерпеж
Свидетели России
Неприкаянные русские
Отъявленные ретрограды
Представители преступного режима
Владимир Голубев
Главы из книги «Загадки литературной сказ-

ки»
Часть I. Осьмнадцатый век
Глава 3. Михайло Чулков и Михайло Попов
Часть II. Девятнадцатое столетие
Глава 1. Сказочница из Мишенского
Олег Куимов
Религиозно-философская концепция в творчестве Л. И. Бородина
Литературная гостиная
Валерий Шилин
Наколка

Аннотация

Приветствуем читателей журнала «Российский колокол» и представляем вашему вниманию новый выпуск.

Номер журнала традиционно открывается поэзией – одни стихотворения обращены к современным событиям, в других звучит особая нота всеобщности, которая делает их близкими и понятными людям многих времен и поколений.

В разделе «Проза» вас ожидают глубоко психологичные, увлекательно остросюжетные, а также экспериментально-ироничные произведения, но все – мастерски исполненные, яркие и запоминающиеся.

«Литинститут» включает статьи, посвященные классической, советской и современной литературе, путям ее развития.

Завершает произведение рубрика «Литературная гостиная».

Изучайте литературу, знакомьтесь с новыми авторами и просто наслаждайтесь художественным словом.

Журнал «Российский колокол» № 3–4 (40) 2023 Литературно-художественный журнал

Ежеквартальный журнал художественной литературы

Издается с 2004 года № 3–4(40) 2023 г.

© Интернациональный Союз писателей, 2023

Слово редактора

Арина Комбарова

журналист, публицист, шеф-редактор журнала «Российский колокол», член Союза журналистов

Здравствуйте, дорогие читатели!

Прежде всего хочу поблагодарить вас за интерес к журналу «Российский колокол», к нашим авторам и их произведениям, потому что благодаря вам и вместе с вами мы делаем одно важное

общее дело — заботимся о сохранении русского языка и русской литературы. Русская литература — это память, искусство и культура нашего народа, и я глубоко убеждена, что мы должны делать все возможное для ее сохранения и продвижения.

Русский язык — один из наиболее богатых и многогранных языков на планете, и русская литература — одно из его самых главных богатств. Благодаря ей мы можем познавать самые глубины человеческой души, влиять на наше сознание и поведение, расширять горизонты мышления.

Но, без преувеличения, русский язык и русская литература находятся сегодня под угрозой. Мы все знаем и видим, как люди все больше заменяют родную речь иностранными словами, примитивными неологизмами и настолько выпадают в этот выдуманный мир, что забывают свой родной язык и свою культуру

Однако я знаю и верю, что мы можем помочь сохранению русского языка и литературы, и это главная миссия «Российского колокола».

Мы, как редакция легендарного литературного журнала, станем надежной опорой для авторов и читателей, которые хотят сохранить русский язык и литературу. Мы уже создаем условия,

благодаря которым творения наших авторов, особенно живущих за пределами России и пишущих на русском языке, попадают на страницы «Российского колокола».

Призываю всех поддерживать русский язык и литературу, не забывая про свои корни и отечественную историю — просто почаще читайте наш журнал и присылайте нам свои творения. Лучшие из них мы будем публиковать в настоящем издании и радовать читателей качественными и интересными произведениями.

Современная поэзия

Современная поэзия

Российский колокол

Наталья Мурзина

Наталья Петровна Мурзина родилась 14 февраля 1971 года в посёлке Тисуль Кемеровской области. Окончила Кемеровский государственный университет. Работала редактором в издатель-

стве «Кузбасс».

Публиковалась в журналах: «Москва», «Огни Кузбасса», «Наш современник», «День и ночь». Автор книги стихов «Вторжение весны».

Член Союза писателей России.

Живёт в Кемерово.

Тыловая

Время трудное… доля бренная… хмарь тревог…

холодок тоски…

Я солдатские, я военные, я из пряжи вяжу носки.

Я в тылу сижу. Я носки вяжу, чтоб на фронт их отправить. Там

Ночь кровавая, пекло адово, горе с яростью пополам.

Шерстяную нитку плету-плету и молитву творю-творю.

С русским парнем сквозь расстояния тихо по сердцу говорю.

Пусть любовь моя сохранит тебя, когда ринешься напролом.

И незримый друг в самый лютый час пусть прикроет

своим крылом!

За твоей спиной мать с отцом стоят и любимый твой

младший брат.

Место отчее, небо синее. За тобою твой Дом, солдат!

Я в тылу молюсь, чтобы ты прошёл невредим сквозь

огонь и дым.

Я носки вяжу, я молюсь, родной. Невредимым вернись,

живым!

Время трудное… доля бренная… хмарь тревог…

холодок тоски…

Я солдатские, я военные, я из пряжи вяжу носки.

Я хочу, солдат, чтобы ты скорей бездны адовы превозмог.

Слышишь, Родина, мы ведь сильные. Мы ведь русские.

С нами Бог!

«Истории уроки скорбные…»

Каноническим братьям Украины

Истории уроки скорбные
Не впрок… Весь мир во зле лежит.
Держитесь, братья катакомбные,
Вас там никто не защитит.
Молитесь, милые, сердечные.
Лишь претерпевший до конца
Уйдёт в блаженное нездешнее,
Отчизну узрит и Отца.

Особые дети

От такой беды нет таблеточки, нет страховки ни у кого.

Ах вы, деточки-безответочки, – ДЦП, аутизм, УО.

Всё в нём крохотное, незрелое, разум теплится чуть дыша.

Это клетка – больное тело. Просто

тело. А в нём – душа.

К людям выйти с своим бедняжкою этой маме вдвойне

больней.

Ей нести эту ношу тяжкую в одиночестве средь людей…

Ей беду из судьбы не вытравить. А тебе… А тебе – понять,

Что такого ребёнка выправить – как на плечи скалу поднять!

Ведь такого ребёнка вылечить – подвиг нужен, как на войне.

Чтобы в нас человечность вылепить – вот в чём суть.

А не в чьей вине.

Подари им улыбку! Смилуйся! Помоги хоть чуть-чуть!

Прими!

Ведь такое дитя родилося, чтобы стали добрее мы.

«О, чистый лист и неизвестность! Свою волшебность не тая...»

О, чистый лист и неизвестность! Свою волшебность не тая,

Слова сквозь сумрак, боль и нежность родятся из небытия.

Слова теснятся, осыпаясь на белый лист живой пыльцой,

Снежком из форточки бросаясь в разгорячённое лицо.

В них всё проступит: вспышка счастья, утраты горестная

стынь.

И хмель любовного участья. И смех. И прошлого полынь.

О, чистый лист и неизвестность! Навеки определено

Нам так беречь свою словесность, как в голод берегут зерно.

«Сегодня снег, как очумелый…»

Сегодня снег, как очумелый,
Из поднебесной вышины
На город сыплет – белый-белый,
И кажется, что нет войны.
В тот час, когда над каждым домом
Сгустилась мировая мгла,
Как пропасть, линия разлома
По нашим душам пролегла…
Бездонный мрак на белом свете,
Смертельный выбор: быть – не быть.
Но и в войну родятся дети,
И верится, что будем жить.
И верится, что из стихии
Мужья вернутся и сыны.
Снег сыплет над моей Россией,
И кажется, что нет войны.

«Предновогодним торжищем страна увлечена…»

Предновогодним торжищем страна увлечена,

А где-то на окраине свирепствует война.

Поймите вы, беспечные, очнитесь вы от сна!

Война с ордой проклятою, в наш дом пришла война!

Пока гудел корпоратив (у гульбищ нету дна),

Вы шумным сытым табуном скакали допоздна,

А у солдата в блиндаже проступит седина.

Ведь жизнь одна и смерть одна. И Родина – одна.

Кому-то муки неземной отсыплется сполна.

Их кровью, как святой водой, земля

окроплена…

Донецкий дым, луганский дым… И деток имена…

Одна мечта, одна душа. И Родина – одна.

А где-то дома бьётся мать, печалится жена.

Любить и ждать… Любить и ждать – вот участь им дана.

У них молитвой и слезой душа обожжена.

Одна семья, одна стезя. И Родина – одна.

Накрыли пеплом и золой лихие времена.

Но воздаянья час придёт. Всему своя цена.

Звучи мощней, сияй в глазах, победная весна!

Одна любовь и честь одна. И Родина – одна!

«Кто на голову трезвую прыгнет в этот пожар...»

Кто на голову трезвую прыгнет в этот пожар...

Как хожденье по лезвию... Как под сердце удар...

И, ломясь безоглядно в обустроенный быт,

У двери беспощадная неизбежность стоит.

Ведь над Родиной тучи. И, оставив свой кров,

Вы пошли в это жгучее боренье миров,

Чтоб обрушить отмщенье до самого дна.

Вас в другом измерении испытует война.

...А в тылу напряжённо, в тылу неуют.

Молчаливые жёны горько весточки ждут.

В доме лампочка светится, в кране

дремлет вода.

Всё пройдёт, перемелется. Это не навсегда.

Всё пройдёт, перевертится. Нам бы только суметь

С упованьем и верностью это перетерпеть.

Даже если пророчатся нам лихие года,

Всё когда-нибудь кончится. Это не навсегда.

И дитя ясноликое, не познавшее смерть,

Будет в тихое-тихое – наше – небо смотреть,

Как в нём вспыхнет-проявится крупица-звезда.

Всё пройдёт. И останется – только жизнь. Навсегда!

«Мы собирали книги для Донецка…»

Мы собирали книги для Донецка,

Лаская каждую, прекрасную, в руке,

Чтоб в бедное обугленное детство
Послать любовь на русском языке.

Чтоб свет и силу передать в наследство
Туда, где горбятся от горя и нужды.
Мы книги собирали для Донецка.
Цветные, милые, летите, вы нужны!

Новый год в храме

Ночь новогоднего бедлама.
Сверкает бешено салют.
А я вхожу под своды храма,
когда часы двенадцать бьют.

Здесь средоточится нетленное
и у всего иной отсчёт.
Храм, как корабль, сквозь Вселенную
в морозном мареве плывёт.

Снаружи грохот, улюлюканье,
звенит весёлая ругня.
Всё это действо многорукое
давно не трогает меня.

Всё это действо многоликое —
лишь звон пустой. Не для души.
Ведь всё поистине великое
всегда рождается в тиши.

Церковных огоньков мерцание,
ветхозаветные слова…
Ещё немного ожидания,
и снидет чудо Рождества!

«Знал солдат войну не понаслышке…»

Знал солдат войну не понаслышке,
Крепко знал. Теперь всё позади —
Ближний бой, неистовая вспышка
И отверстье жгучее в груди.

В госпитале. Так и не очнулся.
Врач не чудотворец, явь не сон.
Лишь едва заметно улыбнулся
И ушёл в небесный батальон.

И, наверно, сам себе неведом,
Цел и неизбывных полон сил,

Встал он в батальоне рядом с дедом,
Что фашиста бил, но не добил.

Сколько их… Навеки молодые…
С фотографий в форме строевой
Молча смотрят наши неземные,
Нас, земных, прикрывшие собой.

Он стоит – бессменный и суровый,
Он собрал героев всех времён,
Крепь державы оплативший кровью
Доблестный небесный батальон.

Вновь разлом. Оплакиваем павших,
Поминая их по всей стране,
Жизнь свою безвременно отдавших
На братоубийственной войне.

Все, кто тянет будни боевые
Под прицельным вражеским огнём,
Возвращайтесь целые, живые,
С радостью Победы! Мы вас ждём!

Причастие

1.

О, как готовилась душа
Стоять у края,
И близкой вечностью дышать,
И, замирая,
Превозмогать дремучий страх
Её объятий…
Я прощена. А на губах —
Вкус благодати.

2.

Замирает душа. Предстою.
Я уже у вечности на краю!
Утекают песчинки минут.
Чаша горняя – милость иль суд?
Отчий свет или зрак огня?
Смотрит пристально вечность в меня.
А крылатые зовут голоса —
Слёзы застилают глаза.

И летает душа высоко —
И немыслимо, и легко!

«Нам привычно не знать покоя…»

Нам привычно не знать покоя.
Мчит трамвай. Календарь торопит.
Тает снег, унося былое.
Листопад по дорожкам бродит.
Ловим новости, в буднях зябнем,
По несбыточному тоскуя.
Но приходит любовь внезапно,
Сердце дрогнувшее чаруя!

А любовь возьмёт за живое,
Всё запутает и смешает.
Вот случайно столкнулись двое
И ещё ни о чём не знают.
А любовь, как большая птица,
Их накроет крылом, воркуя.
Нежной тайной сияют лица,
Всех своей красотой волнуя.

Время всё по местам расставит:

И восторгам быть, и печали.
Отпускает горькая память
Тех, кто в дальние отбыл дали.
Что начертано – то случится.
Время длится, беду врачуя.
Вот в ночи человек родится —
Продолжается жизнь, ликуя!

В повседневное смотрит вечность.
Каждый колос недаром зреет.
Есть такое понятье – верность —
Средь людей. Кто её лелеет —
Не предаст в земной круговерти
И стихию пройдёт любую.
Просто верность сильнее смерти.
Торжествует жизнь! Аллилуйя!

«Опять метель в окне гудит. А с высоты любовь глядит…»

Опять метель в окне гудит. А с высоты любовь глядит
глазами синими.

Как не спугнуть счастливый час, когда она ласкает

нас руками сильными…

Хочу волненье это длить и мимолётно ощутить твоё дыхание.

В горячем мареве любви губами нежными лови

миг узнавания…

Но скоро вздрогнет городок. Прощальный вырвется гудок,

пронзив окрестности.

Состав умчится на войну. И долго будем мы в плену

у неизвестности…

И неотлучно буду я с тобой на линии огня сквозь расстояния.

Одним желанием дышу – хорошей весточки прошу

как подаяния…

А я тяну армейский быт. Вопросом «быть или не быть»

себя не мучаю.

В слепом безумии огня осколок выхва-

тит меня звездой

падучею…

Окоп снарядами прошит. И жизнь на ниточке висит

над грозной бездною.

Всё иллюзорно, как во сне. Уже разъяты в вышине миры

небесные…

И затихает сердца стук… Но где-то всколыхнётся

звук родного имени,

И ты придёшь в себя. Живой! Ведь тихий ангел над тобой

с глазами синими!

А дальше – буден толчея. Стенные ходики стучат.

Зал ожидания.

Нещадно долгий перелёт. И самолёт тебя вернёт

без опоздания…

Опять метель гудит в окне. И слово «мама» на стене

большими буквами.

И чайник греется, пыхтя. И синеглазое дитя играет

с куклами.

Но мне опять пора туда, где не окончена беда,

где путь непройденный.

Посадим сад, построим дом. Но только это всё потом.

Сначала – Родина!

Анна Зорина

Анна Владимировна Зорина родилась в 1983 году. Родилась и выросла в городе Петропавловске на севере Казахстана.

Занималась в Мастерской «О поэтах и стихах»

Катерины Скабардиной. Принимала участие в различных литературных конкурсах, фестивалях и семинарах, в том числе во Всероссийском совещании молодых литераторов в Химках (2021, 2022) и в фестивале памяти В. С. Высоцкого «Я только малость объясню в стихе» (2023).

Публиковалась в журналах «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Александр», «Бельские просторы», альманахах «Веретено», «Образ» и других.

Посещает творческую мастерскую «Лифт» от Совета молодых литераторов Новосибирска.

Живёт в Новосибирске. Пишет стихи и прозу.

Бременские музыканты

Ты можешь мне верить, а можешь совсем не верить,

Но если есть время, то всё же, прошу, останься.

По тёмному мху бредут через осень звери,

Идут и поют тихонечко в ритме вальса.

А в городе дождь, а в городе стынь и

слякоть

Стекает по небу и бьётся о подоконник.

И хочется спать, и хочется лечь и плакать

О том, что нет сил ни жить, ни творить, ни помнить,

Что солнце вернётся, весною, по крайней мере,

Не будет печали, а станет легко, как прежде.

Сквозь сумрачный лес бредут по дороге звери

И где-то в горячем сердце несут надежду.

Обветренный мир опять обернула темень,

Но если совсем ни зги – запевайте, братцы!

А кот и петух бредут по дороге в Бремен,

И пёс, и осёл идут по дороге в Бремен.

А значит, и нам, приятель, нельзя сда-

ваться!

Девочка со спичками

Девочка помнит: измаялось в парке лето,
Кружат в карусели пони,
Жёлтое платье, что было на ней надето.
А маму уже не помнит.

Детская вера рассыпалась на осколки:
Отец, алкоголь и драки.
Добрым живётся мучительно и не долго —
Ей нравится ник Табаки.

Чай из пакета «какая-то там принцесса»,
Но это уже не важно.
В урну газету – давно не заботит пресса:
Бессмысленный хлам бумажный.

Девочка знает, её хорошо учили.

Хвалили, увы, не часто.
В старой джинсовке лежит шоколадка с чили —
Горчащий кусочек счастья.

Долгие сборы – плохая в пути привычка.
Горит под ногами клевер.
Девочка молча прикуривает от спички.
Дорога ведёт на север.

«Месяц тоненький вьётся песней…»

Месяц тоненький вьётся песней,
Затмевая печаль людскую.
Нет мотива того известней —
Это Зверь по тебе тоскует.
Заколочены в душу двери
От беспечных пустых прохожих.
Ты один понимаешь Зверя.
Он тебя понимает тоже.

Со свободой на «ты», как ветер.
Там ночлег, где застанет вечер.
Оставайся душою светел

До единственной вашей встречи.
Не большая, видать, потеря
То, что было всего дороже.
Ты один не боишься Зверя.
Он тебя не боится тоже.

Вы однажды столкнётесь взглядом —
Кровь напалмом вскипит по венам.
Вдруг захочешь всегда быть рядом
И узнаешь его мгновенно.
В полушаге замрёшь, не веря:
Вы до боли внутри похожи.
Ты один не покинешь Зверя.
Он тебя не покинет тоже.

Нелетописное

Я сложил бы тебя из косых очертаний дождя,
Из щенячьего визга, из грязи и алого канта.
Ты опять обернёшься, меня за собой уводя

в тихий утренний сон,

Нерождённый, как сын некроманта.

Я сводил непростые знакомства с тюрьмой и сумой:

То пытался бежать, то пытал без особых прелюдий.

Ты приснился однажды, подкинутый смертью самой,

Невозможный. Непрошеный. Мой. Ни себе и ни людям.

Хорошо, что сижу, а не то б непременно упал.

Я осколками жизни запястья свои полосую

И твержу твоё имя, мой сын, именованный всуе.

– Нечестивец, безбожник! – лопочет смурная толпа.

Ты невольно прищуришься, взглядом тяжёлым сверля,

Отразишься спонтанными мыслями в битой посуде.

А меня, как положено, примет сырая

земля,

И она, ничего не простив, никогда не осудит.

Я на множество мерзостей душу свою разменял,

В неизбежном посмертии участь моя – колдовская.

Но ни свет, ни погибель не могут решать за меня,

И я имя твоё, как дыхание, с губ отпускаю.

«Покидает солнце зенит…»

Покидает солнце зенит,

Разнотравный льётся дурман,

Лепестками лето звенит.

И чертог лесной не тюрьма:

Мне в тени сухой бузины

Выстилает мхами постель

Суетливый друг коростель

До зимы.

«Не гуляй в лесу допоздна»,

Но в траве цветов кружева.
Ни тоски, ни боли, ни сна.
То, что я давно не жива,
До сих пор никто не узнал.
И, как дань былой красоте,
Лишь сухих и ломких костей
Белизна.

Обнимает лес вековой,
Злые тайны верно хранит.
Над моей пустой головой
Покидает солнце зенит.
Прорасту медвяной травой,
Разведу меж рёбер ужей.
Жаль, и это чудо уже
Не впервой.

«Не бузи, я здесь гость…»

«Не бузи, я здесь гость», —
Прорвалось наизнанку и вскользь.
Ты не белая кость,
А пустяк, припорошенный пылью.

Штрихпунктиром следов
Разделяюсь на «после» и «до»,
Как бегущей водой,
Стерегущей картонные крылья.

Не вздыхай тяжело.
Как кружилось? Как вовсе жилось?
Видно, жёлтая ось
Не волшебная, не золотая.

Мы сидим на стене,
Не несущей ни внутрь, ни вовне,
О кощунстве корней
С неусыпным Шалтаем болтая.

«Мы едем в шестом вагоне…»

Мы едем в шестом вагоне.
Молчим, от жары не стонем.
Притихли, смирились, стухлись
С отчаявшейся толпой,

Давясь бичпакетным паром,
Миазмами перегара.

Но здесь на шестые сутки
Так тянет уйти в запой.

И поезд у нас комфортный,
Да лица вокруг post mortem:
Безумие исказило.
Суровый вагонный Босх.

Ползёт по окошку муха.
В стакане и в горле сухо.
Движения через силу:
«Спаси нас, помилуй, Бог!»

Газетное оригами.
Наш поезд идёт кругами.
Обычный плацкартный хоррор —
Никто в нём не виноват.

Мы дремлем в шестом вагоне,
Как овцы в чужом загоне,
А он, набирая скорость,
Всё глубже несётся в ад.

Эскапада

Тонкими ми на цыпочках —
В клюквенный фа-бемоль.
Вот и трещит по ниточкам
Рваный самоконтроль.

Фальшью гремит над липами
Старый дворовый бой.
В этой игре мне выпали
Танцы с самой собой.

Не отойти от зеркала,
Не пересечь черту.
Вроде себя я встретила,
Только опять не ту:

Смотрит, от страха белая,
В тоненьких пальцах дрожь.
«Всё, – говорит, – я сделаю,
Только меня не трожь».

Что, обомлела, выскочка,
Со стороны взглянув?

Не заступи резиночку,
Не оборви струну!

«Нарисуй меня, падший лётчик...»

Нарисуй меня, падший лётчик,
Чем бесцельно глаза таращить
На земле суетливых ящериц
Перебором тире и точек.

Нарисуй меня, пьяный странник,
Коньяком по ночному небу.
Нарисуй, уходящий в небыль,
Солью жгучей в открытой ране.

Нарисуй же! Мне нужно очень —
С перегибистым нотным станом.
А то вдруг и меня не станет,
И останется только прочерк.

«Здравствуй, Карлсон. Как ты, точнее, где ты?..»

Здравствуй, Карлсон. Как ты, точнее,

где ты?
Я, наверно, и правда, ужасно взрослый:
Вместо шуток и смеха одни вопросы,
На которые мне не найти ответа.

Друг мой, Карлсон, веришь ли, я художник
И тружусь оформителем детских книжек.
Правда, чуда в работе уже не вижу,
И от этого мне на душе тревожно.

Как сто тысяч неоновых новых люстр,
Светят вывески ночью, и мне не спится.
Я любые могу пересечь границы,
Только в детство, как жалко, уже не пустят.

А луна зацепилась за шпили башен.
Безнадёга такая, что впору плакать!
В прошлом месяце, Карлсон, умер папа,
И от этого стало по-детски страшно.

Тут, я сам понимаю, гордиться нечем.
Ты, конечно, всегда был безумно сме-

лым.

Вот рисую тебя угольком и мелом,
И от этого сразу немного легче.

Я сижу в тишине на покатой крыше
И никак не пойму, что же делать дальше.
Этой осенью в школу пойдёт сынишка.
Прилетай, познакомлю. Твой Сванте-старший.

Мария Смирнова

Мария Смирнова родилась в Забайкалье в семье военных, побывала во многих городах России. В

итоге семья вернулась на родину родителей — в Карелию, в город Питкяранта (пер. с финского — «длинный берег»).

Окончила факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Член Совета молодых литераторов Карелии. Лауреат всероссийских конкурсов и фестивалей: «Северная звезда», участник длинного списка литературной премии «Лицей», Конференции молодых писателей Северо- Запада (2018), Всероссийского семинара- совещания молодых писателей «Мы выросли в России» (2022), молодёжной программы «Химки», XVI Всероссийского съезда Союза писателей России (2023) и арт-фестиваля памяти В. С. Высоцкого «Я только малость объясню в стихе» (2023).

Автор поэтического сборника «Человек из искр» (2023).

В свете ночи

В свете ночи мне холодно, Отче.
Помнишь, как говорят: время лечит?
Только, знаешь, ни капли не легче

Мне от сердца шальных многоточий.

Плат небес по-весеннему клетчат,
И лазурен, и смело узорчат…
Из путей, приглянувшихся, Отче,
По душе мне пока только Млечный.

Дай нам силы для этих «сражений»!
– Перечти молитвы, как притчу.
Я взываю от имени женщин,
И ушедших, и пришлых!

Ведь когда голос твой среди прочих
С каждым разом доносится реже,
Я боюсь, что не выдержу, Отче.
Обними меня крепче…

Шахматы

Стена неведенья упала, ба!
Открылась истина – слоями.
И под ногой качнулась палуба.
Непостижимо! Устояли!

Стреляли в сердце нам и в голову,

Скользили ноги (от воды ли?).
Едва не стали божьим оловом,
Но серафимы отводили.

В такой картине бытия расти
(И – Человеком) не слабо ли?
Где корни гор дрожат от ярости,
А корни душ горят от боли,

Где, баллистическими шахтами
Кору земную изувечив,
Блаженный мир играет в шахматы
На человеческую вечность.

«Ночью подсвечено небо и край земли. Снится мне детство…»

Ночью подсвечено небо и край земли. Снится мне детство —
лета и солнца сплав.
Вот – мои деды! Семечком проросли в детской душе
Сумы и Ярославль.
Я – паутинка, ниточка… (Я – не я, а неза-

метная странного

мира часть.)

Между натянута, силюсь свести края стран, чьи границы

болью кровоточат.

– Дедушка! Дедушка! Что это за игра? Кто сочиняет

правила? Расскажи!

– Спи, моя рыбонька, я расскажу с утра. Будет вовсю

июль, и беспечна – жизнь.

Вы не застали холодный, больной февраль (два паренька:

ярославский и тот – из Сум),

Только во сне вас и вижу. Не буду врать, я с февраля —

словно бы на весу.

Поздно, не спится. Мало кому – до сна. Где-то подсвечено

небо огнём войны.

Всё чаще мне кажется: держится небо на плохо пришитой

пуговице Луны.

Сосновое царство осени

Сосновое царство осени. У кого-то – дубы, ясени…

А меня осени просинью сквозь терпкие выси – просеки!

Защити, причасти росами, проведи золотыми трассами,

По-над огненными кронами – октябрьскими кирасами.

Не возьму ничего, лес мой, я только каплю смолы —

с согласия,

Пронесу домой перелесками (паутинки к подолу ластятся)

Янтарную суть заветную. Как бы нам ни пришлось

солоно,

Она вспыхнет искрой рассветною

И притянет восход солнечный.

Кофейный бог

Не сотвори кумира! В памяти между строк

Курится трубка мира. Смуглый кофейный бог

(Очень земная штука!) чашку мою согрел.

Есть только я и турка. Нет ни огня, ни стрел.

Метко летят молитвы в сердца живую цель,

Ангел на поле битвы тьму захватил в прицел.

Цепью – стихи и лица, воины и рубежи.

И продолжают литься кофе, слова и жизнь.

Смотри, какие красивые…

Смотри, какие красивые, смелые люди!

С морщинками, шрамами, склеенными мечтами,

С бедой заострёнными, заспанными чертами,

С любовью и верой среди этой дичи и люти!

С земными надеждами и с воздушными замками,

С долгами до неба, с сердцами, сшитыми заново.

Спустили сюда (не спросили), в шатёр небесный.

Пришли балова́ться, радоваться, влюбляться.

А им говорят: «Забудьте про ваши песни!

Какие вам песни? Какие вам, к чёрту, танцы?!»

Они – нараспашку. А им говорят: «Примерьте

Звериную хватку жизни, беззвучную пляску смерти!»

Они говорят: «Мы этого не просили!»

Но выжить не в силах.

Смотри, какие красивые смертные лю-

ди!

Прохожие. Преходящие. Первые встречные.

Атланты невыносимо недолго вечные,

Считалку говорящие на распутье.

Ковчег нам пошли, спасательный шаттл и силы нам

Смотреть, какие красивые,

Читать их сердцем и не поминать их всуе.

Идём потанцуем!

Над миром летят поэты

Мы искрили, как мы искрили!

Проверяли на прочность крылья,

Огибали холмы и скалы,

Мы искали своих! Искали

Тихий свет над водой кипучей,

В грозовой темноте – созвучья:

Тех, свободных, шальных и светлых,

Неуёмных, в потоках ветра.

(Приручивших и ритм, и слово,
На свирели играя словно,
Покорив чистотою звука.)
Мы в волненьи сплетали руки,
Понимая: едины стали
Из одной разделённой стаи!
Узнавали, судьбу решая,
Что страна как душа – большая.
В ней поэты не одиноки,
И чисты у неё потоки.
Возвращались мы (над лесами)
С несмолкающими сердцами.
И шумел, рокотал на это
В изумлении древний лес.
Ведь над миром летят поэты.
Значит – шансы у мира есть.

На границе апреля

Устроители тонких баррикад в твоём сердце
Сотворили на совесть: нет ни скола, ни щёлки,

Ни намёка на то, что монолитная глыба

(Без которой уже ты себя и не мыслишь)

Из сомнений и страхов, легко и внезапно

На границе апреля срывается с места,

Исчезая в потоке перелётного солнца!

Но кричит от восторга заплутавшая птица,

И трещат оголтело тиски ледостава.

Разве стольких напрасных усилий не жалко

Для вмерзающих в лёд, потерявших надежду

Ярко-синих побегов весеннего неба?

А ты машешь с моста и вливаешься в стаю.

Заговариваешь и себя, и побеги

И врываешься в жизнь, пробиваясь навстречу

Ярко-синему, звучному, вечному небу,

И становишься светом. Ну вот ты и

дома.

Светлана Супрунова

Светлана Вячеславовна Супрунова родилась в 1960 году в городе Львове. После окончания Ленинградского медицинского училища работала медсестрой в хирургическом отделении

Нестеровской районной больницы Львовской области. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении.

С 1995 по 2000 год проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (Калининград). Сейчас возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета.

Автор пяти поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Смерть старушки

Часы, минуты, как их мало,
И думы, думы о былом…
Всё снимки прошлые искала
В комоде стареньком своём.

Нехитрый скарб перебирала —

Как утешалась от обид.
Невестка толстая ворчала,
Что много света нагорит.

Она задумалась немного,
Рукой махнула на дела
И в новом платье, у порога
Оставив тапочки, ушла.

И странной виделась разлука:
Стоит комод, но из угла
Уже ни шороха, ни звука.
И снова день… Она ушла.

Как будто соль купить забыла
Или ещё чего купить
И дверь тихонечко закрыла,
Чтоб никого не разбудить.

«Никому не скажу и уеду…»

Никому не скажу и уеду,
Ни друзей, ни любви не найдя,
И пойду с чемоданом по следу

Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
И ромашки надарят тепла.
Всё живое, такое родное,
Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы.
Так душевно – один на один.
Приживусь на недели, на годы
Среди ягод и тонких осин.

Забредёт сюда кто-то, возможно,
Помолчит, на места поглядит.
«Как там мир?» – расспрошу осторожно.
«Да куда ему деться? Стоит», —

Так ответит – легко, равнодушно,
Потому и поверю ему.
Что желать? Ничего и не нужно,
Если сытно и тихо в дому.

У подъезда

Снова от внуков сюрприз:
Быстро одели, обули,
Вывели под руки вниз.
«Мы на часок». – Упорхнули.

Скрылось за домом авто.
Здесь бы сидеть-отсидеться.
Старое греет пальто,
Только душе не согреться.

Жизнь пролилась, как вода,
Съедено лиха до крошки.
Вон над макушкой звезда
И зажелтели окошки.

Думы – что в печке зола,
Мир не становится шире.
Внуки не едут – дела.
Суетно, суетно в мире…

В темень куда-то глядит,
Что-то нездешнее слышит,

Тихо под небом сидит.
Дедушка воздухом дышит.

«Справа речка, а слева опушка…»

Справа речка, а слева опушка.
А грибов-то – под каждым кустом!
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц.
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин.
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день.
Уж не крестит, а всё отпевает
Поколенье глухих деревень.

Всё едино – дожди, завируха.
Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

В старом доме

Старый дом и новый дом.
В первом – тусклые окошки,
Жуткий запах, бродят кошки —
Всё не так, как во втором.

Вечно охает, скрипит
Дверь, расшатанная тяжко.
На ступеньке грязной Пашка
Беломориной дымит.

Ни мыслинки дельной нет,
В голове темно с похмелья.

Комнатка его – как келья:
Стол, кровать и табурет.

Потянуло сквозняком,
А на Пашке лишь тельняшка.
В щель дверную видит Пашка
Только снег и новый дом.

Как там держится народ?
Перемолвиться бы словом.
И не знают в доме новом,
Как тут Пашка, как живёт.

Памяти Михаила Анищенко

Забудь слова, приметы, лица
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и растворить-
ся
В холодных капельках дождя.

Михаил Анищенко

Чей взгляд придирчивый заметил,
Что дождь с утра заморосил
И что задул сильнее ветер?

Ты уходил, ты уходил.

Всего три шага до погоста,
Но, не довольствуясь крестом,
Наверно, это очень просто:
Дождинкой стать и стать листом.

Не предъявить претензий миру —
Пусть за тебя он всё решит —
И, в старый шкаф запрятав лиру,
Уйти без всяческих обид.

Земля зовёт, почти не дышит,
На свежий холм перекрещусь.
Россия ничего не слышит,
Но, рот зажав, рыдает Русь.

Последний житель

В деревне единственный житель,
Ни шума, ни звона окрест.
Отшельник, а может, смотритель
Суровых запущенных мест.

Весной огородик вскопает,

Не страшно средь леса вдовцу.
И зайцы, и лисы, бывает,
Без страха подходят к крыльцу.

Залает приблудная шавка.
Не сыщешь печальней земли:
Не ходит сюда автолавка,
Дороги травой заросли.

Холодные ветры всё древней,
На карте участок пустой,
Как будто с ушедшей деревней
Всё меньше России самой.

А он как оставлен на страже,
Сидит у могилы мертво
И как-то не думает даже,
А кто похоронит его.

«Сосед галичанский, скажи...»

Сосед галичанский, скажи,
Зачем твои пули летают?
Боюсь не наветов и лжи,

Мне страшно, когда убивают.

Не видеть бы хаты в огне,
И ссоры не хочется в целом.
Наверно, страшнее вдвойне
Тому, кто лежит под прицелом.

И страшно уже за страну,
Где каждый четвёртый – калека.
Мальчишки играют в войну.
Не целься, сынок, в человека!

Бронзовый солдат

Донбасс в крови. Опять летит снаряд,
И доползти до дома нету силы.
Стоит за шахтой бронзовый солдат,
И зеленеют братские могилы.

Он видит всё: огонь и чёрный дым,
Как чьи-то тени к погребу метнулись.
Уже под флагом жёлто-голубым
Они идут, они опять вернулись!

Чеканят шаг, они сегодня злей,

Они заматерели за полвека.
Прицелятся – не слышат матерей,
Курок нажмут – не видят человека.

Как на посту, прервав когда-то бег,
Стоит солдат под холодом столетий.
И за его спиной – ушедший век,
За плащ-палаткой – снова сорок третий.

И он сжимает верный автомат…
Такое время жуткое настало,
Что кажется: не выдержит солдат,
Из бронзы выйдя, спрыгнет с пьедестала.

Поэзия

Забыть слова на месяцы, на годы,
Отшевелив губами, замолчать,
Остаться дома из-за непогоды
И не суметь ненастье обругать.

Смотреть в окошко на кресты и флаги,

Копить печали, словно вызревать,
Водить пером впустую по бумаге,
И вспоминать слова, и вспоминать.

Отгоревать, отплакать, отсмеяться.
Но вырвутся из снежной целины
На белый свет – как заново родятся —
Лишь те слова, которые нужны,

Невычурные, самые простые.
И вспыхнет свет божественный в ночи,
И сбудется – заговорят немые.
Утихни каждый, слушай и молчи!

Современная проза

Современная проза

Российский
колокол

Верба (Юлия Артюхович]

Юлия Артюхович — поэт и прозаик. Автор более двухсот пятидесяти научных и художественных публикаций (в том числе — десяти научных монографий, более шестидесяти поэтических

и прозаических циклов и десяти книг стихов и прозы). Доктор философских наук, профессор. Член Союза писателей России.

Публиковалась в литературных журналах «Наш современник» (пять публикаций стихов), «Белая Вежа», «Отчий край», «Перископ», «Здоровье и экология», «Слово — детям»; в «Литературной газете», «Новых известиях» и др.

Лауреат международных конкурсов «Союзники-8», «Поэзия без границ», «Gnesin-jazz-voice — 2021», литературной премии имени В. Б. Смирнова «Отчий край», Государственной премии Волгоградской области; дипломант премии «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига; номинант международной премии за доброту в искусстве «На благо мира».

Награждена золотой медалью «В. Шукшин», Почетной грамотой Союза писателей России, Почетной грамотой губернатора Волгоградской области, почетными грамотами и благодарственными письмами Волгоградской областной и городской думы, Почетной грамотой Президиума Чечено-Ингушской АССР (1990) и др.

Живет в Волгограде.

КогдА Бог выключает свет…

Такое впечатление, что Господь Бог
взял вдруг и выключил свет.
Е. Лукин

Сын понедельника

Понедельник — день тяжелый. В этот день Саню Мурзина уволили с работы по сокращению штатов. Так ему сказали в отделе кадров. В штате их учреждения Саня оказался самым молодым и неопытным — в общем, слабым звеном.

Ранним утром Мурзин получил расчет и сразу потратил все деньги, чтобы закрыть долг по ипотеке. На очередной взнос за квартиру денег не осталось. Но это уже не имело значения, потому что на общем собрании в тот самый злосчастный понедельник Саня узнал страшную правду: соинвестор застройщика украл деньги дольщиков и скрылся за границей. Достраивать новый дом, куда Мурзин надеялся вселиться через два месяца, теперь не на что.

На оплату съемной однушки денег тоже не хва-

тило. Толстый мрачный сын хозяйки, бывший моряк-подводник, оказался человеком слова. Пока Мурзин в последний раз был на работе, тот, как и обещал, заменил дверной замок и выставил Санины вещи в общий коридор.

Не было денег и на новые джинсы, необходимые для знакомства с родителями Милочки. К этой важной и ответственной встрече девушка готовила любимого давно, но Мурзин как мог оттягивал сроки торжественного мероприятия. И сегодня этот судьбоносный день настал…

Милочка позвонила в тот момент, когда взмыленный, потный Саня со всем своим имуществом (двумя чемоданами, ноутбуком и стройотрядовским рюкзаком за плечами) бесславно покидал временный приют. Мурзин как раз взгромоздил оба чемодана на узенькую лавочку около детсадовской игровой площадки и присел передохнуть. Во дворе резво носились непуганые местные дети. Пробегая мимо лавочки, они азартно стучали по Саниным вещам совками и лопатками, оставляя на поверхности чемоданов грязные и мокрые следы. А Мурзин мучительно размышлял о том, где, как и на какие средства он будет теперь жить.

— Мурзик, мяу! — радостно промурлыкала

Милочка. И, не получив ответа, повторила «мяу» еще раз, но уже вопросительно и напористо. — Мурзик, твоя кошечка орет-раз-рывается, а ты молчишь? У тебя что, нет кошечки? — возмущенно завопила любимая.

Мурзин, который в этот невероятный, злой, чудовищный понедельник одновременно лишился денег, работы и жилья, вдруг страстно захотел, чтобы у него не стало и кошечки. Но, испугавшись такой крамольной мысли, мужчина сцепил зубы и соврал:

— Я на работе, не могу разговаривать.

Милочка еще раз разочарованно мяукнула и пригрозила:

— Я скоро перезвоню!

Саня верил, что девушка поступит именно так, поэтому стал действовать быстро и решительно.

Он подхватил чемоданы, ринулся на автобусную остановку и с трудом втиснулся в душное чрево автобуса. Мурзин надеялся застать дома Юрку Поддубного, самого удачливого и обеспеченного из выпускников их факультета. Ехать к Юрке следовало без звонка, чтобы товарищ не успел скрыться (как уже частенько бывало, когда к нему обращались с просьбами бывшие однокашники).

Сане повезло. Он пулей проскочил мимо подслеповатой консьержки, пристроившись к шумному восточному семейству счастливых обитателей квартиры в элитном доме.

Юрка собирался на деловую встречу. Выслушав печальный рассказ товарища, он оценил ситуацию суровыми и справедливыми словами: «Мать твою в параллелепипед!» Потом осведомился, что Саня теперь намерен предпринять.

— Хрен его знает, — исчерпывающе ответил Мурзин.

Мужчины помолчали.

— Может, домой вернешься? — с надеждой спросил Юрка, подозревая, что такой вариант станет для него наиболее безболезненным и исключит необходимость оказания товарищу конкретной помощи.

— Нет, — твердо заявил Саня, память которого услужливо выдала целую серию бледных картинок из прошлой жизни в маленьком и скучном степном городке.

— А как же тогда? — робко осведомился Поддубный, уже предчувствуя очередную неудобную просьбу.

— Мне бы перекантоваться несколько дней, — тоскливо прошептал Саня и, без всякой надежды,

выложил главное. — У тебя никак?

— Никак, — уверенно заключил Юрка, уже придумавший подходящий вариант отказа. — Родители завтра приезжают.

— Понятно, — отозвался Мурзин и безрадостно потянулся за вещами. — Пока, Юр!

— Пока, — с облегчением попрощался Поддубный. — Звони, если что…

«Если что?» — горько вздохнул про себя Саня, вытаскивая чемоданы на лестничную площадку. Что еще должно сегодня произойти такое, чтобы он позвонил Юрке?

Самое страшное уже случилось. Молодой дипломированный специалист, младший научный сотрудник престижного института, потенциальный обладатель собственной недвижимости в новостройке, любимый милой девушкой Мурзик сегодня умер. Родился новый Мурзин, сын этого подлого, жестокого понедельника: жалкий неудачник, обманутый дольщик, безработный, нищий бомж.

Саня понимал, что звонить Поддубному уже незачем. Другим знакомым он тоже звонить не станет.

Зато позвонили ему. Это снова была Милочка.

— Мурзик, ты совсем не любишь свою кошечку!

Почему ты не едешь?!

Мурзин хотел было спросить, куда именно ему следует направиться. Но с ужасом вспомнил, что именно на сегодняшний день планировался визит к Милочкиным родителям.

— Ты что, забыл? Мурзик получит денежки, купит штанишки и поедет на дачу к Мусику и Пусику.

Мурзин прижал телефон к плечу и, кряхтя, выволок вещи из лифта. Не вписался в поворот, зацепился чемоданом за подставку для цветов. Разошлась молния, и на дорогую плитку холла вывалились вперемешку Санины трусы, носки и майки.

А Милочка настаивала.

— Мурзик, скорее приезжай к своей кошечке! Мяу!

Саня, зверея, собрал разбросанное белье с пола и злобно прорычал в трубку ответное:

— Мяу!

— Мяу, — радостно отозвалась кошечка. — Я на даче! Мы все давно тебя ждем, Мурзик!

— Скоро буду, — сквозь зубы прошипел Мурзин.

Он забежал в ближайший «Магнит» и ожесточенно стал заталкивать свои пожитки в узкие

металлические ящики для хранения вещей. Рюкзак и ноутбук вошли, а чемоданы не поместились. Саня выскочил на улицу и огляделся. Слева призывно сияли яркие люстры в окнах городской администрации. Справа под слабыми лучами заходящего солнца отливали золотом купола небольшой тихой церквушки. Мурзин выбрал меньшее из зол. С чемоданами наперевес он решительно ступил на высокое церковное крыльцо.

В темноте

В церкви начиналась вечерняя служба. Откуда-то из глубины полутемного зала доносилось мелодичное стройное пение. Зал был полон людей, огромная толпа колыхалась у самых дверей.

Мурзин сунулся было с чемоданами в зал, но путь ему преградила сухонькая пожилая женщина в темном платке.

— Сюда нельзя. Видите, служба идет.

— Мне бы вещи оставить, — глупо попросил Саня.

— Какие еще вещи? Идите, мужчина, не мешайте.

Мурзин повернул направо и оказался в малень-

кой комнате, где под стеклом на прилавке были разложены кресты, иконки и свечи. За прилавком скучала полная молодая женщина.

Саня подошел поближе и решительно заявил:

— Я тут чемоданы оставлю. До вечера.

— До какого вечера? — уточнила женщина и обернулась на серые сумерки за окном.

— До ночи оставлю, — исправился Мурзин. Потом добавил: — Или до завтра.

— Оставляйте, — равнодушно ответила женщина.

— Спасибо! — радостно воскликнул Саня, не веря своему счастью.

— Пожалуйста, — так же без выражения отозвалась продавщица церковной лавки и опять отвернулась к окну.

Мурзин выскочил из церкви и вприпрыжку двинулся по мостовой, высматривая маршрутку. Потом полез в карман и с удивлением обнаружил, что он пуст. Денег не было от слова «совсем». Даже на маршрутку.

Саня горько подумал, что без денег приехать к любимой не сможет. Как ни странно, эта мысль принесла ему облегчение.

Зазвонил телефон:

— Ну, Мурзик, ты где? Почему не приехал? Мы

уже с дачи возвращаемся. С Мусиком и Пусиком. Они как раз сегодня свободны и с тобой познакомиться хотят.

— Может, не надо? — с надеждой спросил Мурзин. — Может, как-нибудь в другой раз познакомимся?

Милочка заныла:

— Мурзик, ты не любишь свою кошечку! У тебя, наверное, нет кошечки?

— Есть! — громко заорал Саня. — Есть у меня кошечка!

Прохожие обернулись на крик, а какая-то интеллигентная старушка тихо сделала ему замечание:

— Молодой человек, зачем же так шуметь? У меня тоже есть кошечка, но я же не кричу, не привлекаю всеобщее внимание.

А Милочка удовлетворенно мяукнула и весело спросила:

— Мурзик, а ты где сейчас? Мы скоро в городе будем и тебя заберем!

Саня понял, что избежать встречи с будущими родственниками уже не удастся, и грустно уточнил:

— В центре я. Около церкви Иоанна Предтечи.

Далекий голос Мусика из телефона уточнил:

— Около церкви? Какой приличный молодой человек — в церковь ходит!

Далекий голос Пусика произнес что-то невнятное, но неодобрительное.

Милочка радостно закричала:

— Жди, Мурзик, мы уже едем! Только никуда не уходи! Будь на видном месте! Мяу!

— Не уйду, — пообещал Мурзин, потому что идти в самом деле было некуда.

В ожидании неотвратимого приезда грядущей родни Саня побродил по скверу, посидел на лавочке. Потом встал на видное место: у входа в церковь, рядом с бородатым мужчиной неопределенных лет в засаленной кепке. Тот недобро покосился на Мурзина, который, напротив, устало ему улыбнулся. Причина неприязни мужчины прояснилась довольно скоро. Закончилась служба, и из церкви хлынула толпа прихожан. Проходя мимо, люди истово крестились и сыпали мелочь в грязную кепку, которую бородач предусмотрительно сдернул с лохматой головы. Саня тоже машинально протянул руку, и в нее упало несколько монеток.

«На маршрутку как раз хватит», — обрадовался Мурзин. Он деловито вытащил из-под джинсового ремня подол пропитавшейся потом рубашки

и стал собирать в нее пожертвования из щедрых христианских рук.

Раздался пронзительный гудок дорогой иномарки. Мусик и Пусик, высунувшись из окон, с затаенным ужасом разглядывали взлохмаченного потенциального зятя, который бережно, как ребенка, что-то нес перед собой в задранном подоле рубашки.

Саня понимал, что все стали свидетелями его позора. С веселым отчаянием он поздоровался и высыпал мелочь из мятой рубашки на сидение рядом с Пусиком.

— Знакомьтесь: это Мурзик! — радостно представила Мурзина Милочка.

— Хорош зять! Только встретились-и уже в подоле принес, — пробурчал Пусик, сгребая мелочь в пухлую кожаную барсетку.

— Садитесь, садитесь скорее, — заторопила Саню Мусик, тревожно оглядываясь по сторонам в поисках знакомых. Не обнаружив таковых, женщина с облегчением вздохнула и официально представилась: — Наталья Анатольевна.

— А я — Олег Сергеевич, — добавил Пусик. — Поехали домой: ужасно есть хочется.

Он круто свернул с проспекта на маленькую неприметную улочку и дал по газам. Иномарка

вздрогнула и понеслась в исторический центр города.

В просторной «сталинке» Мусик с Пусиком проворно накрыли роскошный стол. Лукаво улыбаясь, Пусик украсил еду бутылкой дорогого французского коньяка.

У Сани сразу заурчало в животе. Он вспомнил, что за весь этот долгий гадкий понедельник ничего не ел.

— Мурзика пора кормить! — защебетала Милочка и потащила Саню к столу.

Мурзин, мурлыча, как настоящий кот, набросился на еду. Постепенно пьянея, он ел и пил все подряд так много и жадно, что с трудом поддерживал разговор. Не в силах оторваться от продовольственного изобилия, Саня преимущественно молчал, лишь при необходимости отвечая на прямые вопросы.

Один из таких вопросов и стал камнем преткновения в родственной беседе.

— А где вы работаете? — поинтересовался Пусик.

— Временно не работаю, — туманно определил свой социальный статус Мурзин.

Мусик неодобрительно покачала головой, и крупные бриллианты в ее аккуратных ушках

вспыхнули и засияли ясными звездочками.

— Это как же? — не поверил Пусик. — Совсем не работаете?

— Ну, не совсем, — замялся пьяный Саня и неожиданно для себя самого выпалил: — В мафии я.

— Как в мафии? — ахнула Мусик. — С бандитами?

— Ну, не то чтобы… — стал оправдываться Мурзин и выдал чистую правду, весьма актуальную на данный момент. — На паперти я стою. Нищенствую. Около церкви. Вы же сами видели.

Все замолчали.

Потом Милочка неуверенно протянула:

— Это Мурзик так шутит.

Пусик первым оправился от удара.

— Мне тоже приходилось бывать в вашем храме. Очень приличное место, в центре города.

— Ага, и подают охотно, — подтвердил Мурзин.

Мусик вежливо добавила:

— Я тоже неоднократно там бывала. Священником в храме отец Евгений работает. Очень приличный молодой человек. Он что, про вашу мафию не знает?

— Почему не знает? — удивился Саня и похвастался. — Знает, сам при деле.

— Как это «при деле»? — осторожно осведомился Пусик.

— Крышует он нас, — пояснил Мурзин, чувствуя, как от сытого живота веселый жар распространяется по всему телу.

Он наслаждался счастливым ощущением беспредельной свободы и острого, озорного куража, когда хочется петь, кричать, смеяться. И совершенно безразлично, что о тебе подумают окружающие.

— Так ты мне всё врал! — ужаснулась Милочка.

— Врал, — охотно подтвердил окончательно захмелевший Саня.

— Убирайся! Я тебя больше не люблю! — закричала возмущенная Милочка.

— И я тебя не люблю, — искренне ответил Мурзин бывшей любимой. И добавил: — Кошка ты драная!

Милочка зарыдала, а Мусик с Пусиком растерянно замолчали.

— Пойду я, — подытожил Саня.

Он взял со стола куриную ножку с заворотом и, кивнув на прощание, двинулся к выходу.

Останавливать его никто не стал.

На ходу доев вареную курицу, Мурзин сел в

маршрутку, заплатил за проезд двумя уцелевшими монетками и уже поздним вечером добрался до церкви. Там было пусто и темно.

Саня побродил вокруг, подергал плотно закрытую дверь. Потом прислонился к ней горячим лбом и тихо заплакал от тоски и одиночества.

Вдруг из тишины раздался чей-то встревоженный голос:

— Что с вами? Заблудились? Может, плохо вам?

— Не заблудился, — ответил Саня. — Но плохо мне. Уж так плохо…

Пожилой мужчина крепко взял Мурзина под руку и повел его в маленький домик в глубине церковного двора. Там сторож усадил Саню на старый диванчик и налил горячего сладкого чаю. Мурзин рассказал этому доброму человеку обо всех невероятных и диких событиях понедельника.

— В общем, все хреново. Плохо то есть, — поправился Саня, вспомнив, где находится.

— Знаю я такое, — согласился сторож. — Как будто Бог свет выключил. И со мной было.

— А что, бывает, когда Бог выключает свет? — с интересом спросил Мурзин.

— Темнота, — серьезно ответил сторож. Он

выключил свет в своей комнатке и сказал: — Ложись отдыхать, парень. Тебе поспать надо.

Так Саня Мурзин, сын понедельника, оказался в темноте. В прямом и переносном смысле этого слова.

В гостях у правдоруба

Как ни странно, после всех своих потрясений Мурзин хорошо выспался в церковной сторожке. Утром он, бодрый и энергичный, перекусил со сторожем чем Бог послал и отправился искать приют у бывшего однокурсника по политеху Вити Горшкова.

«Витя может помочь, — размышлял Саня. — Если не сможет или не захочет, так хоть сразу скажет, врать не станет. Недаром всегда правдорубом считался».

Действительно, Горшков (или Горшок, как обычно называли его в политехническом институте), добродушный веселый толстяк, запомнился всем специфической маниакальной честностью и любовью к нехитрым шуткам и розыгрышам.

Еще на первом курсе Витя приставал ко всем знакомым и малознакомым парням со странной просьбой:

— Слышь, вот ты мне скажи: «Дайте в руки мне гармонь-золотые планки!»

Однокурсники недоумевали и, чувствуя подвох, напрочь отказывались произносить загадочную фразу. К девушкам (их в институте было немного) Горшок обращаться не решался. Поэтому, убедившись, что его просьба не будет выполнена, Витя говорил сам себе:

— Дайте в руки мне гармонь — золотые планки! — Потом сам же себе отвечал: — А ху не хо? — После чего долго и заразительно хохотал.

Своеобразное чувство юмора и безудержная откровенность не мешали (наоборот, помогали) Горшку в учебе и труде. Сердитый преподаватель начертательной геометрии по прозвищу Злобный Карлик, «заваливший» на зачете всю группу, пощадил только Горшкова. Витя, как и другие, не смог справиться с заданием, но объяснил, что не подготовился к занятиям из-за котят.

— Кошка пять котят принесла: два рыженьких, два серых и один — не пойми какой, вроде в полосочку. И всех она вот в этот свитер засунула. Пока увидел, пока застирал, пока свитер высох — уже в институт пора. Вот и не успел. Еще и пятно осталось.

Тут Горшок в доказательство продемонстриро-

вал пятно, оттянув свитер на животе.

Злобный Карлик за свою долгую педагогическую практику слышал от студентов много неубедительного стандартного вранья и окончательно потерял веру в честность обучающихся. Но Витин оправдательный неформал тронул его жестокую душу своей искренней и простодушной сопричастностью к судьбам представителей местной фауны. Недрогнувшей рукой преподаватель вывел заветное «зачтено», и заботливый кошатник поспешил к выходу из аудитории.

Однокурсники с завистью выслушали трогательную историю Витиной победы. Потом один из них спросил:

— А котят куда дел?

— Каких котят? — не понял Горшков.

— Этих, пятерых, про которых Карле рассказывал.

— Да они еще в позапрошлом году родились, когда я в школе учился! — вспомнил Витя.

— Так ты соврал, что ли? — возмутились ребята.

— Почему соврал? — удивился тот. — Я просто время поменял. Это ж на самом деле было. А я никогда не вру.

Бесхитростный взгляд добрых голубых глаз

Горшка подтверждал: он говорит истинную правду А расхождение между происшедшими событиями в несколько лет — всего лишь досадная и малозначимая деталь, на которую не стоит обращать внимания.

За годы обучения в вузе Витя зарекомендовал себя недалеким, но старательным, правдивым и вполне серьезным студентом. Такая же репутация сложилась у него и на производстве. Горшок снискал себе славу кристально честного человека, истинного правдолюбца, отказавшись участвовать в коллективном хищении деталей из ценных металлов.

— Не, мужики, это не мое. Я никого не осуждаю, дело ваше. Но сам никогда чужого не возьму. Будут у меня дети… Как я их воспитывать стану, если сам вор?

После такого заявления несколько пристыженных коллег Виктора тоже решили «завязать» с позорным промыслом. А когда все разошлись, Горшок аккуратно собрал оставшиеся детали и отнес их домой. Разумеется, его никто подозревать не стал.

— Пусть до лета лежат, — объяснял потом Горшок Сане. — Народ у нас какой? Из цеха всё тянут и тянут. Спрашивается, зачем тянут? Украдут — и

сразу пропьют. Или ерунду какую-нибудь купят. А у меня всё в дело пойдет. В деревню отвезу, бабушке на огороде полив налажу. Старая она уже стала, тяжело с ведрами бегать. А что останется — тестю в гараж сгодится.

Вот и сейчас, выслушав Санин сбивчивый рассказ, Витя честно подвел итоги:

— В общем, так: оставить тебя здесь я не могу. Сам подумай: вот придут коллекторы долги по ипотеке из тебя выбивать. А у меня давление, диабет второго типа еще с института. Я тебе не защитник, помочь не смогу. Так что угробят нас во цвете лет. Тебя — как должника, меня — как свидетеля. Или еще хуже: они за тобой придут — а жена дома будет. Ты же мою Танюху помнишь?

Саня утвердительно кивнул головой и поежился от воспоминаний.

— Ну вот, — рассудительно продолжал правдоруб. — Она же обязательно с ними сцепится. Орать начнет, драться кинется. Еще зашибет кого. А если насмерть? Сядет потом за убийство, а я — передачи носи? — Подумав, Горшок предусмотрел иной вариант развития событий, тоже его не порадовавший. — А вдруг они в драке Танюху убьют? Я вдовцом останусь-тоже ничего хорошего.

— Понятно, Витя, — упавшим голосом пробормотал Саня. — Как говорится, прости и прощай…

— Не торопись, — спокойно продолжил Горшок. — К психологу пойдем.

— Да на хрена мне психолог! — взвился Саня.

— Это тебе так кажется, что не нужен. А на самом деле тебе просто необходимо поговорить об этом.

— Все, Витя, я пошел!

— Я вообще-то квартирный вопрос имел в виду. Сам же сказал, что тебе жить негде. — Он бестрепетно набрал номер начальника и печально сообщил: — Петр Иванович, я сегодня на работу сильно опоздаю или вовсе не приду. Пока я на даче был, меня соседи залили. Горячую воду включенной оставили, всё на меня протекло. В ванной кафель с одной стороны отошел, в кухне на шкафах дерево вздулось. На потолке большое пятно растекается. А в коридоре…

Про коридор начальник слушать не стал, и Горшков удовлетворенно заключил:

— Ну вот, сейчас пойдем.

— Ой, Горшок, ты опять, что ли, наврал? Типа «время поменял»?

— Я никогда не вру, — возразил Витя. — Меня вправду соседи залили. Еще на старой квартире.

Давай собирайся — и двигаем.

— Далеко? — поинтересовался Саня.

— Как сказать, — рассудительно протянул правдоруб. — Два этажа пройти.

«От Горшка-два вершка», — подумал Саня и оказался прав.

От горшка два вершка

Едва ли кто-то в трезвом уме и твердой памяти мог заподозрить, что на четвертом этаже панельной пятиэтажки в далеком спальном районе ведет прием дипломированный психолог!

Повеселевший Мурзин легко проскочил четыре лестничных пролета и остановился возле обшарпанной двери, хранившей на себе отпечатки чьей-то грязной обуви разных размеров.

— Клиенты, — поймав удивленный взгляд товарища, пояснил Горшок.

Дверь открыла маленькая девушка — на вид совсем ребенок. Это и была психолог (психологица, психологиня — Саня запутался в терминологии), владелица гипотетического приюта для бездомного скитальца.

— Это соседка моя, Катя, — представил хозяйку Горшок. — А вот мой друг Саша. Учились вместе.

Пусть он у тебя за шкафом поживет.

Саня вежливо кивнул и внимательно осмотрел девушку с головы до ног.

Катя с высоты своего небольшого роста окинула Мурзина цепким и безрадостным взглядом в обратном порядке: с ног до головы. Потом недовольно заметила:

— Что он, таракан, что ли — за шкафом жить?

— Он — мужчина в полном расцвете лет и сил, — веско заявил Горшков.

— А я мужчину не заказывала, — фыркнула Катя.

— Ему жить негде, — пояснил Витя.

— А я причем? — возмутилась психологиня. — У меня не ночлежка, а служба психологической помощи населению.

— Сама подумай: вот придут к тебе приставы… — начал правдоруб.

— Не придут, — отрезала Катя. — У меня с Михалычем из налоговой договоренность.

— Ладно, — покладисто согласился сосед и продолжил: — Или придут бандиты тебя убивать…

— За что убивать? — поразилась психологиня.

— Ну, не знаю. Им виднее. А друг мой тут из-за шкафа как выскочит…

— Да что за шкаф у вас такой? — не выдержал

Саня.

— Какой надо шкаф, — уверенно парировала психологиня. — Какой у всех психологов в кабинете ставят.

Неожиданно и резко прозвенел дверной звонок.

Катя вздрогнула и стала поспешно заталкивать друзей в комнату, длинную и узкую, как пенал.

— За шкаф, быстро! И тихо сидеть!

Тут Саня и увидел широкий неуклюжий полированный шкаф, отгораживающий от небольшого комнатного пространства темный угол, где Мурзину предстояло (предположительно) провести ближайшие дни и ночи. За шкафом находилось два жизненно важных предмета: тумбочка с треснувшей верхней крышкой и старая продавленная кушетка, застеленная веселым голубым пледом с изображением разноцветных животных. Задевая друг друга плечами, Саня с Горшком с трудом уместились на кушетке и замерли в ожидании клиента.

— Здравствуйте, Катерина Петровна! — раздался из прихожей дребезжащий женский голос.

— Здравствуйте, Антонина Матвеевна! — вежливо отозвалась Катя. — Рада вас видеть! Как вы сегодня себя чувствуете?

— Неважно, дорогая. Невестка огорчает: готовит плохо, убирает небрежно. Но, главное, внучка грубит. Вчера намазалась, накрасилась, надела эти ужасные джинсы в обтяжку, с дырками, через которые всё видно. Ну абсолютно всё! Я говорю ей: «Олесечка, ты в этих джинсах, прямо как настоящая “б”». Это я ей так одной буквой намекаю, что она, молодая девушка, неприлично выглядит. А внучка мне всё это ужасное слово прямо в глаза и выложила! «Ты что, — говорит, — бабка, хочешь сказать, что я… это слово?» И так громко, вслух слово произносит! А я ей отвечаю: «Нет, милая, конечно, нет. Но что я могу сделать, если ты на нее так похожа?» Вы представляете?!

Ответа Кати друзья не расслышали, но описываемые события живо представили. Они толкали друг друга локтями и зажимали рты, чтобы не помешать психологическому тренингу.

А посетительница продолжала.

— Очень тяжело находиться рядом с представителями другого поколения, с иной системой ценностей. Но, думаю, я смогу это пережить с вашей помощью. Я чувствую себя значительно лучше после наших упражнений. Особенно после «Поплавка».

— Конечно, Антонина Матвеевна! Пусть будет

«Поплавок», — покорно ответила Катя. — Ложитесь на диван и устраивайтесь как вам удобно.

Скрип диванных подушек возвестил о том, что клиентка готова к свободному плаванию в психологическом море.

Катя монотонным голосом начала причитать:

— Когда все вокруг кажется ужасным, наступает отчаяние, теряются силы, хочется сдаться, нет веры в себя, отсутствует всякое желание, одолевает безразличие, человеку необходим хотя бы лучик уверенности и надежды, чтобы разогнать мрачные мысли и чувства, придать уверенность, подавить свой страх…

Горшок за шкафом назидательно прошептал:

— Вот! Как раз для тебя. И совершенно бесплатно.

Саня согласно кивнул головой и приготовился слушать.

— Закройте глаза, успокойтесь и живо представьте, что вы маленький поплавок в огромном океане. У вас нет цели, компаса, карты, руля, вёсел. Вы движетесь туда, куда несут вас ветер и океанские волны. Большая волна может на некоторое время накрыть вас, но вы вновь и вновь выныриваете на поверхность. Попытайтесь ощутить эти толчки и выныривания… Почувствуйте

движение волны, силу ветра, капли дождя, подушку моря под вами, которая вас поддерживает. Какие еще ощущения возникают у вас, когда вы представляете себя маленьким поплавком в большом океане? Представьте, что поплавок — ваша душа. Она может бороться со стихией и победить. Так она устроена. И стихия, буря тоже не вечны. Буря утихнет, будет солнце и штиль. Сейчас вам надо не отчаиваться, а верить и надеяться. Тянитесь вверх!

Судя по стону и скрипу дивана, Антонина Матвеевна весьма остро ощущала все толчки и выныривания маленького поплавка в большом океане. Поплавок измученной Саниной души тоже сейчас болтался где-то «без цели, компаса, карты, руля, вёсел». Но Мурзин с удивлением заметил, что от психологических заклинаний ему становится легче: хочется верить в то, что скоро «будет солнце и штиль». Восприняв указание «тянитесь вверх» буквально, Саня потянулся и воздел руки к низкому потолку. Кушетка опасно накренилась, и Горшок чуть не свалился на пол. Но они

с Саней все-таки сумели восстановить равновесие шаткой мебели и до конца сеанса просидели за шкафом максимально тихо.

Проводив Антонину Матвеевну, психологиня одобрительно улыбнулась друзьям, оценив их выдержку.

— Ладно, сейчас выметайтесь: клиенты скоро придут. А ты, — обратилась она к Сане, — приходи после семи вечера. Обсудим подробности. — И строго добавила: — Но на диване не спать! Он для клиентов.

За шкафом

С этого дня у Сани Мурзина началась новая жизнь. За шкафом.

В первое утро он скромно позавтракал кашей и двумя яйцами из запасов щедрого Горшка и отправился искать работу. Этому неблагодарному и бесплодному занятию Саня посвятил целый день. Вечером он помог продавщицам разгрузить товар в ближайшем «Магните у дома» и заработал небольшую сумму, позволившую там же купить необходимые продукты на несколько дней.

В свое временное пристанище, согласно договору с хозяйкой, Мурзин попал после семи часов вечера, когда прием клиентов был уже завершен и психологиня возвратилась ночевать к семье в другой отдаленный спальный район.

Он поужинал и честно залег на жесткую кушетку, обдумывая ближайшие перспективы своей новой безработной жизни. Тонкие ножки кушетки опасно подрагивали. Тихий скрип сбивал Саню с мыслей, поэтому вскоре он перебрался на большой мягкий диван «для клиентов» и быстро уснул.

Таким же бессмысленным стал и второй день. Мурзин опять искал работу, ходил по адресам, но, к сожалению, никому молодой специалист не требовался. От отчаяния Саня даже забрел на митинг обманутых дольщиков около областной администрации. Собратья по несчастью вручили Мурзину самодельный обличительный плакат, с которым он уныло толкался в шумной толпе. Потом прислонил плакат к стене администрации и побрел в свое временное пристанище — за шкаф.

На этот раз ночью Саня долго вздыхал и вертелся на диване «для клиентов», потому что вспоминал любимую «кошечку» и ужасался своему глупому и дикому поведению в гостях у ее родителей. Поразмыслив, Мурзин решил, что теперь для него любовь потеряна навеки и нужно забыть Милочку как можно скорее. С этой оптимистической мыслью он и встретил серый рассвет.

Утро огорчило мелким унылым дождиком, который постепенно перешел в настоящий ливень. Саня решил никуда не ходить и провести день, скрываясь за шкафом, в чтении объявлений о работе из заботливо накопленных вчерашних газет.

Катю этот факт не порадовал, но и не слишком огорчил. Она лишь напомнила жильцу о необходимости вести себя тихо и незаметно, чтобы не обнаружить своего присутствия на психологическом тренинге.

Мурзин безоговорочно согласился выполнить обещанное, но это оказалось затруднительным.

Утром было относительно малолюдно и тихо, но со второй половины дня клиенты пошли сплошным потоком.

Сначала Саня с интересом и даже с некоторым удовольствием слушал монотонный голос Кати, предлагавшей очередной клиентке расслабиться, закрыть глаза и представить перед собой чистый лист бумаги, карандаш и стиральную резинку. Женщине нужно было мысленно нарисовать на листе негативную ситуацию, которую она стремилась забыть. Потом следовало мысленно «стирать» с бумаги резинкой негативную ситуацию-до тех пор, пока с листа не исчезнет

картинка. После чего клиентка должна была открыть глаза и проверить свои мысли, представив тот же лист бумаги. Если он станет чистым — значит, ситуация себя изжила и женщина с помощью психологического тренинга освободилась от негатива.

Вероятно, у клиентки были проблемы с мыслительной деятельностью, потому что картинка негативной ситуации никак не хотела стираться с чистого листа ее сознания. Упражнение повторяли четырнадцать раз. За это время даже Мурзин за шкафом мысленно стер с листа своей памяти все трагические события ужасного понедельника. Но проблема клиентки так и не исчезла, что побудило женщину записаться к Кате на следующий прием.

Потом пришел (судя по голосу) толстый одышливый мужик, который пять раз должен был выполнить упражнение «Вращающийся куб».

Саня насторожился, но, прислушавшись к описанию тренинга, успокоился. Для выполнения этого упражнения необходимо было мысленно заключить свою проблему в куб, вращать этот куб и двигать по горизонтали, а затем убрать за горизонт (опять же мысленно). Мурзин заключил, что ничего опасного данное упражнение в себе не

таит. Но ошибся, так как даже не подозревал, что в процессе выполнения из программы тренинга выпадет ключевое слово «мысленно».

Оказывается, предусмотрительный клиент принес с собой странный объемный предмет, символизирующий куб с проблемами. Этим предметом он долго скреб и возил по поверхности шкафа, имитируя вращение и движение по горизонтали проблемного куба.

Заткнув уши, Саня мужественно терпел шуршание и скрежет. Казалось, что с противоположной стороны шкафа возится, скребется и подбирается к Мурзину гигантская мышь. Саня забился в самый дальний угол комнаты, опасаясь, что клиент, убирая куб с проблемой «за горизонт», вытолкнет его прямо за шкаф.

Наконец с проблемным кубом было покончено. Но расслабляться не пришлось, так как следом пожаловала группа из трех активных женщин весьма зрелого возраста. Дамы отрабатывали двигательные техники, направленные на вытеснение негативных эмоций, связанных с «застреванием» на личностной проблеме. Они дружно приступили к выполнению упражнения «Прогони проблему», которое Сане сразу не понравилось.

Клиентам предлагалось представить, что позади них стоит какая-либо из существующих проблем, от которой нужно избавиться. Необходимо было прогонять проблему, отталкивая ее резким движением руки назад и ударом локтя, проговаривая при этом: «Уйди!».

Бодрые пенсионерки со всей ответственностью отнеслись к выполнению этого полезного упражнения. Они целый час топотали по комнате так, что дрожали пол и стены, пинали шкаф и хором орали: «Уйди!»

Саня сжался в дрожащий комок, закрыл голову подушкой и с нетерпением ждал окончания тренинговой пытки. Каждый истошный крик «Уйди!» казался Мурзину обращенным лично к нему, и он с трудом удерживал себя за шкафом. Бедственное положение Сани осложнялось еще и нарастающим желанием удовлетворить естественные потребности организма. А женщины как назло не торопились. Каждая по очереди задавала Кате вопросы, потом клиентки долго спорили о дате и времени следующего сеанса и выясняли, кто из них, когда и как долго занят на следующей неделе.

Мурзин за шкафом крутился и раскачивался на кушетке, чувствуя, что больше не сможет вытер-

петь ни минуты. Прислушиваясь к удаляющимся женским голосам, он радостно встал с кушетки, но был остановлен громкими новыми голосами-теперь уже мужскими.

Следующим клиентом оказался свежеиспеченный криминальный авторитет, который, как и положено, пришел на прием к психологу с двумя телохранителями. Молодой клиент недавно ступил на преступную стезю, поэтому придавал большое значение ритуалам преступного мира и заходить в незнакомое место не спешил. Сначала, громко шаркая тяжелыми берцами, в комнату ввалились телохранители.

И вот тут в полном соответствии со сценарием, предначертанным прозорливым правдорубом, истомившийся Саня выскочил из-за шкафа. Оба телохранителя синхронно схватились за оружие, но были остановлены своевременным окриком Кати: «Свои!». А вот Мурзина уже ничто не могло остановить. Он пронесся мимо авторитета, запнувшегося на пороге комнаты, и влетел в соответствующее ситуации помещение.

Психологиня в это время вежливо улыбалась и отчаянно пыталась спасти положение. Саню она представила своим коллегой, психологом-консультантом из Санкт-Петербурга, оказавшимся

здесь проездом по деловой надобности.

Вскоре лучезарный Мурзин со смешанными чувствами непередаваемого облегчения и светлой радости вальяжно вышел из туалета. Тут его ждал неприятный сюрприз. Оказалось, что криминальный авторитет, выбиравший психолога по интернету (как выяснилось, уже шестого по счету), ориентировался на фамилию Кати — Ткаченко — и не предполагал, что за ней может скрываться представительница женского пола. Внимательно оглядев маленькую и невзрачную психологиню, клиент решил, что с мужчиной ему будет гораздо удобнее обсуждать сугубо мужские проблемы криминального бизнеса, поэтому вежливо попросил Катю оставить их с «питерским коллегой» наедине.

В дебрях психологии

Пока телохранители с Катей пили кофе в маленькой кухоньке, Мурзин и авторитет, который представился Романом, сидели за столом и внимательно смотрели друг на друга.

Роман взирал с искренней надеждой и симпатией. Вероятно, он оценил быстроту реакции и скорость, с которой пронесся мимо него «питер-

ский коллега». Саня изо всех сил пытался сделать приличествующее случаю серьезное и заинтересованное лицо. Внутри у него все сжималось от страха, в спутанном сознании метались горькие мысли о том, что сбежать от этого крутого пацана с двумя подручными бугаями будет сложно. Но наученный горьким опытом безжалостного понедельника Мурзин приготовился стойко встретить очередной удар судьбы.

Он улыбнулся собеседнику и приветливо спросил:

— В чем проблема?

Роман замялся, потом вздохнул и неожиданно предложил:

— Давай на «ты»?

— Давай, — обрадовался Саня сокращению дистанции между ними, по виду ровесниками. Он сел поудобнее и приготовился внимательно слушать своего неожиданного первого клиента.

Роман рассказал, что его проблема заключается в неумении скрывать негативные эмоции по отношению к неприятным людям.

— Не поверишь, — делился он с Мурзиным, — как увижу какую падлу-и сразу рыло наперекосяк. Так бы и замочил!

Эта особенность Романа уже не раз станови-

лась серьёзной помехой проведению деловых переговоров и препятствовала установлению взаимовыгодных контактов. В течение двух месяцев мужчина прошел пять разных психологических тренингов, которые, к сожалению, не дали положительных результатов.

Тут хитрый Мурзин попросил клиента рассказать о тренингах подробнее. Он надеялся в ходе беседы получить хотя бы самое приблизительное, общее представление о том, как подобное состояние психики лечили специалисты.

Оказалось, что все пять психологов в один голос твердили, что для лечения Романа необходимо любыми способами пробудить у него эмпатию по отношению к неприятным людям, заставить осознанно сопереживать их чувствам и эмоциям.

С первым специалистом Роман расстался после единственного тренинга, на котором мужчину заставили выполнить упражнение «Комплименты». Суть его заключалась в том, что при встрече с неприятным человеком для подавления негатива следовало говорить комплименты о его внешности или неких внутренних позитивных качествах. При отсутствии таковых следовало эти качества придумать и озвучить с искренним восхищением, от всего сердца. Роман даже не

стал представлять себе, как будут восприняты и насколько неверно истолкованы его собеседником подобные комплименты в силу специфики криминальной среды. Ушел сразу.

Второй психолог для установления гармоничных отношений с партнерами научил Романа при виде неприятного человека многократно мысленно повторять фразу: «Я чувствую себя счастливым, когда вижу тебя, своего друга». Мужчина честно последовал совету специалиста. Но изображал радость встречи так натужно и неубедительно, что партнеры заподозрили Романа в тщательно скрываемой серьезной болезни. Вследствие чего предложили перенести переговоры на другое время, когда тот будет лучше себя чувствовать.

Третий психолог уверял, что враждебность (хоть и не сразу) исчезнет при эмпатических ответах, и рекомендовал упражнение «Разговор с незнакомцем».

— Будьте внимательны и доброжелательны к окружающим, — убеждал он Романа. — Заведите непринужденную беседу с неприятным незнакомцем в очереди в магазине или улыбнитесь человеку, сидящему напротив вас в метро. Нужно поставить себя на место собеседника,

сопереживать ему, воспринимать его внутреннее состояние.

Роману не приходилось стоять в магазинных очередях, в метро он тоже бывал редко. Самым неприятным человеком на тот момент был для него сам третий психолог, который мужчину откровенно бесил. Поэтому Роман в непринужденной беседе со специалистом искренне сказал:

— Вот поставил я себя на ваше место и думаю: вы правда такое чмо или придуриваетесь?

Ответ психолога эмпатией не блистал, что способствовало досрочному завершению тренинга. Навсегда.

Четвертый психолог заставлял клиента выполнять упражнение «Стать зеркалом» и уверял, что для достижения эмпатии достаточно «зеркалить» своего собеседника: принять похожую позу, повторять особенности его мимики, в разговоре использовать сходные речевые конструкции. Попытка Романа применить советы психолога на практике привела к очень серьезному конфликту на «стрелке».

— Прикинь, — жаловался Роман, — я старался во всем подражать этому козлу, а он ствол выхватил — и ну орать, типа я его передразниваю.

Пятый психолог выбрал для клиента упражне-

ние «Убежище», понижающее эмоциональное напряжение. Роман должен был во время конфликта или непонимания мысленно перенестись в «место полного покоя и комфорта» — придуманное убежище: личный остров, замок где-нибудь в параллельной вселенной, где ощущается полная безопасность.

Применение этого метода тоже закончилось полным фиаско. Недавно Роман, чтобы окончательно не рассвирепеть от неприемлемого предложения, сделанного партнером по бизнесу, замолчал и мысленно перенесся в придуманное убежище. Возникшая в беседе пауза была неверно понята соратниками. Они потом очень строго предупредили товарища: если он продолжит обдалбываться, ширяться и зависать в разговоре, дел с ним никто иметь не будет.

Клиент закончил свое печальное повествование, а Саня задумался, оценивая сложность поставленной задачи. Потом обратился к Роману:

— Представь, что вот там, — Мурзин показал на шкаф, — находится неприятный для тебя человек.

Круглое добродушное лицо Романа преобразилось: губы сжались, ясные голубые глаза

потемнели, сузились и заблистали сталью.

— Что бы ты с ним сделал, если б мог? — осторожно спросил Саня, уже предугадывая ответ.

— Урыл бы, — честно ответил клиент.

— Так, достаточно, — прекратил эксперимент Мурзин.

А Роман печально подытожил:

— Вот такая хренотень получается… И каждый психолог, блин, требовал: ты их пойми, полюби. Ну как я могу их любить, если терпеть ненавижу?

— И правильно, не люби, — серьезно согласился Мурзин. — Совершенно незачем их любить. Мы тебя по другой методике лечить будем: «Дрон-пять».

Методика «Дрон-пять»

Название методики Саня придумал сходу. Она была производным от фамилии его учительницы математики — Дроновой.

В школьные годы Мурзин пребывал с ней в затяжном конфликте. Однажды математичка почему-то заподозрила его в краже и уничтожении контрольных работ. Хотя Саня не имел к этому происшествию никакого отношения, Дронова

почти все два года, оставшиеся до окончания среднего учебного заведения, регулярно подвергала его публичным унижениям. Она коверкала фамилию Мурзина, забывала выставить оценку за ответ (да и сами оценки обычно занижала), жаловалась классному руководителю на плохое поведение ученика.

Всякий раз перед уроком математики Саня ощущал тревогу, безысходность и затаенную тоску. А при виде учительницы он испытывал сильнейшие негативные чувства, для описания которых идеально подходило Романово «терпеть ненавижу». Но однажды, незадолго до выпускных экзаменов, положение в корне изменилось.

В очередной раз получив несправедливое замечание от математички, Мурзин не выдержал и неловко огрызнулся, за что немедленно был выгнан из класса.

Он стоял в коридоре у окна, смотрел на скользкий серый тротуар у школьных дверей, по которому, спотыкаясь, спешили куда-то редкие прохожие. И вдруг представил, как толстая и неуклюжая Дронова скользит на ступеньках и с размаху падает на лед. Тяжелая сумка отлетает в сторону, пальто распахивается, юбка задирается и обнажает кривые ноги в рваных чулках и урод-

ливых старомодных рейтузах жизнерадостного желтого цвета. Такие желтые рейтузы, огромные, как чехол от танка, частенько сушились на веревке в ванной у Володи Белкина, соседа по парте, с которым Саня вместе готовился к занятиям. Рейтузы принадлежали Володиной бабушке, суровой мощной старухе с грубым командирским голосом. Ее Мурзин тоже не любил и побаивался, поэтому сейчас картинка учительского позора получилась особенно живой и яркой.

Саня невольно улыбнулся и вдруг понял, что больше не боится математички. Он решительно распахнул дверь класса и отправился на свое место.

— Мурзин, тебе никто не разрешал садиться, — возмутилась Дронова.

— Ну так разрешите, — спокойно заявил Саня.

Учительница опешила и строго воззрилась на Мурзина, выбирая слова для ответа. Но запнулась под бесстрашным, насмешливым взглядом ученика. Саня смотрел ей прямо в глаза и улыбался, будто знал про математичку что-то тайное и стыдное.

— Ладно, садись, — недовольно буркнула Дронова.

С этого дня она никак не проявляла своего

неприязненного отношения, даже старалась спрашивать Мурзина как можно реже. А на экзамене поставила заслуженную «четверку». Правда, не «пятерку», о которой тот мечтал. Про желанную «пятерку» Саня помнил, поэтому и внес ее сейчас в название тренинга.

Вдохновленный воспоминанием Мурзин решил применить авторскую методику к своему первому клиенту.

— Смотри, — объяснял он Роману, — когда видишь неприятного человека, не старайся его любить. Наоборот, представь в самой глупой, дикой, смешной, нелепой ситуации.

— В какой ситуации? — не понял Роман. — Я, может, его в первый раз вижу…

— Ничего, это не имеет значения. Придумай.

— Типа он облажался и ты это просек? — догадался Роман.

— Нуда.

— А если я не знаю, где он облажался?

— Сделай вид, что знаешь. Каждый человек в своей жизни где-нибудь когда-нибудь да облажается. Твое дело — все это четко представить перед разговором. Просто смотри на собеседника спокойно и уверенно, будто что-то про него знаешь. Можешь даже улыбаться. Тебе станет смешно

— и сразу урыть расхочется. Так по методике положено, — уверенно соврал Саня.

— А «Дрон-пять» почему? — поинтересовался клиент. — Про дрон ясно: типа летит и сверху все сечет. А «пять» зачем?

— Пять секунд тебе на то, чтоб картинку выбрал и представил. Давай, пробуй!

Роман задумался и с сомнением спросил:

— И Поперечного можно?

— Кого? — удивился Мурзин.

— Ну, Вову Поперечного, он Павловский рынок держит. Можно?

— Можно, — твердо заявил Саня.

Роман напрягся, и вдруг лицо его озарилось светлой улыбкой.

— Представил?

— Ага!

— А что представил? — уточнил Мурзин.

Роман покосился на неплотно закрытую дверь кухни, потом встал и зашептал Сане на ухо.

Оба засмеялись.

— А еще можно? — воодушевился клиент.

— Конечно, — согласился Саня. — Пять секунд — не забыл?

— Ага, я еще одного сейчас… — деловито сообщил Роман.

Он сосредоточился и вновь просиял радостью.

— Ну, и что ты чувствуешь? — поинтересовался Мурзин.

Роман не в силах подобрать слова только восхищенно покрутил головой, вздохнул и торжественно пожал Сане руку.

— Да, крутяк! В натуре — Питер.

— Обращайтесь, — с облегчением улыбнулся Саня и даже шутливо поклонился.

Роман стал расплачиваться за тренинг и шелестел купюрами так долго, что Саня даже боялся поверить в реальность заработанной суммы.

Вдруг лицо клиента помрачнело.

— Свалишь скоро, — печально заключил он. Потом с робкой надеждой поинтересовался: — Может, тут зацепишься? С хатой порешаем!

— Мне тут уже порешали, — невольно вырвалось у Мурзина.

Он рассказал печальную историю о вероломном соинвесторе застройщика. Роман недоверчиво покрутил головой.

— Прям так за границу рванул? — засомневался он и уточнил: — И бумаги есть?

— Есть, — подтвердил Саня. — Бумаги остались. Как раз подтереться…

Оба помолчали.

— Ну, бывай! — Роман еще раз пожал Мурзину руку.

Потом стукнул в дверь кухни, и скоро вся троица громко затопала вниз по лестнице.

В комнату вернулась встревоженная Катя. Девушка подозрительно разглядывала довольное лицо Сани. Но, увидев плотную пачку денег, заметно повеселела.

— С почином тебя! — поздравила она Мурзина. — Надо же, конкурента впустила на свою голову!

— Будем праздновать! — объявил Саня. — Сейчас Горшка позовем…

— Нет, давай завтра. Сегодня мне надо пораньше домой попасть, — возразила Катя.

— Завтра так завтра, — согласился Саня.

Проводив психологиню, Мурзин даже не подошел к скрипучей кушетке за шкафом. Он важно развалился на диване «для клиентов» и быстро уснул.

Долгое-долгое утро

Долгое-долгое утро началось рано. В семь утра в дверь позвонили.

На пороге стоял неприметный вертлявый

парень в дорогом костюме. Он по-хозяйски прошел к старенькому Катиному принтеру, строго потребовал у Сани документы на квартиру и незамедлительно снял с них копии. После чего так же быстро удалился, бросив через плечо загадочное:

— Ждите ответа!

В восемь утра позвонила Катя и сообщила, что у младшего сына температура, поэтому она останется дома до прихода врача. И ехидно добавила, что теперь Саня, как коллега, вполне сможет заменить ее на приеме. При этом даже не уточнила, когда и кто именно должен сегодня прийти на тренинг.

Мурзин хотел было расспросить о грядущих клиентах подробнее, но потом передумал. Он справедливо и небезосновательно рассудил: если вчера смог поладить с «авторитетом», то сегодня справится с любым сложным случаем.

В десять часов утра пришла женщина с печальным лицом, которая, как вспомнил Саня, пыталась стереть из сознания картинку негативной ситуации. Увидев на месте психолога незнакомого молодого человека, клиентка испуганно остановилась на пороге и неуверенно сообщила, что придет в другой раз.

Но Мурзин, следуя «питерской» легенде,

жаждал продолжения своей недолгой психологической практики, поэтому располагающе улыбнулся и предложил:

— Мне хотелось бы вам помочь. Может быть, я смогу справиться с вашей проблемой?

— Едва ли, — без улыбки ответила грустная незнакомка.

— А всё-таки? Расскажите, что вы пытаетесь забыть? — опрометчиво спросил Саня и ужаснулся своей промашке. Не следовало говорить о том, что он узнал, прячась за шкафом, ведь на психологических тренингах не бывает посторонних.

Но клиентка не удивилась вопросу, только таким же тусклым безжизненным голосом спросила:

— А что, это так заметно? Что я пытаюсь что-то забыть.

— Да, — важно согласился Саня, — поэтому я и хочу помочь вам. У нас в Питере применяют новые передовые тренинговые методики. Может быть, это как раз ваш случай.

— Может быть, — без выражения отозвалась женщина.

Она прошла в комнату, равнодушно и привычно опустилась на знакомый диван. Потом обернулась к Мурзину.

— Ну, и что? Опять стирать ситуацию будем?

— Как вас зовут? — вместо ответа спросил Саня.

— Ирина.

— А меня-Александр. Какую негативную ситуацию вы хотите забыть? Ответьте коротко, одним предложением.

— Я хочу забыть мужа, который через девять лет брака от меня ушел.

Саня задумался и осторожно поинтересовался:

— А что вы уже делали, чтобы его забыть?

— Вещи его выбросила, подарки вернула, ситуацию «стирала». С общими знакомыми не встречаюсь. Только мать его мне звонит иногда.

— Зачем? — поразился Мурзин.

— О нем рассказывает, прошлое вспоминает.

— Так, — обрадовался Саня. — А сами вы ей не звонили?

— Нет, конечно! Мне после ее звонков жить не хочется.

— А не говорили, чтобы она вам звонить перестала?

— Неудобно как-то. Она уже немолодая. Скучно ей, наверное.

— Зато вам «весело», — возмутился Мурзин. — Наберите ее номер, пожалуйста.

— Я не буду ей звонить. Я не могу!

— Зато я могу! — разозлился Саня. — Как ее зовут?

— Алла Викторовна. Но это неправильно, не надо…

— Звоните! — решительно приказал Мурзин.

Он взял из рук Ирины телефон и строгим, «официальным» голосом веско произнес:

— Алла Викторовна, вас беспокоит Александр, муж Ирины. Да, муж. Прошу вас никогда больше не звонить Ирочке. У нее другая семья и другая жизнь. А вы и ваш сын — прошлое, о котором не стоит вспоминать. Надеюсь, вы меня поняли и не будете больше нас беспокоить.

Саня вернул телефон Ирине, которая смотрела на него печально и растерянно, не веря собственным глазам.

Потом прошептала:

— Что же вы наделали?

— Стер негативную ситуацию. Вы ведь этого хотели?

Женщина промолчала. Затем медленно поднялась с дивана.

— Я пойду, наверное…

Саня загородил ей дорогу:

— Нельзя так, слышите! Посмотрите на себя!

Вы же как больная живете!

— Я не живу. Устала жить. Да и не больная я — скорее, мертвая.

— Господи! — заорал Мурзин. — Из-за мудака себя хоронить! Вы молодая, красивая!

— Вот ваш гонорар, — перебила его Ирина и протянула деньги.

— Да не возьму я ничего, если вы сами себе помочь не хотите! Купите ерунду какую-нибудь женскую, в парикмахерскую сходите! Или просто пропейте эти деньги-с подругами или с друзьями! Есть же в вашей жизни нормальные люди! Вот с ними и пропейте!

Саня выговорился и замолчал. Женщина положила деньги на столик и молча двинулась к выходу. Мурзин вскочил и засунул скомканные бумажки ей в сумку.

— Подождите! Это важно! Осталось в вашей квартире от него еще что-то живое? Не вещи, а животное или растение, которое вместе покупали?

Он сам не знал, почему сейчас спросил об этом у Ирины. Казалось, кто-то умный и понимающий подсказывает Сане, как ему поступить и что сделать, чтобы растопить лед в глазах женщины, уставшей жить.

Ирина остановилась на пороге и внимательно посмотрела на Мурзина.

— Ну, нет, пожалуй, — неуверенно произнесла она. И добавила: — Может быть, цветок? Ярко-красная герань в горшке. Мы вместе покупали. Он эту герань называл «мещанским символом». Да, цветок.

— Цветок! — обрадовался Саня и скомандовал: — Немедленно убрать цветок! Выбросить, отдать кому-нибудь, подарить! Мне, например, подарите, — предложил он компромиссный вариант и с радостью заметил, как на тонком лице женщины медленно проступает бледное подобие улыбки.

— Спасибо, — тихо произнесла Ирина. — Еще не знаю, как поступлю. Но вам-спасибо!

Мурзин закрыл за ней дверь и посмотрел на часы: одиннадцать. А кажется, целый день прошел… Как же он устал этим долгим-долгим утром!

Долгий-долгий день

В полдень приехала недовольная и уставшая Катя.

— Ты смотри, не забудь — сегодня вечером у нас праздник! Давай Горшку звонить, — напом-

нил Саня.

— У кого как, — невесело отозвалась психологиня. — Мои два праздника со мной навсегда, и в этот вечер тоже.

В подтверждение зазвонил телефон.

— Да, моя лапочка! — заворковала Катя. — Что сделал? Ах ты, свинья такая! Подожди, я скоро приеду, уши тебе надеру, скотина! — Потом грустно добавила: — Вот такой он, вечный праздник материнства — чтобы жизнь медом не казалась.

— Да, — неопределенно заметил бездетный Мурзин и уточнил: — Есть еще на сегодня желающие подвергнуться психологическому воздействию?

— Да. Но позже, после обеда. Там очень простой случай.

— Хорошо! — обрадовался Саня. Сложного случая после грустной Ирины он сегодня уже бы не выдержал. — Ладно, Катя, счастливо тебе со спиногрызами разобраться. Вот, держи! — Мурзин протянул ей несколько крупных купюр.

— Куда столько?! — удивилась и обрадовалась психологиня.

— А как же! Мы, питерские, не жадные!

Катя засмеялась и поспешила домой, к детям. А Саня расположился на диване в ожидании «очень

простого случая».

Через два часа раздался звонок, возвестивший о приходе долгожданной клиентки. Ею оказалась уже знакомая Сане Антонина Матвеевна, страдающая от ценностной несовместимости с молодым поколением. Она нисколько не огорчилась отсутствием Кати. Похоже, клиентке было все равно, кому именно жаловаться на своих близких.

На этот раз невестка возмутила пожилую женщину оскорбительным поздравлением с юбилеем:

— Представляете, она мне сказала: «Как прекрасно, что вы в вашем возрасте сохранили острый ум, зрелую память и здравый рассудок!»

— Ну и правильно, — одобрил Мурзин, не постигший глубинной сути ситуации.

— Как это правильно? — воскликнула Антонина Матвеевна. — Вы поняли, молодой человек, что именно было сказано? Она радуется, что я еще не сошла с ума и память не потеряла!

— Конечно, радуется, — подтвердил Саня. — Она же любит вас, переживает. — И добавил некстати: — Моя бабушка в последние годы болела, никого уже не узнавала. Подхожу к ней, а она смотрит куда-то в стенку и чужими именами ме-

ня называет, все время разными. Вот это страшно! А у вас — все хорошо. Вы здоровы, близкие рядом. Любят вас, заботятся.

Антонина Матвеевна в растерянности замолкла. Похоже, она никогда не рассматривала сложившиеся семейные отношения в такой плоскости. Но не для того женщина посещала специалиста, чтобы убедиться в отсутствии серьезных психологических проблем! Поразмыслив, она нашла новый повод для обиды:

— И внучка, Олесечка, совсем меня не любит. Я ей купила такие штанишки теплые, чтобы зимой под джинсы надевать. Она меня поблагодарила, поцеловала даже. А вчера я на дачу приехала и вижу: валяются эти штанишки в куче мусора. Выбросила внучка мой подарок!..

— Вот видите! — перебил клиентку Саня. — Внучка вас очень любит! Может, ей эти штаны не понравились или по размеру не подошли. У меня сестра, знаете, как орала, когда родители что-то не то покупали? А ваша поблагодарила и ничего не сказала, чтобы не расстраивать. Спрятала и выбросила потихоньку. Хорошие они у вас: и невестка, и внучка.

Антонина Матвеевна с удивлением и возрастающим интересом смотрела в честные глаза Сани,

а он продолжал:

— Вы поймите, не всегда человек может высказать всё, что на душе лежит. Вот я приеду в отпуск к родителям и вижу, что они постарели сильно. Так жалко — а ведь не скажешь, что выглядят плохо. Наоборот, смеёшься, радуешься, а у самого ком к горлу подступает. Подумаешь — не дай Бог что случится! И они тоже улыбаются через силу, хорохорятся, чтобы меня не огорчать. Так и врем друг другу. Ну, может, и не совсем врем — может, мы так любовь свою прячем.

Саня посмотрел на замолчавшую клиентку. В глазах женщины стояли слезы.

— Спасибо, деточка! — прочувствованно произнесла Антонина Матвеевна. — Вы правы. Конечно, все у меня хорошо. Просто каждый проживает свою жизнь, а не чужую. Никто в этом не виноват. И не надо ни на кого обижаться.

— Подождите, Антонина Матвеевна! — спохватился Саня. — Может, упражнение какое сделаем? — И тут же испугался, потому что не знал, какое упражнение поможет близким людям слышать, понимать и принимать друг друга такими, какие они есть.

— Нет, не нужно, спасибо вам. Вы уже мне помогли. Помогли понять главное: я очень счаст-

ливая.

После ухода клиентки Саня долго стоял у окна и вглядывался в сгущающиеся сумерки. Настроение у него было совсем не праздничным, поэтому приглашать в гости Горшка Мурзин не решился.

Было стыдно перед клиентами из-за своего дурацкого розыгрыша, который все восприняли как новое слово в науке. Мурзин искренне жалел и Антонину Матвеевну, и Ирину, и даже Романа. Ведь эти люди открыли ему свои тайны, а он вломился в чужие души грязными сапожищами, затеяв глупую и опасную игру.

Какое право Мурзин имеет давать советы, когда сам толком не знает, как и для чего жить? Потерял и любовь, и работу, прячется за чужим шкафом, как таракан, а других жизни учит…

Саня вспомнил о своей смешной и веселой «кошечке», неожиданно громко мяукнул и чуть не заплакал от жалости к себе и к далекой одинокой Милочке.

Он подошел к темному окну и удивился. Весь микрорайон погрузился во тьму. Притаившиеся в темноте пятиэтажки казались причудливой мозаикой в загадочном призрачном мире.

«Когда Бог выключает свет», — вспомнил Мурзин и решил, что нужно выбираться из темноты.

Ведь у каждого — своя «темнота»: предательство любимых, непонимание близких, неумение общаться с людьми.

Выбираться из «темноты» нужно каждому самостоятельно, не надеясь, что Бог когда-нибудь включит свет.

Саня долго стоял у окна, вглядываясь в темноту, и перебирал в памяти свои слова и действия на психологических тренингах. Так он постепенно успокоился. Да, Мурзин не владел специальными знаниями и навыками. Но, с другой стороны, он и не смеялся над своими клиентами, был честным и открытым, говорил то, что раньше, наверное, не решился бы высказать никому из знакомых — тем более никому из незнакомых людей. Саня как умел помогал людям выбираться из их «темноты» и сам выбирался из своей «темноты», полз и карабкался вместе с ними. Он улыбнулся в темное окно и решил, что всё не так уж плохо:

— Если Бог выключает свет, то он просто дает нам время выспаться.

И пошел спать. Конечно, на диван «для клиентов».

Из темноты

Приняв решение выбираться из «темноты», Мурзин даже не предполагал, что события будут развиваться так стремительно и неожиданно.

Ранним утром на трудовую психологическую вахту заступила мрачная, заспанная Катя. Саня, в очередной раз осознав неуместность своего пребывания за шкафом, поспешил освободить помещение. Однако был остановлен в дверях толстым приземистым качком. Мурзин даже не успел испугаться, когда качок вежливо уточнил:

— Это вы питерский?

— Да, — не стал отпираться Саня и смело взглянул гостю в глаза. Правда, при этом сердце у него, вопреки расхожей фразе, не ушло в пятки, а затрепетало где-то на уровне живота.

— От Романа, — лаконично сообщил качок и протянул некий документ на фирменном бланке.

Саня вгляделся: это было приглашение застройщика на общее собрание дольщиков.

— Сегодня в двенадцать часов, — уточнил гонец. Потом, подождав, пока Мурзин переварит эту неожиданную новость, добавил: — И еще: вот

ключи от квартиры, вот адрес. А то вы как два медведя в одной берлоге…

После этой странной фразы качок исчез так же быстро и незаметно, как и появился. Саня вернулся в квартиру и молча протянул Кате приглашение на собрание. Катя прочла и подтвердила, что это не сон и не галлюцинация — как и ключи, и бумажка с адресом.

— Видно, понравился ты бандитам, — ворчливо заметила Катя с легкой профессиональной завистью. Но тут же порадовалась за конкурента: — Зато своя квартира будет, практику сможешь вести.

Саня сейчас не решился даже думать о том, насколько «своей» станет эта неожиданно свалившаяся на его голову криминальная квартира. И на каких условиях она будет ему предоставлена. Голова шла кругом, и Мурзин чувствовал, что самостоятельно с ситуацией не справится. Чтобы не мешать клиентам, он спустился вниз на два этажа и растерянно позвонил в квартиру Горшкова.

Витя собирался на работу, но встретил Мурзина с искренней радостью. Прочитав документы и позвенев ключами, правдоруб деловито набрал знакомый номер и печально сообщил:

— Петр Иванович, я даже не знаю, на сколько сегодня на работу опоздаю. Может, совсем не приду. Пока я на даче был, у меня трубу прорвало. Соседей снизу залил. Ругаются, судом грозят. У них в ванной кафель полностью со стены отошел, а в коридоре…

Про коридор начальник опять слушать не стал, и Витя удовлетворенно заключил:

— Ну вот, сейчас пойдем.

— Да, Горшок, ты не меняешься! — засмеялся Саня.

— А что такого? — возмутился правдоруб. — Я никогда не вру. Знаешь, как я соседей однажды залил? Еще в институте, когда с родителями жил. Давай, собирайся — и двигаем, а то опоздаем.

Друзья двинули. На собрании шумела и толкалась огромная толпа уже необманутых дольщиков, которые с трудом обретали веру в чудесное торжество справедливости.

Всегда аккуратный и даже щеголеватый, в этот раз застройщик был небрит и выглядел непрезентабельно в помятом костюме и пыльных туфлях. В его выступлении не слышалось радости от вновь обретенных средств для завершения строительства. Во время доклада застройщик нервно косился куда-то в сторону, где сидела

группа крепких молодых парней, которых Мурзин никогда раньше на собраниях не видел. Один из этих парней потом подошел к Сане и вежливо спросил:

— Как вы? Все путем?

— Путем, — радостно согласился Мурзин и искренне поблагодарил: — Спасибо вам!

Парень ничего не ответил, только кивнул и исчез в толпе. А Саня с Горшком отправились смотреть новую квартиру.

Криминальная квартира располагалась на другом конце города, в новом микрорайоне, в многоэтажном доме, еще не осквернённом наскальной живописью подрастающего поколения. Лестничные площадки сверкали свежеуложенной плиткой, а перила были такими гладкими и чистыми, что их хотелось специально потрогать руками.

Просторная однокомнатная квартира тоже радовала чистотой и свежестью. Правда, в ней не было мебели, но это никак не снизило общего восторженного впечатления Мурзина от неожиданного подарка мафии.

Горшок тоже отнесся к ситуации с полным одобрением. Он погладил и потолкал легкие светлые двери, проверил на спуск бачок в унитазе,

покрутил краны в кухне и ванной. Завершив ревизию помещения, правдоруб с удовлетворением провозгласил:

— Политех рулит!

На робкие сомнения Сани по поводу расплаты за неожиданно обретенные блага Витя рассудительно предположил:

— Не парься! Ну, поможешь им в сделке какой, если скажут. Или наркотики перевезти. Не трупы же таскать! У них там своя специализация. Не в лесу живем. Тебе без подготовки всё равно ничего серьезного не доверят.

Потрясенный Мурзин никак не мог покинуть свою новую среду обитания, а Горшок торопил:

— Ты тут не рассиживайся, новосел! Самое необходимое нужно купить!

Дрожащими руками новосел запер дверь квартиры, и тут прозвенел телефонный звонок — неожиданно резко и громко в пустом гулком подъезде.

После долгой паузы из телефона послышалось неуверенное знакомое мурлыканье:

— Мяу!

Саня так обрадовался звонку Милочки, что, не стесняясь товарища, заорал ответное троекратное «мяу». Потом срывающимся от нежности

голосом пробормотал:

— Как ты, моя кошечка?

— Без Мурзика плохо! — пожаловалась Милочка и добавила: — Кошечка скучает.

— И Мурзик скучает.

Горшок ухмыльнулся и, помахав Сане на прощание, спустился вниз по лестнице. Он понял, что самое необходимое у Мурзина уже есть.

А тот все никак не мог наговориться:

— Я тебя очень хочу видеть!

— И я хочу!

— Приезжай, я тебе адрес напишу. Только у меня в новой квартире еще ничего нет.

— Ну, давай тогда поедем к Мусику и Пусику.

Саня с содроганием вспомнил прошлый визит и поморщился.

— Они меня не выгонят? В тот раз как-то не заладилось…

— Нет, нормально. Они потом еще долго наше будущее обсуждали. Мусик все боялась, что ты в мафии разбалуешься и отвыкнешь трудиться. А Пусик наоборот ее убеждал, что у тебя очень перспективная область деятельности и что в мафии строгая дисциплина.

— А Пусик-то откуда знает? — удивился Саня. — Ты же говорила, они у тебя преподаватели.

— Да, они преподают в следственной академии, — подтвердила Милочка. — Мусик философию ведет, а Пусик — криминалистику. Он про преступный мир многое может рассказать.

Мурзин только покачал головой, оценив богатые познания Пусика в мафиозной сфере, и не стал разочаровывать любимую возможной сменой профессиональной деятельности.

— Обязательно поедем. Только завтра, всё завтра, моя кошечка! Сегодня мне нужно еще кое-что в квартиру купить.

Саня вылетел из дома и помчался по ближайшим магазинам. В процессе обустройства нового жилья он сделал несколько рейдов по разным отделам, где приобрел нехитрые предметы первой необходимости. Лишь поздним вечером Мурзин свалился без сил и уснул одетым на синем надувном матрасе, который временно предполагалось использовать вместо кровати.

Утром Саня был разбужен призывным мяуканьем из телефона. Милочка строила спешные планы покупки Мурзику штанишек для вечернего визита к Мусику и Пусику.

Мурзин наскоро позавтракал и отправился на встречу с любимой. Он весело щелкнул тугим дверным замком и замер на пороге.

На чистой кафельной плитке в большом коричневом горшке пламенела пышная герань.

Ольга Андреева

Ольга Андреева — журналист, писатель, кандидат философских наук, лауреат Национальной

премии прессы «Искра».

Родилась в академгородке Пущино Московской области в 1967 году. Окончила Московский областной педагогический институт имени Н. Крупской в 1989 году, в 2000 году — Литературный институт имени М. Горького, в 2004-м защитила диссертацию на тему «Проблема времени в философии и эстетике русского символизма».

Работала в разных федеральных изданиях. Сотрудничает с журналом «Эксперт», ведет проект «Календарь» в интернет-издании «Москвич Mag». Публиковала свои произведения в журналах «Юность» и «Новая Россия». Около десяти лет была сотрудником журнала «Русский репортер».

В настоящее время работает в Центре имени Андрея Вознесенского, сотрудничает с журналом «Эксперт».

С 2004 года живет в Москве.

Оранжевый обруч

Город стоял на берегу реки, на самом высоком холме. Со всех сторон были дали. Сначала подробные — полевые, лесные, деревенские, под завязку набитые любопытнейшими мелочами вроде деловито трусящей собачки с высунутым

языком, белой ромашковой лужицы на зеленом лугу, старушки в темном платочке с пустым ведром в руках, куда-то бредущей. Потом дали как-то незаметно размывались, синели, наполнялись воздухом, собачки потихоньку исчезали и позволялось разглядеть уже только общие очертания холмов, леопардовые пятна рощ и элегантный изгиб реки с тонкими контурами дальнего моста на самом горизонте.

Мост стоял уже на той грани зримого, где земля становилась небом и наоборот. За мостом начинался какой-то непознаваемый космос, мир вообще, без черт и свойств. За этот абстрактный космос Маня никакой ответственности не несла. Зато всё, что находилось чуть ближе, было Маниным огородом, который она, бредя с мамой в детский садик, ежеутренне оглядывала с хозяйской строгостью. Жизнь на холме делала Маню богачкой. Возможность озирать собственные угодья с возвышенной точки существенно расширяла зону Маниной земельной собственности — от той дальней точки внизу на востоке, где по утрам всходило солнце, и до точки на западе, где солнце заходило.

Жизнь в здешних краях была покойна. Время под Маниным приглядом никогда не ссорилось

с пространством. Поэтому жизнь в городе и окрестностях шла строго по расписанию, что и положено всякой порядочной жизни, которая не растет как трава в огороде, а стремится к совершенству. Каждый квадратный метр Маниных угодий точно знал, когда и чем он должен зацвести весной, что созреет на нем в августе, в каком порядке лягут на него листья осенью и какой сугроб появится зимой. Эта упрямая регулярность кому-то могла бы показаться скучной, но тот кто-то был дурак и не Маня. Ей же, напротив, всё это очень нравилось. «Постоянство — хорошая штука, — умственно рассуждала Маня, занимая голову делом во время длинных походов в садик и обратно, — потому что если так происходит каждый год, каждый месяц и каждый день, значит, это имеет какой-то смысл. Разве не так?» Смысл этот, конечно же, был большой и важный, и взрослые наверняка его знали и только того и ждали, когда же она сама тоже станет взрослой и до него додумается. И Маня очень старалась.

После того, как Маня начала ходить в школу и обрела некоторую самостоятельность, дело с пониманием смыслов пошло быстрее. Мир с возрастом становился всё подробнее и подробнее, обнадеживая в том смысле, что однажды

круговой обзор с высоты холма и движение соков в малейших частях земли схлопнутся воедино и тогда точно станет все понятно. Классу ко второму она уже точно знала, что в самом конце марта, через неделю после того, как сойдет снег, а земля подсохнет и станет такой звонкой, что эхо шагов с дребезгом будет биться в карьерах улиц, обязательно зацветет мать-и-мачеха. Зацветет она не абы где, а именно там, где положено — на обочине окраинной дороги, там, где уже кончались дома и с холма откровенно и щедро распахивалась даль. С мать-и-мачехи все начиналось. С ее появлением из воздуха напрочь исчезал слегка подтухший за зиму запах мокрой варежки и появлялся аромат. Он был совсем ранний, неопределимый, хрупкий. Это был запах неба, которое вдруг отскакивало от земли, как отпущенный с руки гелиевый шарик, и поднималось высоко-высоко. Тогда сладкая холодная свежесть являлась в мире, а внутри Мани — яростная страсть жить.

Впрочем, это было только начало. За мартом наступал апрель, и действие перемещалось с голой солнечной обочины в глушь одичалого парка, тремя заросшими уступами срывающегося к реке. Там, между корней старых-престарых, огромных-преогромных тополей, в первых чис-

лах апреля обязательно расцветал гусиный лук — мелкие желтые звездочки на тоненьких стебельках, похожие на ювелирный вариант больших садовых лилий.

Пространство, запутавшееся в пустых тополиных кронах, было еще по-зимнему огромным и холоднопрозрачным. Но что-то уже хрустело в земле, шуршало в палой, свалявшейся за зиму листве, и было понятно — всё уже началось. Проходило еще пару дней, и там же, на крутом склоне под разросшимся орешником, прошлогодние листья в одно прекрасное утро оказывались пронзены мелкими бледно-зелеными ростками хохлаток. На следующий день они уже распускали сиреневые кудряшки цветов и весь склон покрывался аккуратным желто-сиреневым ковриком. В этот момент уже можно было снять куртку и перейти на тонкий плащ.

Дальше всё развивалось стремительно. В орешнике на самой окраине откуда ни возьмись появлялась разноцветная медуница — розовая в бутонах и синяя, уже опыленная. На пятки медунице наступал лесной горошек в компании с желтыми барашками. Где-то в промежутке из зимнего небытия дружно восставали желтые лютики, и лес окончательно оживал.

Как раз в эти тревожные, хлопотливые дни мама обязательно приходила домой радостная и сообщала, что на выходных едем в лес за сморчками. И они ехали, и бродили по густым ореховым подлескам, и отряхивали желтую вездесущую пыль с кед и штанов, потому что к тому времени уже зацветала береза, ветки превращались в сплошной трепет сережек и лес окутывала нежная желто-зеленая поволока последнего весеннего сна. Тогда уже на опушке рощи вовсю цвели фиалки и совсем недолго оставалось до того, как на берегу реки во влажных, невысоких еще луговых травах появятся незабудки и анемоны. Тут уже мир существенно менял цвет. Из серо-коричневого, умбристого, слегка плывущего в солнечной дрожи, он превращался в конкретно зеленый и густой. Пустотные объемы деревьев, сквозь которые зимний взгляд сразу падал на горизонт, медленно заполнялись зеленой плотью, и даль, привыкшая за зиму к томительной бескрайности, наконец брала себя в руки и хоть как-то уплотнялась.

В начале мая серьезно холодало — зацветала черемуха. Как всегда, именно на этот сияющий ледяным солнцем холод приходились все праздники — демонстрация на Первое мая и

торжественное стояние у могилы павших на Девятое. Маня отчаянно мерзла в своих гольфиках и без куртки, но соглашалась немножко помучиться ради этого солнца и холодного, сладкого черемухового запаха, накатывавшего волнами из-за каждого угла, где тайно в диких кустовых зарослях сияли ее белые цветочные россыпи.

К третьему классу Маня точно знала, что, когда и где. Каждый день после школы, если выдавался случай пойти домой одной, без компании, она со строгой последовательностью обходила все свои полянки и опушки. Мать-и-мачеха, гусиный лук, хохлатка, медуница, зеленый горошек и дальше прямо в лето по березовым сережкам, сморчкам и дальше, и дальше. Маня жила как скромный вселенский садовод, полагавший искренне, что без ее личного участия вдруг что-то пойдет не так. Каждый год она радостно выдыхала к концу мая — всё так, всё прошло по плану. Молодцы, все зацвели!

Лето особенного внимания не требовало. Всё росло само и никого не спрашивало. Лютики, лесная вероника, потом колокольчики, ромашки. Маня радовалась, какие они все сильные, здоровенькие, крепкие, всё делают сами — не цветы, а родительская гордость. К июлю наконец

появлялась пыль, жара, возможность купаться и желтый, уже в ранней юности ободранный донник. По обочинам дорог торчали жесткие палки цикория, по задворкам вставала расхристанная, по-бабьи пестрая мальва. По пальцам текло свежесваренное варенье, жизнь превращалась в лень, и к концу июля Маня уже мечтательно вспоминала про зиму и санки с лыжами. Впрочем, к августу, когда жара спадала, она снова про них забывала. Начиналась эпоха вечерних туманов, подберезовиков и дикого горошка, медленно оплетающего остовы чертополохов и затягивающего луга дикой нечесаной шерстью травяной мудрости. Тогда Маня чувствовала, как взрослеет, и начинала тайно читать взрослые мамины книжки — про западноевропейское искусство, историю балета, немецких романтиков и толстый том переписки Блока с женой. Странные книжные истории, ученые слова, которые она не всегда понимала, вселяли в нее уверенность в огромности мира, где последовательные приключения трав были только первой, самой простой азбукой, введением в тайны гармонического космоса.

* * *

Маня не чувствовала одиночества только потому, что его не было. Квартирка, где жила Маня с мамой и бабушкой, была уютной и однокомнатной. На одном диванчике спала бабушка, на большой кровати — Маня с мамой. И был даже один совсем маленький диванчик — для гостей. Еще были два больших шкафа (один с книжками, другой с одежками), стол, пианино, много картин на стенах и уголок с Маниными игрушками. Всё было дружно и как положено, всё на своих местах и все при деле. Мама каждый день отчаянно и истерично ругалась с бабушкой, бабушка жаловалась на маму, мама на бабушку, и обе ругались на Маню. Маня жалела и бабушку, и маму, но особенно почему-то маму.

Бабушка как будто была покрепче, а мама — очень неуверенная в себе.

Изредка, раз в два-три месяца, приезжал папа, и тогда мама и бабушка переставали ругаться и начинали кормить, стирать, обихаживать, расспрашивать, смеяться. Отец был красивым круглолицым мужчиной, которого все обожали. У него, как давно заметила Маня, все блестело: кончик круглого носика, круглые щёчки, вы-

пуклые круглые губки. Потом начала блестеть стремительно расширяющаяся круглая лысинка. Поблескивая всем этим богатством, отец важно рассказывал о своих успехах, ругал начальство и старых приятелей, которые подсидели его по части карьеры, и с каким-то рассеянным безразличием снимал с колен Маню, желавшую приткнуться поближе к такому большому и важному человеку.

Впрочем, смех длился ровно один вечер — первый после отцовского приезда. Уже на следующий день к вечеру становилось понятно, что отец съел и выпил всё, что успели приготовить мама с бабушкой, что он уже сходил погулять и подышать воздухом, навестил старых друзей, дождался, когда высохнет его стираное белье и рубашки, и больше ему здесь делать, в общем-то, нечего. Мама что-то говорила ему тем специальным голосом, которым в обычные дни уговаривала Маню не получать троек никогда. Отец переходил на торжествующий, победительный бас, обличал, обижался, жаловался на непонимание и нелюбовь. И всё заканчивалось скандалом.

Маня всегда удивлялась, почему это отец, такой большой, умный, до краев налитый разливанным морем всевозможных научных фактов и

знаний, никак не мог жить с ними вместе и помогать маме делать то, что она делала каждый день — работать, ходить по магазинам за продуктами, готовить, болтать с Маней про школу, следить за порядком, устраивать лесные пикники с костром и сосисками. У отца почему-то никак не получалось разговаривать с ними просто и по-дружески. Всё время они выходили в его глазах виноватыми и дураками.

Маня долго приглядывалась, раскидывала умом и так и сяк, пока не сообразила, что отец живет в осаде, на военном положении. Так она себе и представляла: выжженное артобстрелами поле, курящиеся свежим дымком воронки и в середине всего этого военного безобразия — большая, изъязвленная свежими дырами крепость с зубчатыми башнями. А в крепости маленький, испуганный папа сидит. Он один, никто ему там не помогает, поэтому папе надо быстро-быстро перебегать от пулемета к пушке и обратно, чтобы у супостатов создавалось впечатление, что в крепости на самом деле не один папа, а несметное войско пламенных борцов. Супостаты тем не менее о чем-то догадывались и всё наступали и наступали, а папа всё отстреливался и отстреливался. Мане было очень жалко папу, но помочь

ему она не могла совершенно никак и ничем, потому что одним из дураков-супостатов, населявших мир вокруг папы, была она сама. И мама, и бабушка, и дураки-друзья, и идиоты-начальники — все они были врагами и вызывали у папы естественную реакцию отстреливаться. У Мани даже складывалось такое впечатление, будто в глубине души отец уверен, что по-настоящему умный человек в мире есть один, а именно он. Все остальные дураки. Маня с этим мирилась, потому что папа был взрослый, и думала не столько про то, чтобы папу образумить, а о том, что, когда сама станет взрослой и построит свою крепость, она тут же откроет все ворота и будет каждый день устраивать у себя ярмарки.

— Если бы этот идиот Эйнштейн не нафантазировал эту свою совершенно недоказуемую теорию относительности, — с высокомерным безразличием говорил отец за ужином, — матерью наук была бы не физика, а химия.

— А что такое теория относительности? — спрашивала Маня, чувствуя, что присутствует при священном обряде рождения великой научной истины.

— Это такая теория, которая предполагает наличие во вселенной пространственно-временного

континуума, то есть взаимосвязи, — снисходительно объяснял отец. — Эйнштейн понял, что по мере повышения скорости движения объекта время для этого объекта начинает замедляться. А это значит, что пространство и время связаны в одно целое. Понимаешь?

Маня не понимала, но переспрашивать боялась. Если бы спросила, на нее обрушились бы многочасовые отцовские объяснения и бабушка с мамой опять почувствовали себя не у дел. А Маня очень хотела, чтобы они себя так не чувствовали и разговор был бы общим, и всем им было хорошо. Война, крепость, артобстрел — это она, конечно, понимала, но должен же был кто-то носить папе еду и отирать раны. И почему, собственно, надо сразу стрелять? Может, лучше сначала с человеком поговорить, расспросить? Может, он и не враг вовсе? Сама Маня, по крайней мере, папе врагом точно не была. Ручалась она и за маму, и даже за бабушку, которая к папиному приезду как-то добрела, начинала стесняться и покрывала голову лучшим платком.

— Почему папа от нас уехал? — спрашивала Маня у мамы.

— Потому что он химик, — говорила мама, вздыхая, и взгляд ее при этом становился про-

зрачным и далеким, как будто она смотрела в какую-то пустую бездну, на дне которой ничего не было.

— А почему он не мог работать химиком здесь? — продолжала спрашивать Маня.

— Потому что здесь его не ценили, — отвечала мама, поднимая брови, и Маня тут же вспоминала сочные отцовские рассказы про дураков-начальников и коварных друзей.

— А что он делает там?

— Он хочет защитить диссертацию, — отвечала мама и снова вздыхала.

— То есть он уехал от нас, чтобы защитить диссертацию? — уточняла Маня.

— Ну да, — пожимала мама плечами.

— И защитил? — не унималась Маня.

— Нет еще.

Каждый год разговор повторялся. Маня старалась следить за ходом научных дел папы, но это почему-то было сложно. Как только речь заходила о диссертации, отец взвивался и начинал громить врагов науки и всех окружающих идиотов. Маня так и не узнала, какая тема интересовала отца и про что, собственно, эта диссертация должна была быть. Годы шли, а отец по-прежнему оставался научным сотрудником, меняя только

места работы и дураков-начальников.

Маню удивляло еще одно обстоятельство. Мама всегда много читала и часто за ужином или по длинной дороге в лес на пикник рассказывала удивительные истории про старинных художников, писателей, артистов и разных других хороших людей. Мама часто возила Маню на выставки и в театр, слушала дома пластинки Баха и Моцарта. Но Мане казалось, что про эту мамину жизнь знают только она и бабушка. Никогда в присутствии посторонних мама не рассказывала ничего подобного, а только слушала, как другие рассказывают какие-то странные, не очень интересные истории про начальников, директоров и прочих совершенно посторонних людей, которых не было за общим столом.

Так как отец навсегда и бесповоротно принадлежал к числу посторонних, мама и с ним никогда не вспоминала про своих художников и поэтов. А потому всегда получалось так, что мама больше молчала и преданно слушала. В результате, как чувствовала Маня, мама производила впечатление серой, безвидной мышки, безмолвного коллектива, использующегося только для заполнения мест за столом. Если папа был окружен своей пуленепробиваемой крепостью,

то мама как будто была совсем не защищена, ничем не прикрыта, чувствовала, как на нее со всех сторон дует какой-то ледяной, смертельный ветер, и стремилась сжаться в самый маленький комочек, чтобы ветер пронесся мимо и не убил.

Маня никак не понимала, почему мама сама не может построить себе крепость и проводить ярмарки. Зато Маня отлично понимала, почему сама она никогда не рассказывала дворовым подружкам про мать-и-мачеху, гусиный лук и переписку Блока с женой — им это было совершенно не интересно. Взрослые же люди должны были жить куда более сложной умственной жизнью, полагала Маня, и этот императив нависал над ее головой как готические березовые шпили местных рощ. Потому-то она так страстно вслушивалась в разговоры взрослых, так старательно искала в них высокий и тайный смысл, который, однажды открывшись ей самой, сделает ее тоже взрослой, то есть всесильной, и тогда жизнь ее наконец начнется.

Вслушиваться в разговоры взрослых Мане доводилось довольно часто — все жили поблизости и все ходили друг к другу в гости. Чаще всего ходили к шумным, большим и гостеприимным Романенкам, жившим и вовсе в соседнем доме.

Романенко-старший, или дядя Толя, работал начальником маминого отдела и, как говорила про него мама, был «хороший мужик, не сволочь». Тетя Катя, то есть жена Романенко-старшего, была и вовсе «доброй бабой», и мама часто посиживала с ней на кухне, о чем-то хихикая и шепчась. Сама Маня находила вполне приличным и достойным изредка в гостях общаться с Романенко-младшим, а именно толстым Гошей.

— А вы слыхали, как Муратова-то подвинули? — со звонким задором начинал застолье невысокий, худенький брюнетик с аккуратной бородкой и блеклыми невыразительными глазками, разливая по рюмочкам что-то дефицитное и коричневое.

Брюнетик просто-таки подпрыгивал от радости. Как понимала Маня, радость эта происходила вовсе не оттого, что он разливал коричневое, а оттого, что он собирался сейчас рассказать про неизвестного Мане Муратова. Наблюдая за лицами присутствующих, Маня понимала, что им самим Муратов тоже известен не очень хорошо. Тем не менее радость брюнетика была простой и чистой. Она истекала из самого факта того, что он сидит за большим столом при большом скоплении людей и вот он, такой маленький и

безвидный, как большой, начинает разговор на тему, которую все сейчас начнут обсуждать.

— Муратова-то в ученый совет забаллотировали. Слыхали? Нет, вы слыхали? — на весь стол верещал брюнетик.

— За что ж его так, бедного? — звеня высоким голосом вечной хохотушки, спрашивала тетя Катя.

— А за то! Не надо нехорошим людям дорогу переходить! — победно отвечал брюнетик и поднимал свою рюмочку. — Давайте за это и выпьем!

Все выпивали, а Маня смотрела на брюнетика, у которого в бороде белели седые пряди, и думала о том, почему ему не стыдно — он же взрослый человек.

— Это Шульц, это Шульц, говорю вам! — вступал с другого конца долговязый человечек в очочках со смешным лицом дрессированной обезьянки — низко надвинутый лобик, вздернутый носик, пухлые губы, выступающий вперед мелкий подбородок.

Долговязый давно начал лысеть, но этот процесс на его голове развивался как-то непоследовательно. Отхлынув далеко ото лба, волоски задержались на макушке и с боков, где и топор-

щились какими-то неопределенными кустами. Мане долговязый не нравился и даже пугал ее, но у него был громкий, басовитый голос, иногда переходивший в хриплый фальцет, и он всегда бесстрашно пускался в самые отчаянные застольные споры, как будто нос у него был не курносый и вздернутый, а классический греческий, и повадки не обезьяньи, а даже как будто патрицианские. Если бы такой нос был у самой Мани, рассуждала она, она бы, пожалуй, ушла в монастырь.

— Шульца Муратов в прошлом году на ученом совете прокатил, помните? — взрыкивая, как собачка в ожидании мясной похлебки, брызжа слюной, говорил обезьяноподобный коллега мамы. — Он тогда Таньке сказал… Таньку знаете? Нет? Ну как же? Рыжая баба такая с бюстом. Как ее фамилия-то? Нет, не Финогенова… Финогенова в физтеории работает. Остапчук, да, Остапчук! Он ей тогда сам сказал, так, вроде между делом, как будто к слову пришлось, знаете, как это он умеет, так по-умному вроде всё, интеллигентно. Сказал, что Муратова пора снимать, что институт задыхается под его давлением. Танька тогда обалдела совершенно. Это про Муратова-то, да? Не… вообще бред, конечно.

— Ну что вы — Шульц, Шульц? Муратов сам еще тот тип, — встревала пышная тетя Катя. — Он тогда своего аспиранта сожрал, который ему данные для докторской сделал. Помните эту историю? Ну как же? Лет двенадцать назад было.

Тут тетя Катя мощным торсом оборачивалась к маме, ища поддержки.

— Галь, ну ты чего, не помнишь, что ли? Мы тогда как раз спектрофотометр сдавали. Тогда весь институт говорил: Муратов аспиранта сожрал и уволил без характеристики. Парень плакал в коридоре, а к нему все боялись подойти — мало ли чего Муратову покажется. Он мужик-то крутой.

— Было дело, — пугливо оглядываясь, замечала мама.

— Да ладно, — взвизгивал через стол обезьяноподобный. — Поди, сам аспирант был виноват. Муратов его научным руководителем был. Пока ты аспирант, сиди и не выпендривайся. Ну и что, что он Муратову статью сделал? Тут никакого криминала нет. Я слышал эту историю, но не верю. Сплетни, говорю вам, сплетни.

— Да какие сплетни? — возмущалась тетя Катя. — Про Муратова давно говорят, что он имена сотрудников в соавторы не вставляет. Уж сколько раз слышала. Шульц сам не сахарный, но у

Муратова рыльце в пушку — факт. И не спорь.

Обычно где-то в середине таких разговоров к Мане с другого конца стола начинал потихоньку пробираться Гоша. Они с Маней были погодки, и все семейные застолья для обоих всегда заканчивались одинаково. Гоша, усердно насыщался всем, что предлагал хлебосольный праздничный стол, после чего, стараясь не привлекать к себе внимания и потише греметь стульями, двигался в сторону Мани.

— Пошли, — говорил Гоша, серьезно и строго глядя в сторону, — мне отец новую штуку привез. Покажу.

Гошин отец, дядя Толя, был огромный и какой-то жизнерадостно выпирающий. Всё у него отовсюду выпирало туго и крепко: пузо из брюк, плечи из рубашки, голова из шеи, нос из лица. Во всех этих выпираниях было столько радостной, щедро пышащей во все стороны жизни, что все его обожали, и Маня тоже. Дядя Толя принадлежал к числу насельников тех горных вершин науки, откуда рукой подать было до заграницы. Нельзя сказать, что ездил он в нее часто, но случалось. Оттуда он привозил Гоше невероятные вещи, вроде электрической модели Солнечной системы, в которой вокруг Солнца вращались

планеты, а вокруг Земли — даже маленькая Луна. Вращались планеты, правда, недолго. Гоша, имевший склонность ко всему техническому, быстро разломал Солнечную систему, и, будучи у него в гостях, Маня то и дело натыкалась босыми ногами то на мелкого Меркурия, то на крупную и скользкую Венеру Остальные планеты потерялись под диваном.

Мане, чья мама была простым инженером, казалось, что заграница так же невозможна, как рай. У Гоши на полу среди планет валялись кучи открыток с изображением красных автобусов на лондонских улицах, каких-то парижских цветочных магазинов, Эйфелевой башни и соборов, похожих то на свадебный торт, то на подушку-игольницу, плотно утыканную шпилями. Разглядывая открытки, Маня испытывала сладостное чувство восторга, но сладость была подпорчена сильным подозрением — это всё неправда, просто мультик, а не жизнь.

Тем не менее заграничные игрушки Гоши имели определенный вес в глазах Мани. Особенно ей нравилась такая штука, где надо было управлять движением машинки посредством большого пластмассового руля, приделанного к коробке, где за стеклом бежала дорога и кучка крошечных

автомобильчиков. Один из автомобильчиков был управляемым, остальные бежали сами по себе. Маня буквально вцеплялась в заветный руль и вдохновенно маневрировала своей голубенькой машинкой, которая лихо обходила на поворотах тяжелые грузовики и юлила между прочей такой же мелочью.

— Ты, когда вырастешь, классным водителем будешь, — завистливо говорил Гоша, который сваливался в кювет или врезался в кого-нибудь уже на второй минуте гонок.

Гоша был хороший. Семья у него была счастливая. Большие, веселые родители всегда хохотали, болтали и перебрасывались шуточками. Гошу, правда, в отличие от Мани никто на выставки не возил. Толстые мама с папой предпочитали шашлыки и домашние праздники. Если бы Гоша узнал о том, что десятилетняя Маня уверенно предпочитает Клода Моне Эдуарду Мане, он бы очень удивился — ни тот, ни другой ему были решительно неизвестны. Поэтому с Гошей было классно. Маня выбиралась из-за стола в разгар рассуждений про очередные козни Шульца и Муратова, и они удалялись в Гошину комнату пинать ногами планеты и крутить руль.

Гоша, руль, заграница и, главное, взрослые

разговоры о работе были неотъемлемой частью семейных торжеств, поводы для которых находились как-то сами собой так же естественно и регулярно, как цветение мать-и-мачехи. К третьему классу Маня освоила весь словарь околонаучных застольных дебатов. Она отлично знала слова «форез», «синапс», «спектрофотометр», «кальциевый обмен» и даже сложное слово «редупликация ДНК». Все эти редупликации и форезы входили в Манину жизнь с тем простодушием, с какой в жизнь любого ребенка входит утренний звон посуды на кухне. Это была весьма небольшая часть огромной территории окружающего мира, к которой любознательная Маня странным образом никогда не чувствовала никакого интереса. Жизнь идет, посуда звенит, ДНК редуплицирует — отлично. То были просто звуки, птичьи голоса, музыка сфер, не имеющая никакого отношения к реальности мальвы и донника. Если ДНК успешно редуплицировала в маминой лаборатории, где были одни взрослые, то мальва и донник, а вкупе с ними и репейник, и татарник, и мудрый дикий горошек, были у Мани всегда под рукой и нуждались в ее добродетельном пригляде. Синапса и спектрофотометра Мане было совершенно не жалко, а вот цветущий

копытень-ужасно, невыносимо, до слез жалко.

Про копытень Маня узнала в четвертом классе. Открытие произошло совершенно случайно, как всегда бывает с открытиями. Если в конце апреля найти в лесу укромную полянку, где палые прошлогодние листья еще образовывали плотную и дымно пахнущую корку, то, скорее всего, над коркой прошлогодней листвы местами будут стелиться жесткие и кожистые густо-зеленые листья, как будто присыпанные сверху бурым пушком. Это и был, как узнала Маня из толстого Определителя растений Московской области, копытень. Бывал он всегда как будто несвежий, весь какой-то запыленный и неопрятный. Но если не побрезговать и тихонечко приподнять один из кожистых листов, под ним обнаруживался маленький, размером с наперсток цветочек. Одиноким темно-бордовым колокольчиком он свешивался с короткой цветоножки, весь покрытый нежным, младенческим пухом. Внутри цветочка застенчиво мерцал желтый наивный пестик. Этот секретный колокольчик, таящийся в буром прошлогоднем лиственном хламе, так поразил Маню, что она окончательно решила перестать валять дурака и начать учиться на ботаника. В маминых книжных залежах,

кстати, отыскался толстый том под названием «Лекарственные растения». Старательное его изучение обогатило Маню знанием о том, что копытень принадлежит к роду копытень, широко распространен в лесной и лесостепной полосе Европейской части России и способствует излечению от алкоголизма. Тут Маня обиделась. Она бы предпочла, чтобы ее тайный аленький цветочек излечивал что-нибудь более благородное, вроде безответной любви или, как минимум, гастрита.

* * *

К седьмому классу из вселенских садоводов Маня незаметно перешла в должность промежуточную, вроде погонщика облаков или сторожа древесных душ. В этом совершенно напрасном занятии для Мани было так много важного и требовало стольких душевных усилий, что вызывало в ней гордое чувство настоящей взрослости. Она стала совершать прогулки. По вечерам, особенно зимним, когда тьма рано опускалась на город и улицы пустели, а окрестные поля лишались и тех редких случайных путников, которых туда изредка заносило случайное дело или незнание местности, Маня отправлялась в путь. Она готовилась к своим прогулкам заранее. Старательно

делала уроки, не шумела, смотрела глазами мудрости и не нарушала того внутреннего чувства правильности, которое переняла у старательных трав и цветов, всегда соблюдающих режим и никогда не позволяющих себе антибожественного своеволия.

К этому времени Маня уже прочитала всего Блока, Фета, Лермонтова и поэта Гельдерлина, томик которого стоял в мамином книжном шкафу. Фет со своими трелями и зайцами в полях был скучноват, лермонтовские истерики про падающие на плахи головы и беглых дикарей не казались Мане убедительными, Гельдерлин пугал своей хрупкой душевной организацией, а вот Блок оказался в самый раз. Ах, как он покачивался в верхушках тополей, как несся над замерзшей рекой, стелился в далях и медленно проворачивался на небесном языке, сопровождая каждый поворот строки колесным скрипом каких-то вселенских механизмов, которыми, как полагала Маня, был оснащен весь невидимый ей большой космос жизни.

В соседнем доме окна жолты,
По вечерам, по вечерам
Скрипят задумчивые болты,

Подходят люди к воротам…

Маня полюбила ходить по вечерам по заснеженным, су-гробным окраинам, откуда был виден дальний лес на том берегу реки, поля, едва мерцающий соседний городок на горизонте и верхушки деревьев, росших у самой воды, на берегу. Она вслушивалась в мерзлый перестук веток и читала про себя Блока, разгадывая не смысл, но звук этого качающегося голоса. Ночная зимняя даль, открывающаяся перед ней во все стороны, куда ни брось взгляд, была исполнена едва заметного движения нездешней и глубоко осмысленной жизни, сюжет и смысл которой мог разгадать только ее участник. Этого Маня и добивалась своими аскетическими правилами и запретами на легкомыслие — стать соучастницей этой ночи, этой тайной белизны.

Когда зимними вечерами она шла по пустым дорогам окраин и следила за тем, как надвигаются на нее голые тополиные остовы, как соотносятся они с мутно-синей далью полей, измятых овражками и холмами, она понимала, что всё это строгое безмолвие веток и зимней сумеречной мути гудит изнутри высоковольтным напряжением смысла. Зимняя ночь лежала перед ней, укрытая бледносиним снежным покрыва-

лом. Тьмы, той самой, о которую разбивается взгляд, не существовало. Ночь была исполнена светом. Этот свет подхватывал взгляд и медленно, со скоростью зимних пушкинских троек, нес его над бледными немыми полями. Маня не шла, а как будто отправлялась в тайный, неторопливый полет по старым воздушным проселкам, уставленным верстовыми столбами вечности. Где-то там, по этим зимним воздушным путям, мерной рысью и колокольчиками звенели тройки Пушкина и произрастала чета лермонтовских берез, что убедительно доказывало Мане наличие чего-то большего, чем просто жизнь.

Редко, очень редко на той стороне реки, на широком и пустом поле, упиравшемся в совсем уже дальнюю стену леса, сквозь белесую тьму медленно двигался огонек одинокой машины. Маня не могла различить ни засыпанной снегом дороги, ни самой машины. Ей был внятен только этот одинокий огонек, медленно и упорно рассекающий пространство бескрайней и пустой, лишенной человеческого присутствия и оттого погруженной в свою собственную жизнь природы на том берегу. Куда стремился этот огонек? Что вырвало его из уюта дома, из круга света вечерней лампы, семейного ужина и шелеста

книжных страниц перед сном? Этот вопрос повисал над бездной реки и бескрайностью ночных полей великой тайной.

Всё это пустое, переливающееся загадочной красотой пространство зимних ночей как будто распахивало шкатулку маленькой Маниной жизни. Как будто кто-то большой и мудрый брал маленькую Маню на руки и осторожно нес невысоко над огромным миром, как раз так, чтобы Маня могла разобрать все знаки, все буквы этого божественного алфавита. Березы рощ мерными, плавными уступами в глухом безмолвии спускались к реке, склон, накатанный дневными детскими санками, изгибался запаздывающей линией и медленно, как дорогая тяжелая ткань, струился вниз к подножию холма, на выдохе встречаясь с речными ивами. За извивом склона начинался извив реки, столь же прихотливый и плавный, река переходила в линию горизонта, дальний лес, поля на том берегу и наконец вступала в небесные владения, где мутно и величественно вставали колеблющиеся завесы облаков.

Мамины коллеги, все научные сотрудники, библиотекари, учащиеся школ и институтов, стажеры и аспиранты, продавцы и парикмахеры

спали в своих маленьких далеких комнатках там, за спиной, в ночном городке. Маня была одна на вершине холма, совершенно одна среди разлива полевых морей, деревьев, рощ, ледяной глади реки и неба. И тогда Маня понимала, что и ее нет здесь. Она переставала быть сама и становилась всего лишь дыханием общей вселенской красоты, легким взглядом, шелестом, изгибом. Всё в Мане затихало и настораживалось тем острым, мудрым вниманием, с каким могли слушать земную дрожь древние старцы в ожидании варваров или стоокие Аргусы, стерегущие чужие тайны. И Маня чувствовала, как в этой внимательной тишине вся ее природа, все ее жизненные родники и внутренние воды меняют свой состав, сливаясь с общей сутью грозного, величественного мира, который можно понять, только став им.

* * *

Маня начала заниматься гимнастикой давно, еще в третьем классе. Трижды в неделю по вечерам она отправлялась в родную школу, закинув за плечо скудный мешочек с гимнастическими тапочками и строгим черным купальником. Ей нравилось чувствовать, как пружинят мышцы в мерно шагающих ногах и тело ее спокойно и

сильно ветвится стройными руками и прочими конечностями. С шестого класса компанию ей стал составлять толстый Гоша, которого родители путем долгих и нудных уговоров всё-таки отправили на плавание. Плавать Гоша решительно не хотел, но родительское занудство и Манино общество отчасти примиряли его ненависть к спорту. Шли не торопясь, спрямляя путь через поле, одно из тех еще совсем диких, неосвоенных полей, которые делали крошечный город N похожим на большой, только пока совсем пустой.

В тот день на Манином плече кроме мешочка с купальником болтался еще один предмет. То был оранжевый пластмассовый обруч, за которым мама специально ездила в Москву, потому что обручи были большим дефицитом и покупались в специальных магазинах после отстаивания специальных очередей, сопровождающихся специальными скандалами и прочими специальными действиями. Все эти специальные хлопоты делали обруч не рядовым предметом в семейном обиходе, а вполне себе священным, оплаченным не столько деньгами, сколько непосредственно витальной силой маминой жизни. Святость обруча легко бросала свою священную тень и на тот повседневный обиход скромной начинающей

гимнастки, в котором тонкая оранжевая окружность обруча была остро необходима.

Обруч диктовал особые правила жизни — точность, строгость, стройность, легкость. Мане это нравилось, а технический Гоша поглядывал в его сторону с большой опаской, дальновидно предугадывая в нем угрозу для собственного мягкого брюшка. Так они и шли втроем: Маня, Гоша, обруч, — пиная ногами снежные катышки, проламывая мягкий наст по обочинам, болтая о разном или молча вглядываясь в красные озера закатов на западе. В тот день декабрьский закат был особенно кровав. Пока чистое, строгое небо медленно наливалось синью ночи, запад истекал артериальными шелками, венозно пенился, брызжа на искрящийся снег полей розовым грозовым предвестием.

— Красиво как! — сказала Маня.

— Это особый оптический эффект, — строго сообщил Гоша. — Папа говорил. Я не очень понял, но там что-то с толщиной воздушного столба связано.

— Здорово! — с энтузиазмом заметила Маня, и они принялись рассуждать про воздушные столбы и что бы это могло значить.

За разговором миновали маленький кусочек

обихоженного парка с большой каменной глыбой, поставленной в память о погибших. Потом покрутились между молоденькими сосенками, которые они сами в компании с прочими городскими школьниками каждый год досаживали сюда на субботниках. Потом перешли через дорогу, последнюю городскую проезжую дорогу с настоящим асфальтом, которая отделяла окраину от центра, и пошли по большому грустному пустырю. Тропинка с трудом пробивалась через глубокие снежные заносы. Всё поле, давно почувствовавшее близость человеческого хозяйства, густо поросло высокой дурной лебедой, пустырником и чем-то еще невнятно торчащим из-под снега. Эта часть путешествия всегда была самой печальной. Было что-то невыносимое в этих беспомощных былках, покрытых бессмысленной прошлогодней сушью вместо листвы. Травы не умрут, как знала Маня, но будущей весной росток пробьется из корней, снизу, из самого глубокого снежного нутра. А эти ободранные осенью и морозом палки уже умерли, их травяная жизнь закончилась, и было грустно смотреть, как они стоят вокруг густой чащей в слепом упорстве мертвых, которым уже нечего терять.

Тропинка не торопясь выводила их к ограде

детского садика и городскому тротуару, уверенно текущему вдоль детсадовского заборчика. Здесь уже было хорошо натоптано, весело, людно, уже горели ранние фонари, и печаль мертвых пустырников быстро забывалась. От садика до школы было рукой подать. Когда они толкнули тяжелые школьные двери, закат превратился в слабое сияние над рекой, а небо поднялось высоко и леденящей синью неподвижно смотрело в заснеженные глаза земли. Там, на западе, что-то готовилось. Было видно, как в последних отблесках света по горизонту на брюхе ползают хищные ленты туч, копятся какие-то темные груды облаков.

Гулкая школьная раздевалка проглотила Маню с Гошей, как деловитый Левиафан, чья вместительная глотка была аккуратно выложена колотыми мраморными плитами. Тусклый мрамор позволял голосам биться об него со звонкостью лесного эха, но без должной протяжности. Маня даже крикнула контрольное «А-А-А!», чтобы проверить качество эха. Звук получился слегка надтреснутый, громкий и короткий. Гоша строго хихикнул. Тут они расходились в разные стороны. Маня поднималась на второй этаж, в гимнастический зал, а Гоша шел в подвал, в

бассейн.

Два часа Маня гнулась и прыгала, снова гнулась и опять прыгала. Толпа двенадцатилетних гимнасток шмыгала насморочными носиками и подкашливала-на улице всё-таки была зима. Никто пока толком не умел ходить по бревну, и все страшно боялись высоты. Пытались отыграться на четко отработанных колесах и мостиках, но беспощадная Надежда Константиновна всю первую часть занятия гоняла их по страшному бревну Маня изо всех сил старалась не бояться, тянула носочки и прямила спину Тело тоже старалось, но результат Маню не радовал. Огромные зеркала демонстрировали худенькую девочку с косичками, идущую по бревну так, как будто под ним пылали все адские сковородки сразу. Когда после бревна перешли к обручу, сил оставалось мало, и Маня совершенно растерялась. Обруч надо было кидать, крутить, догонять, пролезать в него на бегу, а этот оранжевый изверг всё заваливался на бок или нагло укатывался в сторону. В общем, через два часа Маня вышла из зала, прильнувши носом к непокорному оранжевому пластику и мужественно обещая себе тренироваться несмотря ни на что, потому что это всё равно здорово. Тело было таким неве-

сомым, что казалось, еще немножко — и она взлетит. Маня, всерьез не рассчитывая на взлет, смиренно укуталась в худую шубку из тертого кролика, замоталась шарфом и, прихватывая обруч толстыми варежками, поплелась вниз, где ждал Гоша.

Как всегда, они занимались немножко больше положенного. Гоша, тоже замотанный в шарф, прогуливался по мраморной плитке и потел. Девочки-гимнастки, в толпе которых сбежала с лестницы и Маня, являли собой невиданное климатическое противоречие: шубки, шарфики, сапожки, валенки и разноцветные обручи, болтающиеся на детских плечиках, как попугаи на плечах полярников. Гоша ухмыльнулся и вытащил из Маниных рук мешочек с гимнастической переодевкой. На обруч воспитанный Гоша покушаться боялся: дорогая вещь, вдруг сломает.

Когда они открыли тяжелую школьную дверь, стало понятно, к чему готовился весь вечер западный небесный фронт. То была настоящая буря с наступающими армиями плотных снежных призраков, с артиллерийским сопровождением вихревых ударов и авиационным завыванием ветра. Снег валил тяжелыми, густыми волнами, как будто мимо рядами скакали прозрачные,

белые всадники. Ветер был такой плотный, что казалось, на него можно было лечь плашмя, оторвать ноги от земли и не упасть. Маня с Гошей тут же подняли воротники и глубже зарылись в шарфы, но снег вкупе с ветром забивался в любые складки и в конце концов всё равно настигал теплую кожу, неприятно подтаивая где-то внутри шапок и шарфов. Дорожка, ведущая к школе, всегда твердая и вытоптанная до самого льда, теперь была засыпана снегом едва ли не по колено. Идти было тяжело, и Маня для надежности вцепилась Гоше в руку, отчего тот всё повторял важно:

— Разве это ветер? Вот на Камчатке бывает ветер. Там снег не может удержаться на земле и поэтому вся Камчатка голая. А в Америке бывают такие тайфуны, которые вообще могут город снести.

Маня, однако, совершенно не боялась. Наоборот, ее вдруг охватило шальное чувство вроде того классического упоения, которое охватывало страшной бездны на краю. Она пробиралась в складках ветра и снега, и чем дальше, тем больше начинала чувствовать себя то ли Гердой, ищущей Кая, то ли пятнадцатилетним капитаном, попавшим вместо Аргентины на Северный полюс. Буря раскручивала колеса воображения как ветряную

мельницу.

— А ты видела, фильм такой был… — Гоша, пыхтя, старался и закутаться поглубже в шарф, и раскутаться из него, чтобы иметь возможность говорить. И то и другое вместе не получалось. Поэтому Гоша быстро высовывал нос из-под шарфа, говорил небольшую порцию того, что хотел сказать, а потом натягивал шарф до самых глаз и исчезал. — Я только название забыл. Ну, там это… про Северный полюс, кажется, было. Или про Южный. Они там оставались на зимовку, кажется. И у них что-то там случилось такое, я только забыл, что…

Тут Гоша надолго замолчал, потому что совсем задохнулся от снежного кома, влетевшего прямо в рот.

— Цветной? Черно-белый? — крикнула Маня сквозь ветер.

— Черно-белый. Кажется, — гудел в ответ Гоша, — там у них что-то такое случилось во время зимовки, надо было срочно куда-то дойти через снежный ураган, кого-то спасти. И вот они там полфильма шли. Прямо как мы сейчас.

— Дошли?

— Дошли, — басовито прогудел Гоша и, подумав, добавил, — только не все.

— Давай мы тоже как будто куда-то идем через снежный ураган, — предложила Маня.

— Ну, мы и так идем. Прямо через снежный ураган, — резонно заметил Гоша.

— Ну, мы по городу идем, фонари горят, люди ходят. Давай как будто мы по полюсу идем и за нами гонятся, например, белые медведи.

Они уже вышли на улицу, по которой шли два часа назад. Яркие фонари, светившие неестественным синюшным светом, вырезали из тьмы большие ломти пространства. Было видно, как в эти световые коридоры влетают и стремительно выскакивают оттуда густые снежные охапки, которые кто-то бросал и бросал из тьмы огромными пригоршнями. Утоптанная некогда дорожка давно исчезла как не было. Ноги вязли в снегу почти по колено, но всё равно было невообразимо здорово идти вот так, ложась всем телом на ветер и чувствуя, как горло перехватывает от ветряных струй.

— Смотря, по какому полюсу идем! — перекрикивая снежный вой, сказал Гоша. — На Южном нет белых медведей!

— Ну давай по Северному! Ты падаешь в ледяную расщелину и ломаешь ногу, а я тебя спасаю! — выкрикивала в ответ Маня.

— Лучше давай ты сломаешь ногу! Ты меня не утащишь, я тяжелый!

— Давай по очереди будем ломать ноги, — хохотала Маня. Ей всё время заметало глаза, снег таял на теплой коже и щеки были мокрыми, как от слез. — Я тоже хочу кого-нибудь спасать! — кричала она в упоении.

Обруч сверкал под синюшными лучами фонарей безумным оранжевым блеском и трепетно, по-птичьи бился о Манины колени такими легкими касаниями, что она почти не чувствовала их сквозь толстые зимние штаны.

— Давай лучше медведи за нами будут гнаться или дикие эскимосы.

— Точно! — заорала Маня и тут же подавилась ветром.

— Тогда бежим! — сурово потребовал Гоша и сам первый рванул в сугроб.

Бежал Гоша по-медвежьи, переваливаясь из стороны в сторону, и очень медленно. Маня была легче и не так глубоко проваливалась в снег, но и ее бег не был стремительным.

— Давай мы будем отстреливаться! Они же на оленях. Так они нас нагонят, — пыхтела Маня, меся сапогами снежную муку.

— Тогда падаем, — сообщил Гоша и тут же меш-

ком повалился в сугроб.

Маня тоже свалилась и, выхватив невидимую винтовку, заорала:

— Ого-о-онь! По эскимосам пли! Бдыжь! Бдыжь! Бдыжь!

— А у меня как будто автомат, — сообразил технически подкованный Гоша. — Ды-ды-ды-ды-ды…

— Всё, патроны кончились! — орала Маня. — Бежим дальше, а то замерзнем!

— Не, — ворчал Гоша, выбираясь из сугроба, — я больше не могу бежать. Давай как будто мы их всех перебили и дальше можно не так быстро.

— Тогда давай тебя немножко ранили и я тебя спасаю.

— Ну давай, — согласился Гоша и отдал в Манино распоряжение собственную руку, которую та старательно пристроила к себе на плечо.

Идти так было неудобно, но Маня опять-таки старалась изо всех сил. Гоша тоже старался. Пока пристраивали толстые зимние руки к толстым зимним же плечам, искали у Гоши талию, чтобы покрепче обхватить, ругались и героически боролись со стихией, впереди замаячило то роковое место, где ограда детского садика заканчивалась. Здесь дорога раздваивалась, и надо было сделать

выбор. Влево, в глухую темноту пустыря, в безвидный вой ветра уходила тропа, по которой они шли в школу два часа назад. Там, слева, не было ни людей, ни домов, ни света фонарей, только упрямые былки прошлогодних пустырников торчали из-под снежных мехов и напоминали о смерти. Прямо перед ними белым полотном стелилась ярко освещенная дорога, по которой шли редкие прохожие. Здесь были и свет, и люди, и дома, и машины, и вообще жизнь.

Им предстояло сделать выбор между светом и тьмой, а заодно решить классическую геометрическую задачку про Пифагоровы штаны. Тропинка, представлявшая собой гипотенузу прямоугольного треугольника, отвечала за тьму и ужас. Катетами того же треугольника являлись две большие улицы, отвечавшие за свет и жизнь. Гипотенуза, взятая в квадрат, как известно, равнялась сумме квадратов катетов, а значит, была куда короче самих катетов. Бездушная математическая логика требовала свернуть налево и пойти по гипотенузе. Но другая логика шептала в Манины уши строгим, басовитым голосом знающего человека: «Не будь идиоткой, иди прямо!» На стороне гипотенузы были риск, тьма и сомнительная выгода в расстоянии. На стороне

катетов были свет, жизнь и здравый смысл. Всё это проносилось в Маниной голове со скоростью встречного снега. Маня чувствовала, что те же мысли проносятся и в Гошиной голове, и вместе они образовывали какую-то дыру в логике, где неустойчивое равновесие вот-вот должно было нарушиться. Маня вдруг со всей очевидностью поняла, что вместе с Гошей стоит на той грани решительного и тончайшего выбора, который через пару секунд должен определить последующее движение планет, мировых светил, решить судьбу вселенной и уж в последнюю очередь их собственную с Гошей судьбу, что было, в сущности, уже не так важно. Внутри у Мани всё замерло, как замирает брошенный мяч, докатившийся до вершины холма, когда вместе с ним замирает весь мир и ждет, вернется ли мяч обратно или всё же осилит последний миллиметр и перекатится на другую сторону.

Голос Гоши вынырнул из свистящей ветреной пустоты.

— А ты что с обручем на гимнастике делаешь?

Потом Маня долго думала, почему Гоша задал именно этот вопрос, но тогда, в миг всеобщего рокового зависания, ее занимало совсем другое. В высокохудожественном рапиде она увиде-

ла, как маленький мячик судьбы невыносимо медленно, преодолевая сопротивление разума, земного притяжения, физики и опыта всех поколений человечества, медленно-медленно смял последнюю травинку и перекатился на тот решающий миллиметр, за которым начинались иное притяжение и вообще иной мир. Дружно шагая заснеженными, отяжелевшими сапогами, Маня с Гошей молча повернули влево и тут же провалились по колено в сугроб.

— Что делаем? — переспросила Маня, выбираясь из снега. — Ну, простое упражнение, в общем-то. Бросок вперед с возвратом.

— Это как? — пропыхтел Гоша.

— Это когда ты бросаешь обруч, но так специально его закручиваешь, что он немножко катится вперед, а потом возвращается обратно.

— Покажи, а? — сказал Гоша с той небрежностью великих полководцев, которые, не обращая внимания на стратегии и расчет, бросают многотысячные армии в безнадежные битвы и выигрывают их.

— Сейчас, — сказала Маня просто, стараясь не разрушить величие момента.

Они уже отошли от дороги. Свет фонарей еще дотягивался до них, но последняя грань осве-

щенного мира вот-вот должна была оказаться преодоленной и тогда вокруг них сомкнется визжащая, воющая, безвидная и безлюдная тьма, где только плотный снег и ветер будут сообщать им, что они еще не в космосе, не в абсолютном холоде вакуума. Они вошли в дыру. Какая-то тяжкая железная дверь, надежно защищающая их мир от соблазнов и ужасов другой вселенной, страшно скрипнула под ветром, открылась на мгновение, впустила их внутрь и закрылась за ними. Теперь они были не здесь, а где-то. Так же выл ветер и снег цепко впивался в колени, так же торчали из сугробов был-ки пустырника, но всё уже было по-другому.

Маня шла вперед, как Армстронг по Луне или Миклухо-Маклай по прибрежному песку страны людоедов. Бесконечный сугроб под ногами, зализанный ветром до бумажной гладкости, становился всё выше, последний свет фонарей уже был настолько слаб, что тени не падали на это ровное полотно, а тут же мутились и растворялись в синюшной каше ветра.

— Показать? — переспросила она и добавила обреченно: — Хорошо, я покажу.

Снег уже поднялся до края высоких зимних сапог, и Маня чувствовала, как к ногам плотно

приникает хрустящая ледяная масса, расплющиваясь под кожаным сапожным верхом. Еще немного, и снег начнет таять, и тогда ее ножки, так хорошо упрятанные в теплые штаны, почувствуют прикосновение беспощадной ледяной влаги. Последний свет исчез за спиной. Впереди была скачущая бледными тенями, кишащая снежными всадниками тьма, набитая под завязку утробным воем ветра.

Маня вдруг почувствовала себя как тот самый мяч на вершине холма. «Нельзя этого делать, нельзя!»-истошно орал в ней рвущийся на ветру голос знающего человека. Но мяч уже качнулся, мир уже повернулся к ней другой стороной, и медленно-медленно она сняла с плеча оранжевый обруч. Его идеально правильная окружность возникла на арене вакханалии ветра, как ангел в сердцевине адского огня. Вокруг всё билось, хлестало, выло, трепалось и закручивалось, а этот идеальный апельсин сиял своими оранжевыми боками, как будто и знать не знал про существование бурь, снегов и одиноких путников в пустыне. Обруч был прекрасен.

Маня вдруг увидела себя как будто сверху и сбоку. Маленькая неказистая девочка, держащая перед собой оранжевое кольцо, стоит в середине

снежного безумия. Вот она перехватывает руки и медленно берет обруч двумя ладонями в толстых варежках. Обруч так тонок и легок, что ветер не успевает вцепиться в его оранжевую мякоть своими снежными зубами. Обруч не рвется у нее из рук, но послушно меняет наклон и выступает вперед. Маня отпускает вторую ладонь — обруч по-прежнему послушен. Маня перехватывает ладонь в варежке поудобнее и плотно обнимает пальцами тонкую упругую окружность. Обруч готов исполнить всё, что она прикажет. «Это обман, — бьется в Маниной голове, — не делай этого!» Маня легко ставит обруч на снежное полотно, заводит ладонь слегка вперед, следуя линии идеально ровной окружности, и резко отводит руку вниз и назад, одновременно сообщая оранжевому идеалу сильный толчок вперед.

Тут Манины глаза вернулись на положенное им место. Она снова была маленькой, закутанной в шубу и шарф девочкой, и перед ней в клубящемся фиолетовом мраке легко, едва касаясь снежного полотна, катился ослепительно ярко-оранжевый обруч. Он катился медленно-медленно, медленней, чем перекатывался мяч на холме, медленнее, чем любой рапид, чем любая самая медленная медленность. Он катился сквозь

безумное мельтешение снежных вихрей, сквозь бледных всадников метели, сквозь мертвые когти пустырника, ужас аравийских ураганов, бездн, божественных комедий, потерянных и обретенных раев, про которые Маня еще не успела прочитать, сквозь ее жизнь и жизнь Гоши, сквозь время, историю, войны, кровь, сквозь всех безвинных и убиенных, сквозь все последние и первые времена, любовь и последнее «прости», сквозь приветливый свет вечерней лампы над столом, недочитанного Майн Рида, маму, бабушку и всё Манино будущее. Обруч катился невероятно долго, но ни Маня, ни Гоша не догадались засечь время, они даже сомневались, что в тот момент оно вообще шло, это время. Обруч всё катился и катился, удаляясь со скоростью один сантиметр в вечность, и, должно быть, прошло много вечностей, прежде чем обруч оказался от них в нескольких метрах.

И тут обруч остановился. Сначала Мане показалось, что этот тонкий оранжевый круг навсегда впечатался в фиолетовое безумие вселенной, но время всё еще шло, а обруч неподвижно стоял под ураганным ветром, легко давая ему проскользнуть в свое пустое, идеально правильное обручное нутро. Обруч стоял, задумчиво пока-

чиваясь из стороны в сторону. И вдруг так же медленно он оторвался от белой земли и стал легко, совершенно невесомо, сохраняя стройную прямизну, подниматься вверх над снежным полотном.

Маня завороженно смотрела, как точный оранжевый росчерк уходит всё выше и выше, как он, как будто осознав свое величие и силу, рвет последние связи с землей и остается один на один с клубящейся обезумевшей тьмой урагана. Пластмассовый апельсин вдруг обнаружил какое-то непластмассовое величие. Он поднимался вверх так, как весной поднимал голову тугой бутон тюльпана, как расцветала сирень, обеспечивая себе мгновенное бессмертие. Он взлетал навстречу буре, покачивая оранжевыми боками, точно ласково посмеиваясь над всеми демоническими ухищрениями адовых кухонь.

Обруч уже поднялся над землей так, что Мане пришлось задрать голову, и теперь она чувствовала, как тает снег, забившийся в узкую щель между горлом и шарфом. Там, на этой высоте, уже не было ни земли, ни земного притяжения. Яростная фиолетовая тьма клубилась, вспучивалась, бесновалась, взвивалась и опадала вокруг оранжевого кольца, хватая его прозрачными

когтистыми пальцами, пронзая невидимыми копьями, топча снежными копытами. Но обручу было всё равно. На секунду он завис в клубящемся аду неба, а затем медленно повернулся вокруг своей оси и так же неторопливо полетел вниз, на север, в сторону глухого черного пустыря, замерзшей, неподвижной реки, прибрежных ив, стучащих остекленевшими ветками в ледяном анабиозе. Обруч летел в сторону поля на том берегу реки и бесконечного, тянущегося на многие километры заповедного нетронутого леса. Там, куда улетел обруч, уже не было ни города, ни домов, ни дорог, ни фонарей, ни людей. Там были только тьма, снег, мороз и ужас. Там-то обруч и исчез, медленно растворившись в клубящемся мраке.

* * *

Когда Маня и Гоша пришли в себя, вокруг их ног успело намести изрядную гору снега. Они смотрели друг на друга потрясенными глазами, не имея даже сил сказать: «Ну ни фига себе». В первый раз в жизни они увидели нечто такое, что было действительно ни фига себе.

— Ты как? — строго спросил Гоша.

— А ты? — не менее строго ответила Маня.

Гоша крякнул в ответ что-то невнятное, но связь была восстановлена. Мир потихоньку начинал возвращать себе свои законные права.

— Меня мама убьет, — механически констатировала Маня.

— М-да, — осторожно выразился Гоша.

Они помолчали. Снег продолжал с равнодушной неотвратимостью засыпать их колени, подбираясь к подолу длинной Маниной шубки. Гошина куртка была покороче. До нее снегу еще было мести и мести, но он старался.

— Мама за этим обручем в Москву ездила. Очередь отстояла, потом тащилась с ним по метро, — продолжала развивать тему Маня, прикидывая, какой скандал сейчас разразится дома.

Гоша, отлично понимавший, что такое дефицит, скорбно молчал.

— Я пойду его искать, — сказала Маня.

— Я с тобой, — прощально глядя на дальние огни улицы, сказал Гоша.

— Спасибо, — сказала Маня и повернулась лицом к бездне.

Бездна вполне соответствовала собственному названию — у массы фиолетового клубящегося снега не было дна. Там вообще не было пространства. Оно было скручено в темно-фиолетовые

жгуты и не давало взгляду уйти вперед дальше, чем на пару метров. Из-под ног тянулось белесое снежное полотно, взвихривающееся правильными спиральными змеями поземки. Маня с трудом вытянула ногу из сугроба и сделала первый шаг. Нога снова утонула по колено. Она вытянула вторую ногу и снова шагнула вперед. Сзади, пыхтя и крякая, шелестел снегом Гоша.

Через пару шагов они поняли, что натоптанная тропинка кончилась — ноги провалились в снег выше колен. Теперь перед ними лежала нетронутая целина, скопившая весь щедрый декабрьский снег. Копиться на этом поле снегу было удобно. Тонкий, но густой частокол мертвого пустырника служил отличным снегозадержателем. Снежные охапки, попавшие в плен пустырниковых зарослей, уже не могли быть ни сдуты, ни затоптаны. Там они лежали с конца ноября, когда снег впервые лег на землю, с каждым снегопадом прирастая новыми слоями.

Вскоре Манино движение превратилось в последовательный набор сложнейших операций. Чтобы сделать шаг, надо было сначала с усилием вытянуть ногу из сугроба, потом как можно дальше пронести ее вперед, стараясь не задеть легкой снежной зыби на поверхности, а потом утопить

эту ногу, и края шубы, и саму шубу, и половину Мани в хищной снежной крупе, которая тут же сдавливала всё тело холодными и плотными ладонями.

Она молча производила все эти операции и боялась обернуться. Смотреть на Гошу, который переваливался в снегу сразу за ней, было стыдно до слез. Маня была исполнена мокрой, снежной благодарности и с ужасом понимала, что ничто в мире сейчас не заставит ее проявить благородство и сказать Гоше «Да ладно, иди домой, я сама». А вдруг Гоша послушается и уйдет?

Впереди по-прежнему клубилась безумная снежная тьма. Снег давно забился внутрь сапог и теперь таял там, обеспечивая обоих сначала ледяной мокротой в ногах, а потом липким объятием тугой намокшей ткани. Снег был в карманах, в варежках, под шубой и подбирался к нижнему белью. Еще через десять метров стало понятно, что передвигаться обычным способом уже невозможно. Чтобы вытянуть ноги из сугробной толщи, нужно было лечь на нежно завивающуюся нетронутую белизну, проползти сколько можно вперед, пока эта злобная белизна еще держала тело на весу, а потом снова утонуть в ней по пояс. Теперь снег был везде — в рукавах,

за шиворотом, в шапках, под Маниной шубой и толстой Гошиной курткой. Снег залеплял глаза, набивался в рот, застревал в носу, нагло лез под воротник, и спастись от него было невозможно. Их способ передвижения состоял именно из того, что они должны были утонуть в этом чертовом снегу и плыть в нем, раздвигая руками и ногами густую, хищную снежную плоть.

— Стой, — прохрипел сзади Гоша.

— Чего? — перекрикивая ветряной скрежет, отозвалась Маня.

— Что мы тут как дураки? Давай научно подойдем.

— Как? — проорала Маня.

— Надо установить точно, куда дует ветер, — сообщил Гоша и принялся стаскивать варежку, превратившуюся в одну большую снежную культю.

Стаскивать было неудобно, потому что вторая варежка тоже превратилась в культю, и весь Гоша был похож на снеговика, который решил ожить и навести марафет. Наконец варежка свалилась в снег и чуть не улетела в невидимые дали, подхваченная очередным ветровым порывом. Маня едва успела лечь на варежку грудью. Гоша растопырил закоченевшую голую ладонь и

поднял вверх пальцы.

— Ветер дует с юга, — серьезно сказал Гоша и на всякий случай добавил: — Кажется.

Маня тоже стащила с руки варежку и подставила мокрую пятерню ветру. Пальцы сразу охватил ледяной холод. Установить, с какой стороны он охватывает пальцы больше, а с какой меньше, было совершенно невозможно.

— Ничего не понятно, — сообщил Гоша, — дует со всех сторон.

— Ты помнишь, куда полетел обруч? — крикнула Маня.

— К реке. Точно, — крякнул Гоша.

— А где сейчас река?

— Река-то там, — махнул Гоша на север, — но я не могу понять, точно ли в том направлении мы шли.

Маня вспомнила их змеистые проползания по снежным болотам и поняла, что совершенно не в состоянии сказать, куда они двигались всё это время. Позади них в мутном, едва различимом далеке мерцали уличные фонари.

— У тебя часы есть? — спросила Маня и обессиленно легла на сугроб.

Тело покорно слушалось и даже пока не особенно болело, но Маня чувствовала, что каждая ее

ручка-ножка, живот-спина испытывают что-то вроде физического изумления: «Что это такое? Что мы тут делаем? Зачем это?»

— Полдевятого! — крикнул Гоша, наконец добравшийся до часов на левом запястье — больших, красивых часов с серебряными стрелками и крупным циферблатом, которые папа специально для него купил в Париже.

Занятия заканчивались в семь вечера, прикинула Маня. До дома они обычно добирались к половине восьмого. Это значит, что уже сейчас их мамы звонят друг другу и вежливо интересуются, не зашли ли дети в гости. Нет, не зашли, а плавают тут в снегу, испытывают силу дружбы, воспитывают в себе чертово мужество, силу воли и верность принципам.

— Хватит! — заорала Маня решительно. — Всё! Намучались! Пошли домой! А то так и замерзнем здесь к чертовой матери.

— Пошли, — послушно отозвался Гоша.

И они пошли, поплыли, поползли, поскреблись, покатились. Они ввинчивались в снежные стены руками, плечами и всеми своими потихоньку коченеющими телами, раскидывали сугробы впереди и прокладывали в них неровные кривые ходы. Вой ветра стал таким привычным, что на

него можно было уже не обращать внимания. Уши забились снегом, и этот дикий вой легко заглушался скрипом тающих в ушных раковинах льдинок. Иногда, сделав несколько бросков вперед, Маня останавливалась, нащупывала под ногами зыбкую снежную опору и варежками счищала с лица и глаз снежную корку, чтобы оглядеться вокруг. Она плохо понимала, куда они идут, где тропинка и далеко ли они от спасительной дороги. Теперь они двигались на восток, и, чтобы попасть домой, им нужно было идти вдоль линии далеких фонарей. Они так и делали, но сколько снежных метров они оставили позади и сколько было еще впереди — этого ни Маня, ни Гоша сказать не могли. Прошло несколько вечностей, прежде чем Маня спросила у Гоши про время.

— Девять, — хрипло ответил Гоша, медленно шевелясь в сугробе.

Маня поплыла дальше. Она уже не поднимала глаз и только пихала, пихала этот непроходимый, тупой, липкий снег, чувствуя себя так, как может чувствовать кусок сливочного масла, утопающий в горячей тарелке манной каши. Только это была не каша, а снег, и он был очень, очень холодным и очень страшным. Маня категорически не хотела

думать о плохом. Замерзнуть в полукилометре от дома, на краю современного умного цивилизованного академического города — так не бывает, так просто не может быть. И тем не менее, кидаясь в очередной раз в тугую снежную плоть, Маня должна была честно признаться себе-так могло быть, более того, так уже было.

— Маня, Маня, Ма-а-аня! — заорал Гоша сзади.

Он стоял в снегу почти по самые подмышки и, не успев вытянуть руку из сугроба, головой, грудью, плечами и всеми частями видимого над снегом тела показывал вперед, в густо сиреневый морок уже привычной тьмы. Маня обернулась и вдруг увидела…

Впереди, в гуще мертвого былья, в немоте и царственной неподвижности, слегка склонившись вбок, стоял сияющий в фиолетовой тьме оранжевый обруч. Он был всё так же строен, всё так же идеально точен в линии окружности, всё так же немыслим в своем апельсиновом, ничем не поврежденном блеске. Он стоял так, как будто вокруг него не свистел ураган и небо не обрушивалось на землю снежным потопом. Он стоял совершенно естественно, величественно и просто — как чудо.

Гоша перестал орать, и Маня, едва торчащая

над поверхностью сугроба, в молитвенном молчании смотрела на обруч. Ветер как будто осознал величие момента и затих, перестал лезть в уши привычным надрывным воем. Над миром на долгое и сладостное мгновение установилась абсолютная тишина. Божественно тонкая, совершенная окружность неподвижно сияла, как будто нездешняя печать, положенная на синюю, лишенную разума, копошащуюся мглу.

Маня плохо помнила, сколько длилось это мгновение. Внезапно звуки проснулись, и буря снова ударила в уши истерическим визгом ветра. Она пошатнулась и попробовала двинуться вперед, но в этот миг сквозь точно скошенный угловым ракурсом оранжевый овал скользнула тугая струя света и в вой ветра ворвался совершенно иной, родной звук жизни. Мимо Мани всего в нескольких метрах проехала машина.

— Дорога! — заорал сзади Гоша.

Когда они выбрались на твердую землю и слегка поскакали наполовину от радости, наполовину, чтобы стрясти липкий назойливый снег, Маня поняла, что сейчас заплачет.

— Я сейчас заплачу, — доверительно сообщила она Гоше.

— Да чего уж теперь, — проворчал Гоша. — В

снегу не плакала, когда повод был, а теперь чего…

— Ты же тоже не плакал! — испытывая за Гошу личную гордость, сказала Маня и, перехватив обруч под мышку, хлопнула Гошу по плечу.

С плеча жалобно свалились снежные сугробчики. Гоша не отстал и тоже хлопнул Маню по плечу, вызвав небольшой снежный обвал. Так они и стояли и хлопали друг друга по плечам, пока не рухнули в снег и не захохотали тем совершенно счастливым смехом своего детства, которое скоро должно было кончиться, как и тот смех, и та зима, и та жизнь.

Уже на пороге Маниного подъезда Гоша вдруг остановился в задумчивости и сразу посерьезнел лицом.

— Ты чего? — испугалась Маня и быстро прижала к себе сияющий оранжевый ободок обруча.

— Знаешь, чего я не пойму? — покашливая, сказал Гоша и надолго замолчал.

Маня терпеливо ждала.

— Понимаешь, ветер дул с юга к реке. Обруч туда и полетел — на север, вниз по склону. А мы его нашли точно на востоке. Как он мог там оказаться?

Маня представила в голове розу ветров. Гоша

был прав: обруч стоял там, где его быть не могло. Они помолчали, снова похлопали друг друга по плечам и как-то по-взрослому, слегка охрипшим басом сказали хором:

— Ладно, завтра созвонимся.

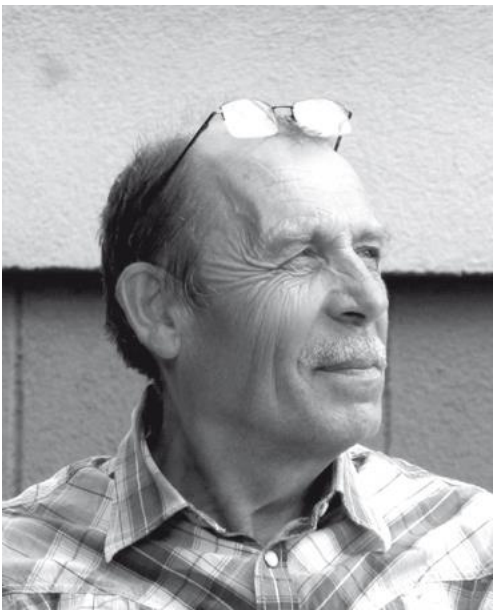
Когда Маня открыла дверь и вошла в прихожую, она услышала громкий знакомый голос, доносящийся с кухни. Приехал отец. Мама и бабушка что-то пекли и суетились вокруг духовки, весело переругиваясь. Отец сидел на маленькой, тесной кухне, заняв половину стола и своим громким, резким голосом рассказывал, как у него взяли для публикации первую в его жизни научную статью.

… — Этот дурак Загоскин так и не понял, что я, собственно, предложил, — говорил он, размахивая вилкой, — он, видите ли, утверждает, что выводы не обоснованы. Ну, в журнале-то не дураки сидят. Они-то понимают…

— А, это ты? — рассеянно сказала мама, посмотрев на Маню счастливыми глазами. — А к нам отец приехал.

Но Маня и сама это видела.

Дмитрий Воронин



Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в городе Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель.

Имеет публикации более чем в шестидесяти

«толстых» литературных журналах России и ближнего зарубежья, в том числе: «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостиный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток», «Петровский мост».

Участник более шестидесяти альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Автор четырех книг прозы. Член Союза писателей России.

Лауреат премии А. Куприна, губернаторской премии «Признание», издания «День литературы» (Москва), первой премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия» (Москва).

Проживает в посёлке Тишино Калининградской области.

На Берлин!

1

Шестилетний Андрейка сидел на склоне холма и заворожённо смотрел вниз на дорогу, по которой вот уже второй день нескончаемым потоком

шли и шли солдаты в сторону солнечного заката. Андрейка был не один. Рядом с ним примостился его закадычный дружок Вовка, который, как и он, с восторгом и страхом наблюдал за перемещением мощной техники. Танки, самоходки, тягачи с пушками, грузовики со снарядами, минами и патронами — всё это двигалось с ужасающим рёвом, лязгом и грохотом, отчего пацанятам заложило уши и они теснее прижимались друг к другу. Благоговейный трепет охватывал мальчишек, когда над ними на низкой высоте проносились эскадрильи истребителей с красными звёздами на крыльях. Но, несмотря на непрекращающийся грозный шум, пацанятам иногда удавалось перебросится между собой отдельными фразами.

— Андрейка, глянь, глянь, танка какая! — в полном восторге кричал в ухо другу Вовка. — Ух, силища, ну и силища, скажи, Андрейка?

— Ага, силища! — орал в ответ Андрейка.

— И куда их стоко, а?

— Туда, — кивнул Андрейка в сторону садящегося за горизонт солнца.

— Спросить бы, а?

— Спроси.

— Не, я боюсь, ты храбрее меня будешь.

— Ладно, — важно согласился Андрейка и, под-

нявшись с травы, закричал во всё горло в сторону проходящей колонны: — Дядьки, вы куда это шлёпаете, так много вас?

— На Берлин шлёпаем, пацанва, на Берлин! — засмеялись в колонне. — Супостата Гитлера идём ловить, что вам и не снился. Вот поймаем чудище да к вам привезём в клетке, покажем. И другой зоопарк вместе с ним прихватим.

— А и не страшно вам?

— Не, пацанва, не страшно уже. Теперь ему, чудищу, страшно, вона как драпает от нас, только пятки сверкают.

— Где драпает? Где сверкают? — заозирались по сторонам мальчишки.

— Далеко впереди, не видать уж отсюдова! — вновь раздался взрыв хохота.

— А далеко ли до Берлина этого ещё шлёпать?

— Кому как, вам далеко, а нам уже близко, — прозвучало в отдалении.

— На Берлин они идут, слыхал? — обернулся Андрейка к другу. — За чудищем Хитлиром.

— Слыхал, — кивнул Вовка, — на Берлин за Хитлиром.

2

Колхозный «газик» остановился у ворот председателева дома.

— Утром в шесть тридцать чтоб тут уже стоял. Нам завтра в район опоздать никак нельзя, в восемь надо быть на месте, кровь из носу. Важная встреча там с московскими гостями, нужно кое-что обсудить до совещания, — обратился к шофёру председатель колхоза, вылезая из машины.

— Буду как штык, вовремя, Андрей Степанович. Не волнуйтесь, успеем к восьми, да ещё с запасом. Вы ж меня знаете.

— Ладно уж, езжай домой спать.

Председатель подошёл к калитке и в задумчивости остановился. Постояв так несколько минут, он достал из кармана рубашки пачку сигарет «Друг» и закурил.

— Что домой не спешишь, Андрей? Всё в заботах, в думах об урожае да о выполнении-перевыполнении? — прозвучал из темноты насмешливый голос.

— Вовка, ты? — Повернул голову в сторону соседского дома Андрей Степанович. — Подойди сюда, дело есть.

— Ну что там за дело может быть у председателя к простому колхознику, — ощерился Вовка, подойдя к другу детства. — Не было ничего, а тут дело. Прямо заинтриговал.

— Да понимаешь, Вовка, мысль одна уже несколько лет покоя не даёт. Вот, хочу посоветоваться. — сделав последнюю затяжку, Андрей Степанович притоптал окурок.

— Несколько лет, говоришь? Это серьёзно, видать. Давай выкладывай, что там тебя гложет столько времени? — Присел Вовка на лавочку у председателевых ворот.

Рядом пристроился и Андрей Степанович.

— Помнишь, Вовка, те несколько летних дней, когда мимо нашего села солдаты на фронт шли и техника двигалась нескончаемо? А мы с тобой сидели на взгорке и всё высчитывали, сколько её мимо нас проезжало. Да постоянно сбивались, счёта нашего для этого не хватало, в школу-то только по осени мне идти предстояло, а тебе так и вовсе через год.

— Помню, как не помнить, — улыбнулся Вовка. — Такое не забудешь. Силища какая!

— Ну и я про то.

— Про танки?

— Про память.

— А что память? Помним же, сам видишь. Или забывать что стал? — покосился на друга Вовка.

— Я нет, а вот другие… — вновь вытащил из кармана сигарету Андрей Степанович.

— И мне дай, — протянул руку за куревом Вовка. — Так что другие? Другие вроде тоже не забывают.

— Это сегодня не забывают. А завтра, а послезавтра, когда никого уже из тех, кто видел войну, не останется? И даже нас, что тогда несмышлёными мальцами были.

— Ну так фильмы, книги, музеи, памятники. Это-то никуда не денется, — пожал плечами Вовка.

— Да понятно, что никуда не денется. Но я про память тутошнюю, про нашу с тобой память, память наших с тобой потомков, внуков, правнуков.

— Не пойму я что-то тебя, Андрей. К чему ты клонишь?

— А вот к чему, — положил руку на плечо друга Андрей Степанович. — Ты же знаешь, что у нас в Ермакове памятника героям войны нет и не предвидится. Боёв тут активных не было, всех, кто рядом тогда погиб, в райцентре схоронили в братской могиле. Там и памятник воздвигли. А

у нас нет. И, если бы мы даже и захотели, денег под это дело тоже нет. Колхоз-то, сам знаешь, от урожая к урожаю. Лишняя копейка на жильё да на школу с садиком, плюс клуб, плюс библиотека, плюс развитие, свет там провести по улицам и прочее разное. А памятник-дело дорогое, тут и скульптор, тут и материалы, и работы особые. Такое потянуть не каждому крепкому хозяйству по силам, а нам тем более.

— Ну и что ты предлагаешь? — Вовка ощутил внутри себя неожиданно разливающийся жар.

— А что, если самим поставить, без всяких там скульпторов и разрешений?

— Как? Где? — оживился Вовка.

— Где? А там, на нашем перекрёстке, который за селом в сторону бывшего кулацкого хутора выводит. Там, где мы с тобой мальцами на пригорке солдат на Берлин провожали. Вот посреди него и установим. Дорога в этом месте закругление делает, и внутри как бы островок неезженый образовался, вот на том месте и поставим.

— Так денег же нет, сам говорил.

— А денег и не надо, так, если на материалы чуток. Мы поставим простой памятник, даже, скорее, памятный знак, что-то в виде обелиска. Из кирпича сложим высотой метра на три, от-

штукатурим, побелим, посреди копию ордена Великой Отечественной войны прикрепим и надпись сделаем, придумать вот только надо.

— Да что тут придумывать? — от волнения Вовка даже привстал. — «На Берлин!» И всё понятно, ясно всё.

— Точно, Вовка, «На Берлин!»

— А кто орден сделает?

— Петьке-кузнецу накажем. Он мастер классный, откуёт что настоящий, а может, и получше даже.

— Андрей, а ты не боишься?

— Кого?

— Начальства своего. Они и по шапке надавать могут. И не одобрить.

— Могут, — согласился Андрей Степанович, — но мы им об этом и не скажем. Сами всё за день-два сделаем, невелика хитрость. А потом пусть попробуют сломать. У кого на памятник Победе рука поднимется? Не самоубийцы же. Да и место там такое, не особо начальство и ездит по той дороге, угол-то медвежий.

— Ну, доброхоты-то найдутся, чтоб донести, сам знаешь.

— А и пусть, главное — поставить, а там пусть доносят, — улыбнулся Андрей Степанович.

— Здорово, Андрюха, правильная затея!

— Да, Вовка, правильная. И подарок нашим односельчанам к тридцатилетию Победы. Будет куда матерям да вдовам цветы положить, а нашим правнукам где голову склонить.

3

На школьной линейке, посвящённой вхождению Крыма в состав России, завуч по воспитательной части торжественно вещала в микрофон.

— Но кроме Крыма, как вы, надеюсь, знаете, наша страна в очередной раз отмечает в этом году и другие славные праздники. Это такие героические страницы нашей истории, как освобождение блокадного Ленинграда из долгого девятисотдневного голодного плена. Нам не дано понять, как люди выжили, получая сто двадцать пять граммов хлеба в сутки. Некоторым из вас не мешало бы испытать такое на себе, а то никакой памяти не храните. Даже на линейке постоять тихо десять минут некоторые не могут, что тут говорить о подвиге. Но есть и другие великие даты в этом году. Это освобождение от фашистских захватчиков Вены и Праги, Будапешта и Варшавы, Софии и Берлина.

— Виктория Альбертовна, Берлин — немец-

кий город, столица Германии. Его брали, а не освобождали, — раздался голос из кучки девятиклассников.

— Киреев, самый умный, что ли? — тут же среагировала завуч на замечание в свой адрес. — После линейки со мной к директору. Там ум свой покажешь и расскажешь, кто тебя научил перебивать старших и срывать важные мероприятия.

…– Вот, Юлия Владимировна, полюбуйтесь на этого субчика, — отпустила запястье провинившегося ученика завуч, войдя в директорскую. — Все нервы мне вымотал, я с ним инфаркт скоро получу. Чуть не сорвал торжественную линейку сейчас. Перебивает меня, слова не даёт сказать. Ну куда это годится? Совсем уважение к старшим потеряли. Надо срочно принимать какие-то меры, пока окончательно на голову нам не сел. И пример другим каков, а?

— Что опять, Киреев? — упёрлась тяжёлым взглядом в ученика тучная директриса, медленно и грозно поднимаясь из-за стола.

— А чего Виктория Альбертовна путает? Говорит, что Берлин освободили, но его не освободили, а взяли штурмом на…

— Молчать! — побагровев, рявкнула директорша. — Мал ещё, сопляк, старшим указывать, чего

там взяли, чего освободили. Сначала дорасти до возраста Виктории Альбертовны, а потом рот свой открывай.

— Вот видите, — негодующе встряла завуч Виктория Альбертовна. — Как с таким можно разговаривать? Привыкли всей семьёй командовать. Прадед у него, вишь ли, герой-председатель. Кончились давно те времена, когда он в авторитетах был, как и колхоз его кончился. Теперь-то он кто? Да никто. Пенсионеришка простой, пшик, да и только. Ан нет, гонор-то свой весь по наследству передал, вот и получаем теперь результаты.

— Ничего, мы ему этот его гонор наследственный мигом пообломаем. Характеристику такую оформим, в тюрьму не возьмут. Слышишь ты, чучело? Вика, вызывай инспектора по делам несовершеннолетних, пусть на учёт ставят.

4

Свинокомплекс решили построить рядом с кулацким хутором. Инвестор долго выбирал среди разных вариантов и остановился на участке земли рядом с Ермаково. Место подошло практически по всем параметрам. Областной центр в ста километрах, свиней возить не накладно. До райцентра не близко, вонь с комплекса до

чиновников не дойдёт. Речка рядом, экономия на очистных сооружениях. Газопровод проведён, электромощности в достатке, местная рабсила по дешёвке. Ну и, главное, дороги есть.

Всё хорошо, всё ладно. Только один недостаток — перекрёсток. Вернее, не сам перекрёсток, а странный знак по его центру с прикреплённым орденом Великой Отечественной войны и надписью «На Берлин!». Уж больно этот знак движению мешал, большегрузные самосвалы еле разворачивались в этом месте. Но пока шло строительство объекта, с несуразным памятником ещё как-то мирились. Однако стройка закончилась, и оказалось, что проблема с движением стала и вовсе неразрешимой. Длинные фуры разворачиваться на этом участке не смогли.

— Аркадьич, а с этим что делать будем? — Кивнул в сторону памятника хозяин свинокомплекса, обращаясь к главе района. — Мешается тут на дороге, ни проехать, ни пройти.

— Да ломай его к чёртовой матери, и дело с концом! — отмахнулся Баталов. — Не шедевр, самопал кирпичный, никакой исторической ценности.

— А народ возбухать не станет? Нам лишний шум сейчас не нужен совсем — открытие через

неделю. Уже всё крутится-заказы, поставщики, поросят через пару дней завозить начнут. Любой сбой-колоссальные убытки. Нам они нужны? Ручаешься за спокойствие?

— Ломай, я сказал, — уверенно повторил Баталов. — Народ — моя забота. Успокоим, если что. Кого водкой, кого баблом, кого мордой о стол. Нам не впервой, опыт большой за плечами. Я не через одни выборы прошёл, всяких технологий набрался, больше тридцати лет у власти, так что мои гарантии железные. Ломай.

— Уважуха, Аркадьич! — пожал бизнесмен руку Баталова. — Мы с тобой сработаемся. Я сразу это просёк, как только познакомили нас. Ты деловой человек, без всяких там муси-пуси. Уважуха.

— Только сносите ночью, чтоб утром и следа не было.

— Замётано, — улыбнулся хозяин свиней. — Нам тоже не впервой. И не такое ради дела сносили.

5

— Дед Андрей, дед Андрей! — как ураган ворвался в дом правнук Андрюшка. — Там такое, такое!

— Ну что там ещё такое? — прокряхтел старик, доставая из буфета банку с вареньем. — Война,

что ли?

— Хуже! — перевёл дыхание Андрюшка. — Там памятник снесли.

Сердце старика ухнуло, и всё тело моментально покрылось липким потом.

— Какой памятник?

— Наш памятник «На Берлин!». На перекрёстке…

Осколки от банки разлетелись по всей кухне, а варенье обрызгало буфет, штаны старика и растеклось по полу.

6

Собравшиеся у перекрёстка сельчане громко негодовали и наседали со всех сторон на главу района.

— Ну как же так, Валентин Аркадьевич, что же это такое происходит? Они же наш памятник снесли, память нашу порушили!

— Успокойтесь, граждане, успокойтесь, — выставлял ладошки навстречу возмущённой толпе стриженный «под ёжик», небольшого росточка, щекастый начальник. — Всё под контролем, ничего страшного не произошло. Всё в нормальном процессе.

— В каком ещё процессе? Под каким контролем?

Как это ничего страшного? Да вы соображаете, что говорите?! Они памятник наш снесли, а вы — ничего страшного! И снесли-то как! Ночью, тайком, будто воры.

— Ну, это вы уже палку-то совсем перегнули. Какие ещё воры? Всё по плану. Работы идут в авральном режиме, сами знаете, открытие через несколько дней. Губернатор приедет, гостей из Москвы ждём, обещает министр сельского хозяйства прилететь, а тут такое.

— Что «такое»?

— Ну, памятник этот ваш, он же дорогу напрочь блокирует, ни одна фура не пройдёт.

— А сейчас пройдёт? А на-ка, выкуси! — перед носом Баталова появилось сразу несколько фиг. — Мы сейчас дорогу и вовсе перегородим, ляжем тут, и чёрта с два вы нас отсюда отколупаете. Ну если только бульдозером.

— Мужики, бабы, ну чего вы ерепенитесь! Вам же как лучше делают. Работы у вас не было, теперь будет. Свет по посёлку проведут, магазины откроют, у школы стадион обновят, детскую площадку…

— Чего ты нам тут заливаешь про радости жизни? Не врубаешься совсем? Они ж памятник завалили! Всё, бастуем, мужики!

— Ну вот что, граждане! — перешёл на крик и Баталов. — Хватит уже! Что вы тут угрозы строите, на неприятности нарываетесь? Вон, видите, там автобус в стороне с тонированными стёклами стоит. Росгвардии с дубцами вам не хватает? Сейчас устроим. Сказано вам — порешаем проблему. Нечего тут митинги устраивать, людей будоражить.

Ермаковцы, прослышав о Росгвардии, чуть поутихли и с опаской стали оглядываться на пятнистый автобус, одиноко стоявший на обочине. Почувствовав перемену настроения митингующих, Баталов уже уверенным голосом продолжил:

— И памятник ваш никуда не денется. Вернём вам его в прежнем виде. Вот только стоять он будет не на середине дороги, а вон там, на взгорке. И видно хорошо, и транспорту не помеха.

— Когда поставите? — толпа успокоилась.

— В течение месяца. Обещаю.

7

На открытие свинокомплекса с утра съехалось всё районное начальство, к обеду через перекрёсток промчался кортеж губернатора вместе с прибывшим из Москвы министром сельского

хозяйства.

— Да, круто, — дивились такому количеству гостей сельские мужики, — при советской власти такое случалось, когда атомную электростанцию запускали. А теперь свиноферму открывает министр. Чудеса.

8

Через два месяца Андрей Степанович собрал у себя в доме родню.

— Не будут они памятник восстанавливать. Все обещанные сроки прошли, а никто палец о палец не ударил. Самим надо.

— А как самим? Не дадут, полицию нагонят. Что мы против дубинок? Да и не поднять уже народ. Перегорели. Кого споили, кого купили за это время.

— А и не надо народ, сами управимся, своими силами, по-семейному.

— Это как? — уставились на Андрея Степановича сыновья и внуки.

— Ночью, по-тихому, в выходной, пока движения нет. Завезём кирпич, я со своей пенсии отложенной деньги вам выделю, намешаем раствора и по-быстрому поставим. Место там безлюдное, никто нас за работой не увидит. Спра-

вимся.

— Что, прямо среди перекрёстка на дороге и поставим?

— Именно так, прямо посреди перекрёстка, как раньше стоял.

— Так снесут же утром.

— Не снесут, не посмеют. Что они, самоубийцы, что ли?

— Эх, дед… — тихо вздохнул кто-то из внуков.

9

Утром проезд большегрузов и фур был напрочь заблокирован. Свежесложенный памятный знак из белого кирпича чуть возвышался на широкой отбетонирован-ной площадке, которая делала перекрёсток совершенно непроезжим. На самом памятнике, как и раньше, чёрной краской было жирно написано «На Берлин!» и добавлено: «Победа будет за нами!». Возле монумента на табуретке, опираясь на трость, сидел старик, а рядом с ним, положив деду руку на плечо, стоял щуплый подросток, плотно сжавший губы. Стариковская куртка была расстёгнута, и на пиджаке красовались звезда Героя Труда, ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, а также разные государственные медали за трудовые свершения

прежних времён.

10

В обед в сельпо бабы судачили полушёпотом:

— Слыхали, деда-то, Андрея Степаныча, утром у перекрёстка полицаи скрутили и Андрюшку малого вместе с ним в «воронок» запихнули и в район увезли. Андрюшка деда защищать пытался, так его дубинкой по спине. Много ли малому надо, вроде потом из отделения в больницу отправили, а может, так, болтают. А у Андрея Степаныча ещё и медали из пиджака выдрали, говорят, и в землю втоптали. Пацаны, дружки Андрюшкины, потом из грязи их вынули и домой к деду снесли. Надо же, ночью вдвоём памятник заново поставили!

— И чего теперь с ними будет?

— Ну чего-чего? Ничего. Подержут для острастки денёк-другой да домой отпустят. А что с них взять? Одному больше восьмидесяти, другому только пятнадцать стукнуло. Не сажать же их. Штраф выпишут деду, и хорош. Хоть и орал глава района на них во всё горло, когда к перекрёстку приехал на своём джипе, что посадит обоих за экстремизм и терроризм, срока возраста там нет. Но, скорее, пугал от злости, что памятник, не

спросясь у него, заново поставили. Да и памятник сразу почти разобрали, он ещё застыть-то как следует не успел.

11

У директора школы зазвонил мобильник. Юлия Владимировна посмотрела на экран телефона и внутренне сжалась от нехорошего предчувствия.

— Ну что, Юлечка, плохи твои дела, — раздался из динамика ехидный голос руководителя образования района, — фигово ты там у себя молодёжь воспитываешь, вернее сказать, вообще не воспитываешь. Судя по всему, что такое патриотизм, в твоей школе не знают. А вот что такое «пятая колонна» ведают и всячески способствуют её существованию. Ты знаешь, что твой Киреев тут учудил? Мало того, что со своим полоумным дедом чуть не провёл экономическую диверсию в районе, так ещё при всём честном народе Валентина Аркадьевича фашистом обозвал, сравнил его с Гитлером, а начальника ОВД полковника Хромова с предателем Власовым в один ряд поставил, назвав его главным прихвостнем и полицаем. Вот так-то вот.

— Татьяна Михайловна, — срывающимся голосом ответила Юлия Владимировна, — я-то тут при

чём? Я ж не мать этому уроду. Была б матерью, он бы у меня и в мыслях…

— Мать не мать, а ответ тебе держать, — перебила директора начальница. — Развели у нас под носом Болотную площадь, ну так и отвечайте по всей строгости. Жди, скоро приедем.

— Сегодня? — побледнела директриса.

В ответ последовали короткие гудки.

12

Заканчивая предпраздничное совещание, Баталов посмотрел на Татьяну Михайловну.

— А тебе, Татьяна, особое задание. Завтра проконтролируй лично ермаковскую администрацию и про школу не забудь. Посмотри там, как они на «Бессмертный полк» выйдут, в каком виде, в каком составе. Их не предупреждай, что приедешь. Надо, чтоб всё по-честному было, без подтасовок. А то прикидываются патриотами, а на деле — сплошные экстремисты. Несанкционированные митинги, забастовки, оскорбление властей, сопротивление полиции, строительство незаконных объектов, попытки срыва госзаказа — какое-то осиное гнездо! Надо с ним кончать и не нянькаться.

— Валентин Аркадьевич, ну почему во все-

народный праздник я должна ехать к этим извращенцам, а не быть рядом со своими друзьями, коллегами и соратниками? За что мне такое наказание? Это несправедливо!

— Татьяна, не переживай, сгоняешь в Ермакове на полчасика, посмотришь, посчитаешь — и назад. Мы без тебя за стол не сядем, слово даю — дождёмся, — улыбнулся Баталов расстроенной женщине и повернулся к остальным своим замам. — Итак, завтра жду всех у администрации в назначенное время. Прийти с семьями, шарами, цветами и портретами своих героев. Пройдём, так сказать, по главной улице с оркестром, почтим память своих предков. Память-это главное. Без памяти нет будущего.

13

В ночь на девятое мая на дороге, убегающей от ерма-ковского перекрёстка прямо на восток, появилась огромная надпись, сделанная белой краской: «На Москву!».

14

Дед Андрей сидел на склоне холма и заворожённо смотрел вниз на дорогу, по которой нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону восхода солнца. Сердце старика потеряло

привычный ритм, утратило скорость движения и вот-вот собиралось остановиться.

— Андрейка, Андрейка! — теребил дедову штанину его закадычный дружок Вовка. — Кудай-то они?

— Туда, — тяжело вздохнул Андрей Степанович, наблюдая за чеканным шагом пехотинцев.

— А ты спроси их, спроси, интересно ж, кого воевать идут?

— Сынки! — С большим трудом поднялся с земли дед Андрей. — Куда путь держите?

— На восток идём, отец, на восток.

— Почему на восток?

— Своих супостатов из Отечества изгонять, всех тех, кто повылазили из всяких щелей, пока нас не было, и теперь над Родиной изгаляются.

— С Богом, сынки, с Богом! — перекрестил воинов Андрей Степанович. — Возвращайтесь с победой!

— Спасибо, отец! Не впервой. Вернёмся!

Юрий Егоров

Юрий Николаевич Егоров родился в 1960 году. Доктор экономических наук, профессор.

Автор публикаций в журналах «Грани», «Новая литература», «Балтика», «Северо-Муйские огни»,

«Петровский мост» и др.

Финалист национальной литературной премии «Писатель года» (2017–2021). Лауреат III международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2018). Победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (2021). Лауреат литературной премии «Наследие» (2022).

Проживает в Московской области.

Волшебники

1

— Этого срочно в операционную! — на лету скомандовала врач, показав на парня.

— Но тут ещё девочка. Тоже без сознания, — возразил дежурный медик.

— Сначала парня. Совсем плох. Минут двадцать продержится, не больше. Девочку готовьте следом. Времени в обрез.

И в этот момент он пришёл в себя.

— Смотрите, глаза открыл, — дежурный за рукав остановил врача.

— Невозможно! Тогда всё же девочку вперёд, — мгновенно изменила решение доктор и,

повернувшись к молодой медсестре, распорядилась: — За этим следите. Весь поломанный. Никуда не отходить!

Парень открыл рот, словно пытался что-то сказать, но лишь глотал воздух. Из-под повязки на голове потекла тоненькая струйка крови.

— Потерпи немножко. Тебе лучше не напрягаться, — посоветовала медсестра.

«Добрая девушка, и голос у неё нежный», — подметил про себя парень.

— Скоро врач освободится и сразу возьмётся за тебя. Она отличный специалист, не таких поднимала. Настоящая волшебница. Сейчас я тебе помогу.

Медсестра поднесла ватку к его лицу, но тут кровотечение остановилось и взгляд пациента стал осмысленным. Некоторое время он повертел глазами, дыхание успокоилось.

— Мне лучше, — неожиданно вполне внятно произнёс он.

От удивления медсестра потеряла равновесие, так что едва не повалилась на пол.

«Ну да, конечно, — он вспомнил, как на маршрутку, в которой ехал, налетел огромный рефрижератор. — О какой девочке они говорили? Да, там сидела за мной, смешливая такая, школьни-

ца. Всю дорогу болтала глупости по смартфону… Как только нас не расплющило этой махиной? Надо же, так глупо попасть в историю… Незаметно ускользнуть теперь не получится…»

В это время скрипнула дверь.

— Спрашивает, как парень. Девочка совсем никакая, селезёнка в клочья. Не выживет, жалко, — это кто-то из коридора заглянул в палату.

— Он пришёл в себя и заговорил, — ответила медсестра голосу.

— Не может быть! Тебе показалось. Он же труп.

— Не беспокойтесь, жив я, — ответил парень уверенно. — Девочкой занимайтесь, я потерплю.

— Ну что, слышал? А говоришь, мне показалось.

Дверь хлопнула.

«Ладно, — сказал он про себя, — сейчас поправлюсь, соберусь и помогу им с девочкой, лишь бы ещё немножко продержалась. Сделаем ей селезёнку… Дайте только поудобней лечь. Спина затекла».

Повернув голову, парень осмотрелся вокруг своей каталки.

— Ты смотри, он ещё подняться хочет! — закричала медсестра.

— Да не ори ты, глупая! Голова раскалывается. Лучше принеси воды попить.

— Нельзя тебе ничего.

— Конечно, можно. Или сейчас сам встану!

Девушка мигом выскочила в коридор.

«Хорошо… Мне уже лучше… Ну вот, малышка, принимаюсь за тебя… Где эта чёртова медсестра?»

Потом закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться…

2

Едва закончив работу, он на минутку задремал.

— Что, дождался, друг? Теперь твоя очередь! — привёл его в чувство бодрый голос врача. — После такой сложной операции мне кажется, что я сейчас горы сверну. Из ничего девчонке собрали селезёнку… Да ты, дружок, в сознании?!

— Екатерина Николаевна, он вставать хотел и не успокоился, пока я не принесла воды.

Женщина-врач грозно посмотрела на медсестру.

— Я же предупреждала.

— Это правда, доктор, я в порядке, — спокойно произнёс он. — Мне тут холодно под простынёй.

Боюсь заболеть, ноги окоченели.

— О чём он говорит? Подождите… — врач, осторожно снимая бинты, принялась внимательно осматривать пациента. — Ничего не понимаю. Три часа назад… А где же?

— Китти… — Он слегка улыбнулся.

Доктора словно током ударило. На минуту ей показалось, что она находится в нереальном мире.

«Сначала девочка, теперь этот парень, а ещё… Как он её назвал?»

— Мы знакомы? — Она ничего не понимала.

— Конечно, нет.

Эти его слова и интонация лишь усилили подозрения.

— Вы уверены?

— Конечно, да.

Что-то очень подозрительным показалось ей в происходящем. Но совершенно точно, этого парня она видела впервые в жизни.

— Может, учитесь с моей дочерью?

Он отрицательно покачал головой.

— А это откуда у вас? — внимание врача привлекло необычное тагу

— Когда-то матросом плавал на остров Пасхи. Там сделал.

— День понаблюдаем за вами и, если всё нормально, выпишем из клиники, — врач вынесла вердикт и быстро покинула палату.

— Вероятно, ей около пятидесяти. Всё такая же красивая. Даже лучше! Замужем, воспитывает дочь… Это я о своём, — объяснил он медсестре. — Принеси что-нибудь надеть и горячего чая. Чувствую, простужусь у вас!

3

Он хорошо это помнил.

Тот последний свой вечер они проводили в «маргариновой» кафешке. Только что принесли заварные пирожные и кофе.

— Откуда у тебя такое тату? Необычное, — она провела пальцем по его руке.

— Это ронго-ронго. Когда-то давно матросом плавал на остров Пасхи.

— Давно? Ребёнком, что ли?! И сделал себе тату!

— Да как сказать. Ну, может не так давно. Ты меня не слушаешь, а я тебе рассказываю, что они с давних времён здесь, на Земле. Может, даже всегда, потому что не люди. Или не совсем люди. Я знал волшебника, который мог превращаться в цветок. Они, конечно, не боги-их власть не безгра-

нична. И, главное — волшебники смертны, хотя и живут намного дольше, чем обычный человек. Двести или триста лет — для магов не возраст. Они творят чудеса и управляют нашей жизнью.

— Ты так говоришь, как будто сам один из них.

— Да, конечно.

— Нет, не верю. Настоящие волшебники — это мы, врачи, — Катя элегантно стряхнула пепел с тоненькой сигареты.

— Хорошо, что так, а то я подумал, что ты совсем в чудеса не веришь.

— До вчерашнего дня не верила. Пока удивительным образом не сдала экзамен по эмбриологии. Сама не понимаю, как это получилось. Вытащила билет с этими проклятыми фибриллами…

— Я в этом ничего не понимаю. Но, может, тебе кто-то помог?

— Там рядом не было никого, кто бы подсказал. Представляешь, я даже не помню своего ответа. А в зачётке — «отлично»! Просто невероятное везение!

— Может быть, преподаватель чего-то от тебя хотел?

— Шутишь?! А почему ты не рассказываешь, где сам учишься? — ей очень хотелось узнать о

нём подробней.

— Я уже получил образование и работаю. Всё время говорю тебе об этом. Вот, смотри! — он показал ей ладонь. Потом на мгновенье её закрыл, а когда разжал, в ней оказалась необычная янтарная брошка в виде жука с поднятыми крылышками.

— Красивая. Я знаю, ты умеешь делать фокусы.

— Хочешь, полетит?

Жук замахал крылышками и поднялся в воздух.

— Сейчас все сбегутся на твоё представление, — испугалась она.

— На нас никто не обращает внимания.

— Признайся, учишься в цирковом?

— Хорошо, пусть будет цирковое училище. Чтобы ты успокоилась.

— Не врёшь?

— Нет, конечно! Я просто показал фокус, а тот, что летает вокруг нас, — механическая игрушка. Держи подарок, коллега, — он поймал жука и положил ей в руку.

— Циркач и врач — какие мы коллеги?!

— Ты же сказала, что врачи умеют делать чудеса.

— У нас они совсем другие. Хотя тоже рукотвор-

ные и для них требуется не меньше точности и терпения. Ошибаться никак нельзя. А ты интересно рассказывал про волшебников, можно подумать, что сказочник. Может, книги пишешь?

— Пусть будет так! Слушай дальше, раз тебе понравилось. Вот жила одна волшебница, яркая и чувственная. Училась на медицинском, любила «Роллинг Стоунз». Звали её Китти.

— Это только ты меня так зовёшь. Хорошо, продолжай!

— Хотела стать классным хирургом.

— И любила циркача! Мечтала выйти за него замуж и родить ребёнка. Обязательно — девочку.

— Понимаешь, у волшебников с этим не всё так просто. Точнее — вообще никак.

— Они не могут иметь детей?

— У них серьёзные проблемы с фибриллами!

— Ты знаешь, что это такое?! — рассмеялась она.

— Да, конечно!

— Опять врёшь!

— Ладно, постараюсь объяснить. Они не могут заводить семью. Таков их кодекс. Своего рода клятва Гиппократа для волшебников.

— А по-моему, они просто вруны! Ты меня бро-

сишь?

— Разве не ты у нас волшебница? Произнесёшь заклинание, поманипулируешь магическими нейрохирургическими инструментами — и сотрёшь мою память, чтобы я не мучился и не тосковал, раз у нас не получится нормальной семьи.

— И ты всё забудешь?

— Увы.

— Неужели совсем ничего не будешь помнить?

— Ты же сама лишишь меня памяти.

— Я постараюсь немножко оставить.

— Так нельзя. Клятву Гиппократа никому не дано нарушать — ни врачам, ни волшебникам.

— Я бы нарушила… Вероятно, кто-то другой из нас волшебник.

— Кто-то другой у нас фокусник и сказочник!

— Да, конечно! — согласилась Китти…

Эпилог

Он даже не видел этой школьницы-болтушки. Главное, что девочка пошла на поправку. А самого парня к вечеру следующего дня выписали. С Китти он больше не встречался — осматривал его дежурный врач. Для отвода глаз парень долго благодарил за своевременную заботу, за то, что

так быстро поправился. Ещё сказал, что Екатерина Николаевна — чудесный хирург и вообще настоящая волшебница. Врач вроде бы поверил.

Добрая медсестра при этом осторожно улыбалась.

— Разве что-то не так? — спросил он её напоследок.

— Конечно, вы правы. Я тоже считаю: без волшебства здесь не обошлось!

Про волшебника

Случилось это в поезде Тобольск — Москва. Когда садился, миловидная проводница посмотрела на меня как-то странно, словно оценивала.

— Четвёртое купе, — предупредила она.

Там оказалась женщина с тяжелобольным ребенком. Я и не представлял, что такое может быть. В обычной жизни мы всего этого не видим. А тут: страх, боль, безнадёжность.

Крепкий парень в трениках вырос передо мной из ниоткуда.

— Твоя — верхняя полка, — подтвердил он.

Похож на уголовника: землистого цвета кожа, с большой татуировкой на плече.

— Я пью, — глядя в упор, честно признался он.

— А я совсем не пью, — отвечаю. Про себя думаю: «Попал! Больной ребёнок и уголовник. “Отличная” компания».

— Ты меня полицаям не сдашь? — заволновался попутчик.

— Если будешь приставать.

Пока устраивался, женщина оставила купе.

— Вот такая история. Видишь, какой… Мишей зовут. А меня — Димой.

В ответ и я назвался. Замечаю, что не такой он страшный, как показалось сперва. Лицо грубое, но простодушное. Такой русский папуас.

— А как супругу зовут? — интересуюсь.

И тут появляется женщина.

— Лена, он решил, что ты моя жена! — «Уголовник» подмигнул нашей соседке.

— Не дай Бог! — ответила женщина.

Они стали препираться как близкие люди.

— Разыгрывают, что ли? — засомневался я. — Может, брат и сестра? Только внешне совсем не похожи.

Устроившись на полке, я стал осторожно рассматривать ребёнка. Неподвижно лежит внизу, напротив меня. Совсем маленький, года три, не больше. Видно, что не разговаривает, только глазки живые.

— Сколько Мише? — интересуюсь у матери.

— Десять.

В этом возрасте мальчишки сломя голову в футбол гоняют, а этот несчастный лежит как маленькое корявое деревце, полностью обездвиженный. Весь изогнутый совершенно неправильно, вывернутые наизнанку тоненькие косточки рук и ног обтягивает бледная кожа.

— Я при ребёнке не могу, — объясняет Дима и, достав из-под стола бутылку водки, покинул купе.

Следом вышла Лена. Я отвёл от мальчика взгляд. Вид не для слабонервных. Надо же, оставила со мной. А он лежит тихо, голоса не подаст.

Первым вернулся Дима, повеселевший от алкоголя.

— Куда едешь? — спросил он.

— В Москву.

— Значит, всю дорогу вместе, а они, — кивнул в сторону Миши, — выйдут в Глазове. Хорошая женщина. Другая бы бросила. Кем работаешь?

— Слушай, Дима, зачем тебе знать, кем я работаю?

— Для разговора.

— Ты обещал, что будешь вести себя тихо.

— А я что? Спросить нельзя?

Тут в купе вошла Лена со стаканом кипятка.

— Тогда я с тобой поговорю, — Дима переключается на женщину.

— Ты мне с Сургута надоел. Не хватит водки?

— Могу и не пить. Как-то по молодости завязал. Подружка в отместку разбавила водку керосином, а я махнул залпом полстакана. После этого на спирт год не мог смотреть.

— Так и бросил бы совсем. Зачем снова принялся?

— А что остаётся? У меня никого нет. Жена бросила, дочь не хочет общаться… Вот у тебя муж, ребёнок.

— Я не замужем. Просто живу с парнем. Муж оставил нас, когда это случилось. А ты бы не ушёл?

Кивнув, Дима согласился.

— Но потом бы вернулся. Нет, точно, — стал уверять он, — к тебе бы обязательно. И Мишка хороший. Просто сразу тяжело принять это. Вот у меня жизнь не складывается.

Четыре года получил по глупости. Прошлым летом вышел. Всё из-за того, что двое напарников сгорели на работе, а я как старший отвечал. И помочь ничем не мог. Знаете, как это у нас… Ничего не соблюдается и всем наплевать… Сейчас

вахтовиком работаю.

— Вот посмотришь на тебя — вроде бы здоровый парень, а в действительности — слабак, — усмехнулась Лена.

— Зато ты сильная. Парню твоему повезло. Сам бы на тебе женился. Может, согласишься?

Тут и я встрял и осторожно расспросил попутчицу, так, чтобы сильно не задеть. Молчать действительно глупо и хочется посочувствовать, поддержать, но не обидеть и не ковырять рану… В общем, печально всё с Мишей. Конечно, мать надеется на лучшее, но не скажешь, что сильно верит.

А Дима начал нас угощать. У него не только водка, но и целая сумка продуктов оказалась. Полакомились купленным в сургутской кулинарии.

Смотрю, а Миша одним глазом на меня косит. Потом прячется за свою искривлённую ручку. И снова выглядывает.

— Это игра у тебя такая! — догадался я. — Прятки называется.

Так мы подружились. Конечно, смотреть на несчастного ребёнка без слёз невозможно, привыкнуть нельзя. Но ведь он — живой человечек. Вот нам повезло родиться здоровыми, а ему-нет.

Не суждено в жизни познать счастья. Только бесконечные муки.

«Дима честно признался, — согласился я про себя. — Я бы тоже не смог. Муж Лены, вероятно, негодяй был, но не мне его упрекать».

А глазки у мальчишки красивые. И ресницы густые и длинные. Видно, что лицом похож на маму. Милый, только худой и бледный.

— Операция у нас через месяц по квоте. Ждём очереди, — объяснила Лена.

— Миша со мной играет, глазками. Вот, смотри, сейчас спрятался. А потом снова выглянет.

— Он это любит. Проказник. Сейчас поставлю музыку, тогда совсем развеселится!

Мне это представить тяжело. Какая может быть радость в его положении?

— Я ещё, — решает продолжить Дима и снова достаёт бутылку.

— Тебе не хватит? — Лена недовольна.

— Нам надо слушаться, — подтверждаю я. — Она в купе — хозяйка. Единственная женщина.

Дима машет рукой и выходит в коридор. Лена собирает оставшиеся продукты, а мы с Мишей продолжаем игру в прятки. Выглянул, посмотрел и опять спрятался…

Пока ехали, всё небо заволокло и на подъезде к

Тюмени пошёл ливень.

Вот и за Диму обидно. Ему хорошо за тридцать, а живёт неприкаянный.

— Да были у него женщины, но он пьёт. С собой справиться не может, — объясняет Лена.

— Просто своей не нашёл. Что ни говори, парень справный.

— Значит, устроится. Женщин много одиноких. Когда муж нас оставил, мне тоже сильно тяжело было… Руки на себя наложить пыталась. Потом привыкла к беде и нашла… До сих пор счастью своему не верю. Говорят, такого не бывает. Получается, бывает. Любит. Замуж зовёт, и родня его согласна. Удивительные люди. Только боюсь. Вдруг оборвётся. Как с Мишей. Он до двух лет нормальный был… А потом… Как ещё можно при таких проблемах? Но рук не опустили. Вот мой занялся бизнесом, так мы поднялись. Чудо, не иначе… У других в нынешних условиях рушится, а мы — ничего… Вот я говорю, Димка — здоровый, зарабатывает хорошо. Если пить бросит, то всё у него сложится.

Миша лежал с открытыми глазами. Казалось, внимательно слушал. Только что он понимает?

На подъезде к Тюмени поезд стал замедлять ход.

— Хотела выйти на платформу погулять перед сном, только льёт как из ведра, — расстроилась Лена.

Но пока состав тормозил, дождь неожиданно закончился. Мальчика решили оставить на Диму.

Бывает же такое! Вышли из вагона, а небо над станцией совершенно чистое. Кругом тучи, а тут звёзды горят. Что значит континентальный климат! У нас часто всё быстро меняется.

Ночь прошла спокойно. Другие здоровые дети капризничают. Их можно понять: новая обстановка, в старом поезде всё громыхает. Малышам непривычно, страшно. А Миша-терпеливый. Мужественный мальчик!

Следующее утро Дима отсыпался. Ехали спокойно.

Началось после обеда. Сначала Миша сосал свою соску с молочной смесью. Потом заплакал. Совсем тихо, без слёз, как дверца скрипит. Совсем не похоже на обычный детский плач. Лицо мальчика исказила жуткая гримаса.

— Может, лежит неудобно? — предположил я.

— Лекарство заканчивается. Его на три дня хватает, а чаще давать нельзя, — объяснила Лена.

Втроём мы успокаивали Мишу как могли. Я предлагал снова поиграть в глазки, неуверенный,

что мальчик меня понимает. Вдруг Дима (как только ему в голову пришло!) стал рассказывать сказку.

«Жил в одном большом городе волшебник и делал всех людей счастливыми. И не было в том городе больных деток. Узнает, что где-то ребёночек заболел, приходит и начинает колдовать: “Хрюндель-мюндель, выздоравливай, малыш!” И болезнь уходит прочь за горы-косогоры. Детки радуются. Всем хорошо! Вот и к тебе скоро придёт волшебник. Придёт, обнимет тебя — и ты поправишься. Волшебник всё

может, даже самое невозможное, потому что противостоять несправедливости может только очень сильный человек. А ты встанешь на ножки, бегать будешь, в футбол гонять. Это так здорово! Представляешь, носишься с мячом по полю! И никогда больше не будешь болеть!»

Миша успокоился и заснул…

— Ты сам всё это выдумал? — спросила Лена вахтовика-сказочника.

— А что? Надо было как-то успокоить, — оправдался Дима.

— Спасибо, что помог. Знаете, я ведь сама однажды с волшебством столкнулась. Гуляла с Мишей и увидела, как внезапно загорелся трамвай. Люди

кричали, не могли выбраться. Видимо, двери заклинило. И вдруг совершенно неожиданно огонь погас. Двери открылись.

— Может, ветер подул или корпус несгораемый? Никакое это не волшебство. Пойду за пивом, — решил Дима. — Подъезжаем к Перми. Целый час стоять.

Вечером доехали до Глазова. Там они сошли. Лена долго одевала сынишку. На станции встретил муж. Купе сразу опустело.

Вахтовик достал недопитую бутылку пива. Наполнил стакан. И тут случилось невероятное: от глотка он поперхнулся.

— Как такое возможно? — Дима отплёвывался, словно отравился.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Это что, твои шуточки?

— Не понимаю.

— Здесь — керосин! — Дима показал на стакан.

— Я не чувствую его запаха.

— Тогда попробуй!

Я немножко отпил. Обычное пиво.

После этого Дима. Снова-керосин.

— А если всё из-за нервов? Я слышал, что такое бывает. Ты сам про керосин рассказывал, — я попытался найти какое-то объяснение.

— Что, если водку попробовать?

— У меня есть коньяк.

— Говорил, что не пьёшь. Доставай.

И снова для Димы получился керосин.

— Что же мне делать? — расстроился вахтовик.

— Это значит, что пить бросишь. Кто рассказывал про волшебника? Тебе часом никто не говорил: «Хрюндель-мюндель»? Ещё Лене не верил, что волшебство случается. А тут самое настоящее!

— Не понимаю.

— А что тут понимать?! Радуйся! Ты парень что надо. Добрый, сказки сочиняешь! Теперь трезвенник! Женишься, если, конечно, не приноровишься керосин глотать вместо водки.

Проводница заглянула за стаканчиками.

— А у меня цветочек зацвёл. Красивый. Сухой стоял, думала выбросить, — и убежала.

— Заметил, как она на тебя посмотрела? — Я легонько толкнул Диму.

— Да ладно…

— Точно говорю. Девочка симпатичная…

С Димой мы вышли в Москве. Я направился в сторону кольцевой, а он-на Ярославский, покупать билеты до своего Котласа. Так расстались. Хочется думать, что всё у него в жизни нала-

дится.

Через месяц у Миши операция. Хорошо бы поправился… Жаль, что я не волшебник, а то бы в доску расстарался ради такого случая. Но верю, он справится сам. Потому что сильный.

Ещё запомнил взгляд Миши, когда прощались на станции в Глазове. Глаза мальчика улыбались…

Наталья Нелюбова

Наталья Нелюбова родилась во Фрунзе (ныне Бишкек) Киргизской ССР 8 марта 1967 года. Окончила среднюю школу с золотой медалью, геологоразведочный факультет Томского политехнического университета с красным дипломом.

Музыкант, певица, поэт, композитор, обла-

датель уникального голоса, так называемого сибирского йодля. Объехала полмира (Франция, Германия, Австрия, Чехия, Эстония, Польша, США) с музыкальной программой по мотивам «ископаемой» сибирской культуры (Сомана КуКуН). Работает с музыкантами по всему миру в самых разных жанрах: джаз-фолк-рок, этно-даб, глубокое ретро. Играет на гитаре, фортепиано и варгане.

Одновременно является художником-дизайнером, успешно работает в технике лоскутного шитья.

Проект «Сказки из сибирского бессознательного» начала в мае 2022 года.

Живет в Томске.

Про старика и старуху[1]

В некотором царстве в некотором государстве жил-был старик со старухой, и была у него молодая любовница-заведующая рыбартелью и любительница ЗОЖ.

Однажды задумал старик жениться на моло-

---

[1] Примечания: 1

Эта и следующие сказки написаны при участии членов литературно-музыкального проекта Н. Нелюбовой.

дой любовнице, а старуху свою себе служанкою сделать. Любовница, конечно, предлагала старую бабку убить, но старик не разрешил — больно вкусные пироги из рыб и крабового мяса готовила жена. Целыми днями старик и его любовница думали, как же так спровадить старуху, но чтобы она пироги с собой не забрала, больно вкусные они у неё были.

А тем временем у старухи появился любовник — молодой рыбак.

Да и какая старуха в сорок два года, но, может быть, немного больше. Баба-огонь, всё знает, всё умеет. Вот и повадился рыбак к ней ходить. Рыбы наловит и бегом бежит к старухе. Делает вид, что рыбу продаёт, а на самом деле они в кладовке запираются и ну дела свои делать. Старик-муж нет-нет да и крикнет жене, как охи-вздохи да покрикивания услышит: «Чой ты там делаешь, любезная жёнушка?» А жена в ответ: «Рыбу рублю, чтоб пирогов тебе настряпать. Уж больно голова у рыбы большая, просто огромная попалась!»

И стал старик замечать, что старуха день ото дня всё краше становится и радостнее. А на него взглядом хитрющим поглядывает. Никак удумала чего?

А удумала она у старика любовницу отбить, чтобы ей не только рыбак рыбу носил, но и любовница мужа с рыбартели. Уж больно бабка рыбу всю эту любила, особенно пироги из неё делать, ну вы знаете. И однажды старуха с любовницей встретились взглядами и подумали: «А вдруг это судьба?» Но за то время, пока старуха развлекалась с молодым рыбаком в кладовке и молодела, молодая любовница старика интенсивно старела, потому что в том царстве-государстве кладовка была только одна, а заниматься любовью можно было только там.

И вот увидела старуха любовницу как есть, а та вся такая неухоженная, замороченная, без солярия, да и бросила о ней мечтать.

А осталась старуха с мужем-стариком, рыбаком-любовником, с пирогами из рыбы и свежего крабового мяса, да еще молодая любовница старика в окно заглядывает — внимания хочет.

И жили они так долго и счастливо, пока старик, рыбак и молодая любовница старика не умерли.

А старуха осталась навсегда. Потому что так можно было.

Работа

Сижу работаю, никого не трогаю.

И тут из похмельного забытья вываливается на мою голову директор. Выпал и говорит нечеловеческим голосом:

— Ты файл с зарплатой зачем похерила?!

— Не трогала я твой файл. И компьютер не трогала!

Тогда директор и говорит:

— Если этот файл не будет найден, пойдешь заколдованная в клуб «Зажигалка» отрабатывать эту документацию!

А в клубе том испокон веку документацию отрабатывали на шесте, изворачиваясь и извиваясь страшными изгибами в эротическом танце.

Но делать нечего: пошла я назавтра в этот развратный клуб, а там людей видимо-невидимо. Посередине шест стоит, но к нему очередь. А в очереди всё уставшие бухгалтеры да работники социальной сферы.

— Вы чьих будете? — друг у друга спрашивают. — А вы из здравоохранения? Вам другой шест, — и показывают, — шестой у стены.

Бредут работники здравоохранения к стене

да бухгалтерам завидуют. Приятно ведь, когда шест посередине. А они опять, как всегда, с краю у стеночки.

Пригорюнились тогда работники здравоохранения и давай слёзы лить да бухгалтеров уговаривать:

— Вы нам шест центровой ненадолго дайте, а мы вам файл с зарплатою дадим попользоваться. Восстановим его, подлатаем. Самый красивый будет! Лучший подарок.

— Как же мы вам свой шест дадим? Работники социальной сферы тогда обидятся.

Вот так за разговорами время-то и проходит.

Но тут прошёл слух, что в этот клуб направлен на долгое время проворовавшийся чиновник высокого уровня. И ему отдали не только центральный шест, но и лучшие танцевальные костюмы с блёстками.

И тогда моё терпение кончилось. Подошла я к этому мудаку и отобрала шест, сорвала с него блестящий костюм, быстро надела на себя и как давай всячески выступать, вертеться, раздеваться, ногами махать.

А в партере все сотрудники в полном составе сидят и директор с ними. Все улыбаются, хлопают и радуются.

Собака зимой

В одной норе жила собака.

Жила себе, траву и мышей ела. Но тут пришла зима и собака спохватилась: что же делать? Такой мороз, а шерсти-то у неё маловато.

«Пойду, — думает, — попрошу у кого-нибудь шерсти, авось поделятся».

И пошла она к медведю — ведь ему-то шерсть зимой не нужна, он же в берлоге спит и по морозу не ходит. Приходит к медведю, стучится в берлогу, никто не отвечает. Спит медведь. Заглянула собака внутрь: точно спит, прямо на шерсти лежит — не унесёшь по-тихому, да и храп стоит такой, что берлога трясётся.

Ушла собака.

Думает: «К бобру пойду. У него шерсть плотная, красивая, с жирком. Зачем она ему зимой? Он же плотину строить будет, без шерсти — оно-то сподручнее, шерсть-то она только мешается, когда плотину строишь».

Пришла к бобру, а он точно плотину строит — громадное бревно перегрызает. Увидела собака зубы бобра и сразу расхотела шерсть просить.

Ну, просто настроение не то стало.

Думает: «К зайцу надо! Он же всю зиму туда-сюда бегает- ему и без шерсти тепло!»

Пришла к зайцу, а вместо зайца свист в поле стоит и мелькает что-то взад-вперёд. Понятно стало собаке, что это заяц так бегает, что диалог с ним в таком режиме никак не возможен.

Села собака и сидит. Думает.

День думает, неделю, мёрзнет, но думает. И вдруг так громко у неё внутри заурчало, что испугалась она сама и много кого испугала в тот момент.

Испугала зайца-он сразу ещё сильнее замелькал. Бобра испугала — он зуб сломал. Медведь в берлоге заворочался, но не проснулся. Много тетеревов испугала вдоль реки, а уж мелких птиц испуганных и не сосчитать.

Поняла собака, что не одна она живёт, внутри неё ещё кто-то как бы есть. Стала кричать себе в длинное ухо, спрашивать, кто же там есть-то. И что? Звон в ухе есть, а ответа нет.

«Попробую, — думает собака, — выйти из себя, авось увижу, кто останется, когда я-то выйду».

И решила тогда собака наизнанку вывернуться и вытряхнуться. Всё лишнее тогда само на землю упадёт, и увидит собака, кто внутри неё прячется. Так и сделала. Вывернулась собака наружу. И,

конечно, сразу стало ясно, что там внутри. Но та часть собаки, которая могла наблюдать, при этом завернулась вовнутрь и не смогла увидеть правду, хотя правда была вся на поверхности и видна.

Смотреть на неё было уже некому.

А то, что хотело и могло смотреть, было туго свёрнуто и наблюдало самоё себя, хотя от этого ничего не менялось, а даже сильнее останавливалось.

Но из-за всех этих потрясений на собаке стала расти длинная тёплая шерсть. Спрашивается, с чего бы?

«А чтобы теплее жилось», — отвечалось и снаружи, и внутри.

Вот какая гармония настала!

Игда и Ягда
Таёжная сказка

У Игды было семь рук и пять ног. Каждое утро он чесал своего Лося, но путался в руках. Плевал от расстройства и уходил в тайгу. Где плевал, там возникали болота, а кто поест морошки с тех болот, тот мог лисой становиться. Такая сила была у плевков Игды.

И встретил он однажды Ягду синеносую. Хороша была Ягда-глаз было три у нее. Себе один, тебе один и Небушку один. И зубы ярко-зелёные, чтобы враги боялись.

Но Игда никак не мог подойти к Ягде, потому что путался в своих пяти ногах и каждый раз они проносили его мимо Ягды. А Ягда тогда красавица была — на всю тайгу слава о её ушах и затылках шла. Ушей у Ягды было то восемь, то девять, зависело от погоды. А затылка два — от скромности.

Стал думать Игда, где достать ещё четыре-пять ртов, чтобы говорить ей слова приятные во все её уши и чтобы она его слышала. Придумал! Стал ловить рыб и привязывать их к своей голове по кругу. Рыбы рты большие раскрывают, а голоса своего нет. Вот Игда через них и будет говорить. Добыл рыб Игда и пошёл Ягду забалтывать. Ни в руках, ни в ногах не запутался. День, второй, третий болтает без умолку. Рыбы уже устали, а он знай разговор разговаривает. А Ягда от удовольствия все три глаза зажмуривает и то одним, то другим, а то восьмым ухом к Игде поворачивается.

Надоели отцу Ягды эти танцы с рыбами да с бубнами.

«Наследников, — говорит, — хочу, а вы всё

разговоры разговариваете. Хочу, — говорит, — посмотреть, Игда, главное твоё достоинство. А вдруг у тебя нет нужного количества? Ведь у моей дочери пять «гротов», и это только те, что мы с матерью при рождении разглядели. И сколько их ещё при половом созревании открылось, то никому неведомо».

А Игда с Ягдой не хотят отца слушать: уж больно приятно им — одному рыбами болтать, другой ушами поворачиваться. Решили притвориться они, что любовью занимаются, а сами в подвале заперлись — и ну разговоры разговаривать. У Ягды уши красные и все три глаза пылают. Да и у Игды уже дым изо рта идёт, так страстно и быстро он разговоры говорит.

Родители смотрят: дым из подвала валит со сполохами света. Думают: «Хорошо дело идёт, много детишек будет!»

И тут вдруг тишина наступила — спеклись рыбы. Буквально в рыбную запеканку, потому что у всякого живого организма предел есть. Замерла Ягда в тишине, боится пошевелиться. Смотрит на неё Игда и глазам поверить не может. У Ягды от такого словесного перевозбуждения гроты один за другим открываются. Все пять! Она сама пытается себя успокоить, но процесс запущен.

Глянул Игда в первый грот, а там как в телевизоре — пожар страшный; глянул во второй — там наводнение ужасное; тут и третий грот открывается, и выходит из него Ольга Бузова и бузопесню поёт; но четвёртый ещё страшнее: сидят там клоуны и на калькуляторах что-то считают.

От пятого грота Игда и вовсе сознание потерял. Увидел он в пятом гроте свою бывшую, что прошлой осенью лисы съели. И вроде как она смотрит на него и намекает, что не до конца умерла она, что все женщины — это одна и та же женщина. Страшно стало Игде смотреть в этот грот и додумывать эту мысль. Поэтому нашёл он своё сознание, взял себя в руки, посмотрел на Ягду строго и сказал: «Женщина ты хорошая, но с твоими гротами тебе к шаману надо, лечиться, потому что голодные духи забрали твой покой. И от родителей съехать. Они на тебя влияют негативно».

Заплакала Ягда, потому что прав оказался Игда.

Взяли они друг друга за руки и пошли подальше от дома родителей. В самый дальний лес, о котором Лоси иногда рассказывали.

Идут день, идут два. Устали, легли поспать. Спали долго, чуть в камни не превратились. Много

сил забрало гротов познание.

А тут на беду мимо спящих Игды и Ягды Угда шёл.

Возжелал Угда Ягду Прекрасную. Зеленозубую и пятигротую. Поселился огонь в двух сердцах его алчущих да во всех трёх посохах нефритовых. Ещё два в раздумьи остались — отрастать ли…

Достал тогда Угда нож смертоносный из-за пазухи и к Игде идёт со злыми мыслями. Все его тринадцать глаз недобро поблёскивают.

А Игда не просыпается, но пять ног его, которые никогда не спят, уже встали и бегут в сторону дальнего леса, а Игда знай себе храпит.

Не стал Угда Игду преследовать, думает: ушёл и ладно. Посмотрел он на спящую Ягду и захотел взять её себе в жёны.

Но на улице в жёны брать неудобно, стал он копать землянку, деревья валить, чтобы крышу положить. Рубит деревья — треск по всей тайге стоит.

Проснулась Ягда и понять не может, что такое. А все её глаза открываться не хотят. Устали сильнее Ягды. Стала она Игду звать и спрашивать, зачем шумит.

А Угда хитрый был. Отвечает Ягде голосом Игды: «Не тревожься, милая! Дом нам с тобою

строю. Большой да красивый. Будем жить в нём да радоваться».

Успокоилась Ягда. Дальше спит.

А хитрый Угда этаж за этажом строит: кровати ставит, очаг закладывает, стулья сделал из дерева. Стол огромный выточил. Вот как захотел жениться.

Ягда, как пробудилась, видит: лежит она в большом красивом доме, кругом роскошь и сплошное удобство. Подумала Ягда: «Вот как Игда меня любит, такой дом для меня сделал!» И пошла по дому его искать.

А Угда дальше решил обманывать: нацепил лицо Игды, Ягде навстречу вышел. И говорит ей: «Дай-ка мне, Ягда, на уши твои полюбоваться, какие они у тебя большие да пушистые!»

Понравились Ягде слова такие, подошла она к окошку, чтобы солнце осветило ярко её уши, пунцовые от удовольствия. Танцует, поворачивается всеми боками, песенку напевает.

А Угда хитрый знай Ягду голосом Игды нахваливает. Да руками своими ловкими её то так, то эдак приобнимывает. Ягда распушилась от удовольствия, языки из-за зубов повытаскивала, мурлычет.

Только один из глаз её, самый внимательный,

видит: за окошком возле леса тоже Игда стоит. Далеко, но разглядеть можно.

И тут Угда до самого важного дошёл в своём танце брачном. Говорит Ягде: «Можно мне, дорогая, в гроты твои прекрасные заглянуть?»

«Хорошо, — говорит хитрая Ягда, — заглядывай!»

Заглянул Угда в первый грот, а там котлеты из лосиного мяса дымятся, заглянул во второй грот — там квашеная капуста в бочке стоит, в третьем — пельмени в кастрюле закипают, в четвёртом — шашлык на шампурах жарится.

Когда заглянул в пятый грот, Угда упал, как подкошенный, потому что увидел, как там он сам на вертеле над огромным костром вращается, одежда дорогая на нём выгорает, сок с него кровавый капает и никто не собирается его спасать. Все смеются над ним и хотят прямо сейчас его есть.

Лежит Угда посреди дома красивого в беспамятстве весь, изо всех ртов своих пузыри пускает да звуки нечленораздельные издаёт. Тут с него лицо Игды-то и сползло.

Увидела это Ягда, разозлилась страшно! Глаза выкатила, ушами по щекам себя хлещет. Половиною ног топочет, другой половиною хочет Угду до смерти запинать. Но держится.

«Знала я, что не Игда ты, а самозванец! Мои гроты Игде весь мир показывают, а тебе, дураку ограниченному, только еду. Я сразу поняла, что обман это!»

А к дому со стороны дальнего леса Игда на всех своих пяти ногах бежит, соскучился, замёрз, проголодался, любви хочет.

И стали они теперь с Ягдой в богатом и удобном доме жить. А Угду себе в лошади взяли по лесу кататься.

Потому что нечего тут лезть, когда у тайги один закон: кого полюбил, с тем и живи!

Чёрные пальцы

У одного парня была невеста. Очень красивая и молчаливая. Все родственники считали, что парню повезло. Собрался он жениться. А перед самой свадьбой у него в клубе «Какаду» был мальчишник.

И вот, когда он вволю наплясался, наорался и изрядно захмелел, раздвинулась стена клуба, вышла оттуда женщина с зелёными волосами и помойным ведром и сказала ему: «Вот женишься, будет тебе жена мясо готовить. А как наскучит тебе, станут её пальцы совсем чёрными, приготовит

она тебе сосисок. Тут-то тебе и придут кранты!»

Пригорюнился парень, но хмель из головы слова все выгнал. Правда, с тех пор отчего-то стал парень недолюбливать сосиски и даже бояться их. И на картинках зачёркивал.

Но время шло, настал день свадьбы. Собрал он друзей и пошёл невесту выкупать. Во время выкупа отдал всё, что у него было. Привёз невесту в свой дом, что на самой окраине города стоял. А соседей у них не было. Раньше были, но куда-то все разъехались.

В первую же ночь парень увидел сон: та самая женщина с помойным ведром из «Какаду» говорит ему: «Сними перчатки с молодой жены своей и посмотри, какого цвета у неё пальцы».

Проснулся парень среди ночи, подошёл к жене. На ней перчатки красивые, пуховые. Цвета синего, как небо. Стал их снимать. Тянет перчатку с одного пальца — тяжело ему. Полчаса провозился. Принялся за второй палец — ещё сорока пяти минут как не бывало! Третий палец — ещё час! Так и провозился с перчатками до утра. Снял!

А под ними ещё перчатки из тоненькой жёлтой кожи.

Но тут петухи запели и жена просыпаться стала. Муж смотрит — одна рука жены в перчатке

осталась, а другая предательски жёлтой кожей лаковой отсвечивает. И времени на раздумье нет совсем. Взял он топор и отрубил жене руку, чтобы она не догадалась. Закричала жена от боли, задёргалась.

А муж её успокаивает. Мол, открыл он утром глаза, а над женой медведь стоит. Пасть раскрыл, съесть хотел. Муж топор взял и давай медведя отгонять. Но успел медведь одну руку откусить и к себе в берлогу утащить.

Поплакала молодая жена, да делать нечего: стала жить с одной рукой. Зато муж и посуду сам моет, и полы, и шьёт, и вяжет вместо неё. Даже кружево плести начал. А девушка целыми днями только телевизор смотрит и пряники ест.

Некоторое время всё было хорошо, но снова приснился парню сон: та же самая женщина из клуба держит отрубленную руку жены в жёлтой перчатке и говорит: «Ты так и не узнал, какого цвета пальцы у твоей избранницы. Скорее узнай, а то поздно будет!»

Достал муж отрубленную руку жены из потайного комода, стал с нее жёлтую перчатку стягивать. Тянет один палец, второй, третий… Пуще прежнего время уходит. Снял! Под ней — зелёная резиновая перчатка. А тут жена из спальни

кричит, что чаю хочет. Пришлось мужу быстро чай супруге подавать. Напилась жена чаю да и уснула у телевизора с пряником во рту.

А мужу загадка пальцев покоя не дает. Достал он снова из тайного комода отрубленную руку в зелёной перчатке. Глядь, а она шевелится. Пальцы в фигу складывает.

И было парню откровение, что зря он всё это делает, зря тётку с помойным ведром слушает, зря перчатки эти грёбаные одну за другой снимает. Только разруху и скорбь множит.

Опустил он глаза и увидел, что… пальцы у него на руках стали чёрные, потому что он этими руками чёрные дела делал.

Заплакал тогда парень, проснулась его жена и всё поняла.

«Эх, ты, — говорит, — тоже мне, медведь! Я бы тебе мяса сделала, да одной рукой не могу… Поэтому сейчас я сварю тебе СОСИСОК!»

Марина Сычева

Марина Максимовна Сычева родилась в городе Кемерово в 1991 году. Окончила факультет филологии и журналистики Кемеровского госу-

дарственного университета. Работает учителем русского языка и литературы.

Участник первого семинара молодых литераторов «Алтай. Нео-Лит» (2019), Межрегиональной писательской мастерской Ассоциации союзов писателей и издателей (АСПИ) в Екатеринбурге (2022), Совещания молодых писателей Кузбасса «На 55-й широте» (2022).

Автор этнического фэнтези на основе якутской мифологии «Солнце в силках».

Рассказы Марины Сычевой публиковались в журналах «Огни Кузбасса» и «ПроЛитКульт», в альманахах «Кольчугинская осень» и «Пашня», а также в рамках литературного проекта Teens write.

Тигрицы

— Мам, ну есть же водопровод! — крикнула Алина в глубину дома и перевела взгляд на экран. — Она опять с речушки воды натаскала. Смотри, два полных ведра. — Развернула телефон так, чтобы стоящие в сенях вёдра было видно. — Ты бы поговорил с ней…

— Привычка, старикам сложно перестроиться. Потом, позже, мама оценит удобства, — экранный

Дима поправил оранжевую каску и улыбнулся: глаза под тяжёлыми веками превратились в щёлки. — Как ты? Справляешься?

Алина опустилась на ступеньку (интернет стабильно работал только на крыльце, в доме связь прерывалась) и вздохнула. Грузить мужа-вахтовика жалобами не хотелось.

— Приходится… Слушай, тут, поговаривают, золотодобычу откроют. И набирать персонал будут из местных…

— Папа! — зазвенело в недрах дома. Зашлёпали босые ноги по половицам, на Алину накатило детское, обнимательное. Ева повисла на спине Алины, тыкнула в улыбающееся лицо экранного папы альбомом. — Смотри! Я нарисовала!

Дима смешно округлил глаза, отпрянул в притворном испуге:

— Боюсь-боюсь! Какой страшный тигр!

— Пап, тигра не страшная! — Алинино замечание «Ева, не коверкай слова!» потонуло в смехе. — Тигра красивая!

— А ты — самая смелая: не испугалась тигру рисовать! — Дима обернулся, отвлёкшись на кого-то по ту сторону экрана. — Всё, мне пора. Пока, любимые! Хорошего вам дня! Маму целуйте.

— И тигру! — выпалила Ева.

Экранный Дима исчез, Алина чмокнула дочь в нос, широкий, отцовский, и подтолкнула в дом:

— Собирайся, солнышко, в сад опоздаем!

Хорошо бы открыли рудник. А то какая семья: Ева отца только в телефоне и видит.

— Алиночка, ты не ругайся! — В сени вышла свекровь — низенькая старуха, сухая и плосколицая.

Алина глянула на цветастый заношенный халат свекрови. Новый, хлопковый, так и лежал на маминой полке, даже бирочка на месте.

— В речушке-то вода живая. А эта ваша трубная, как знать, откуда.

Уборка на кухне — первая работа в доме. А без главной помощницы, дочки, дело пойдёт споро. Почистить газовую плиту. Оттереть кухонный стол: наливая чай, мама неизменно проливала заварку и никогда не вытирала. То ли не видела бурых разводов, то ли не хотела видеть.

Зато за привычной работой не нужно было думать. Точнее, можно было думать о чём угодно, кроме того, что делали руки. Сегодня мысли были тревожные.

Еве четыре. Ещё год-два, и нужно переезжать в город. Алина-то хоть сейчас готова, да не по средствам им. И мама с обжитого места сниматься не

хочет, упрямится. А Дима её одну не оставит.

Нет, здесь тоже жить можно. Хозяйства Алина не боится, даже любит. Но сама когда-то уехавшая из деревни, она помнит, как трудно было эту деревню из себя вытравить. Как посмеивались в университете над её говором городские, как тяжело было после его окончания зацепиться, остаться, а не вернуться в глушь. И что толку? В итоге она здесь: деревня другая — суть та же. Поехала за мужем. Только обнять его раз в три-четыре месяца получается.

— Конечно, милая, — послышалось со двора. — Дело благое. Ты мне только пальчиком ткни, где, я и подпишу.

Алина встрепенулась, наскоро сполоснула руки и вышла во двор. Нахмурилась, завидев у калитки соседку-активистку.

— Здравствуй, Тома! — Алина упёрла кулаки в бока.

Высокая, в старомодном костюме, Тома напоминала героиню советских фильмов, этакую управдомшу: того и гляди выговаривать за что-то начнёт или деньги собирать. Тома держала планшет с бумагами. Мама щурилась, глядя в листы, но ручка в её морщинистых пальцах уже нырнула в колпачок — значит, подписать успела.

— Что у вас тут за благие дела?

— Алина, и ты подпишись. Слышала же: старый рудник хотят запускать, прииски. Только о золоте и думают! Это же скажется… на тайге, на экологии. У нас тут краснокнижные тигры, — веско сказала Тома и протянула Алине планшет.

— Нельзя тигров прогонять, тигры — душа леса. Они тут раньше нас живут, человека не трогают, знают, что за человека поплатятся, — свекровь закивала, глядя на ворох бумаг.

— Нет, вы с ума сошли все со своими тиграми: заботитесь о них больше, чем о людях. Дикие кошки и подвинуться могут. Уйдут глубже в лес, не страшно. А мы? Мама, а Дима? Прииск, рудник — что там будет — это рабочие места, развитие региона. Может, школу отремонтируют наконец, люди бежать из посёлка перестанут. И Дима здесь устроится, не будет пропадать на вахтах. А вы…

Воздух закончился. Слова тоже. Да и о чём говорить? С кем? У Томы на лице вежливое недоумение, пустое и гулкое. Мама смотрит странно, грустно и жалостно. Будто хочет прижать к себе, успокоить, погладить по больной головушке глупую девочку Алину.

Да ну их! К чёрту! Дочистить кухню, забрать Еву из садика… А там и день этот дурацкий почти

кончится.

На стене два ряда детских рисунков: домики, палка-палка-огуречные семьи, портреты не то мам, не то принцесс, динозавр и фиолетовая птица в жёлтом небе. Работу Евы, крайнюю в верхнем ряду, Алина находит легко: чёрно-оранжевая кошка с огромными зелёными глазами.

— Алин, сейчас твоя прибежит. О, ты рисунки смотришь! — Катерина, совсем ещё молодая воспитательница, всегда светилась улыбкой. Наверное, потому они почти сразу перешли на «ты», хоть и не дружили. — Ева у тебя молодец: и нарисовала, и целую историю рассказала про охотника и тигриную принцессу. Похоже, сказка местная. Читаешь ей много?

Алина поморщилась недовольно. Увлечение дочери тиграми превращалось в манию.

— Это не я, это бабушка.

— Ну конечно, она же у вас коренная. Кстати, не ходите на речушку: там следы видели. Всех предупреждаю.

— У нас же водопровод. — Алина пожала плечами, ещё раз посмотрела на семьи палка-палка-огуречиков и спросила: — Твой же тоже вахтовик, да? Давно в отъезде?

Алина перебрала светлые волосики дочери,

пахнущие травяным шампунем, и подтолкнула её к комнате.

— Иди включай мультики!

После разговора с Катериной было смутно: Алина пыталась посчитать, сколько их, вахтовых жён, в посёлке. Сбивалась. Побыть бы одной. На кухне возилась свекровь. Алина заглянула, скривила губы: полная кастрюля начищенной картошки, только червоточинки мама не вырезает. Теперь всё заново перебирать.

— Мам, идите отдыхать, я закончу тут, — голос подвёл, выдал раздражение Алины. Свекровь, может, и хотела возразить, но только голову опустила и вышла. — На речушку не ходите больше!

Острый кончик ножа с треском входил в картофельную плоть. Алина вырезала червоточинки, а казалось — свои проблемы. Мать, как дитя малое, упирается, не принимает помощи. И хозяйство у неё не убогое, справляется, да всё какими-то странными методами. А Алина следи да переделывай. Плюхнув последний ломтик в воду, Алина громыхнула кастрюлю на плиту, чиркнула спичкой и повернула вентиль. Голубой ореол лизнул дно кастрюли.

Ладно, сегодня она переборщила всё же, маму расстроила. Но раздражение не пускало искать

примирения. Зато тревожила идея.

Алина заглянула в зал и чуть было не выругалась. Опять тигр, словно мир сговорился против неё! Замерла, глядя в недовольную, злую морду на экране.

— Закон джунглей гласит… — мурчит с ленцой и самодовольством чёрная кошка.

— Каждый сам за себя — вот закон джунглей! — перебивает тигриный прихвостень.

Ева смотрит, как заворожённая, тянет руку к экрану. Алина улыбается.

— Смотри, моё солнышко, тут тигр правильный. Такой, какой должен быть.

Прав Табаки: каждый сам за себя. Так почему бы не попробовать переиграть всех тигров и их защитников разом?

— Помнишь, я тебе про золотодобычу рассказывала? — Завязавшаяся инициатива жжётся, словно только снятый со сковороды блин: откусить бы, да горячо. Успехом хочется делиться, и потому Алина набирает Диму в неурочный час. Присаживается на ступеньку и тут же вскакивает. — Я прошлась по вахтовым жёнам, поговорила. Будем писать обращение, такой ведь шанс для посёлка! А наши, представляешь? Тома всех стариков обошла: защитим тигров! Тигров,

понимаешь?

— Подожди, Алин, подожди, — Дима чешет нахмуренную бровь. — Ведь рудник навредит экологии. У нас же охотхозяйство под боком, люди едут со всего света на дикую природу смотреть, фотографий тигров, оленей, медведей сколько. Это же… такая огромная часть региона! Жизни!

— И ты туда же! Да для людей надо делать, для людей! Охотхозяйство? Ничего мы с него не видим. Там ведь штат-несколько человек. Работы нет в посёлке, сам знаешь!

Экранный Дима молчит, смотрит жалостно так — в его лице проступают черты матери. Алина смаргивает, говорить трудно.

— Я просто хочу, чтобы муж был рядом. Чтобы Ева росла с отцом. Рядом. Понимаешь?!

И нажимает «отбой».

Котёнок. Тянется к воде. На лапах стоит твёрдо, но движения ещё неловкие.

Не учуяла сразу. Теперь-любопытно.

Заросли густые, скрывают хорошо.

Пахнет не леснд. Чужим буйнотравьем, дымом, как все недозвери, и — мягким, нежным.

Крадусь.

— Мам, — Алина старательно прячет покрас-

невшие глаза. — Где Ева? Во дворе не видать…

Свекровь аккуратно втыкает иголку в ткань. Вышивка едва начата, светло-оранжевый краешек, но Алине кажется, что сюжет будет тот же — тигры.

— Она на речушку пошла играть.

— Ева!

Не рык. Не рёв. Жалкое. Добычное.

На берег с той стороны потока выскакивает недозвёрица. Самка. И котёнок у воды — её.

Спина наливается силой. Мне ленно. Мне сыто. Но нелепый котёнок так близко…

Недозвёрица видит котёнка, спешит к нему неловко, оступается — напрягаю лапы. Она замечает.

Не бежит. Не бросается к котёнку. Смотрит. Тмгрится.

И я смотрю.

Нелепая недозвёрица. Ни сильных лап. Ни когтей. Ни клыков. И всё же — тигрится. Чую в её запахе, в её взгляде: «Мы с тобой…»

Янтарные глаза, снизу подведённые чёрным. В лопатках играют мышцы. Подрагивает хвост.

Тигрица.

У воды — тигрице хватит и прыжка — Ева.

Притихла.

Только не кричи, родная. Не дёргайся.

Алина находит янтарные глаза.

Уходи… Ты же тоже, наверное, мать… Или будешь…

Уходи… Не смей даже… Брошусь… Ногтями, зубами, чем угодно…

А с губ срывается неожиданное, едва слышное:

— Мы с тобой… одной крови.

Тигрица моргает. Напряжение в её спине ослабевает. Она делает шаг назад. В зарослях мелькает полосатый бок. И… прыгает в чащу, выгибаясь в дугу.

Алина смотрит в лес. Ждёт. Секунду, две, может, три — ушла, тигрица ушла. Женщина кидается к дочери.

— Ева?

Руки, ноги, плечи — цела. Алина целует дочь в макушку, прижимает к себе, отпустить страшно. Жива.

— Мама! Я тигру видела, там. А ты?

Алина всхлипывает.

— Мама, ты плачешь? Это потому что тигра красивая?

— Конечно, родная. Тигра очень красивая.

Александр Юдин

Александр Валентинович Юдин родился в 1965 году в Москве.

Публиковался в журналах «Нева», «Изящная словесность», «Невечерний свет/infinite», «Пол-

день, XXI век», «Полдень» (Санкт-Петербург), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» (Краснодар), «Под часами» (Смоленск), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Нижний Новгород», «Земляки», «Арина» (Нижний Новгород) «Менестрель» (Омск), «Великороссъ», «Юность», «Знание — сила. Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Все загадки мира», «Ступени», «Хулиган», «Литературный оверлок», «Кольцо «Парус» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Дрон» (Белгород), «Царицын» (Волгоград), «Слово/Word» (США) и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика — 2010», «Настоящая фантастика — 2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ») и др.

Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009), «Золотой лингам» (в соавторстве с С. В. Юдиным, «Вече», 2012»), «Византийские каникулы» («Аквилегия-М», 2022).

Неотправленное письмо

Чухломская быль

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,
Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сёл.

Александр Блок

Несколько лет тому назад автору этих строк довелось работать в архиве городской библиотеки города Чухломы. И вот там, среди залежей совсем ветхих изданий и старых документов, мне на глаза попалась зелёная папка с тесёмочками, а в ней-кипа исписанных листов.

Листочки были жёлтые, в «лисьих» пятнах, а рукописный текст — с ятями, ерами, фитами да ижицами, то бишь писан, очевидно, до орфографической реформы восемнадцатого года. Я, понятно, заинтересовался, стал читать. И что же? Хотя начало рукописи отсутствовало — думаю, был утрачен лишь самый первый лист, — по

всем приметам выходило, что эти листки — неизвестное письмо писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского, адресованное Владимиру Ивановичу Далю.

Как известно, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Павел Иванович Мельников, он же — писатель Андрей Печерский, автор эпической дилогии «В лесах» и «На горах», был коротко знаком с создателем «Толкового словаря живого великорусского языка» и даже три года жил в его московском доме на Большой Грузинской. А впервые познакомились они ещё в Нижнем Новгороде.

По ходу чтения я пришёл к выводу, что, судя по многочисленным поправкам и помаркам, мне в руки попал черновик. Само же письмо, как мне думается, так никогда и не дошло до адресата. Черновик датирован не был, но поскольку речь в бумагах шла об изыскательской поездке Мельникова-Печерского в эти места по поручению тогдашнего министра внутренних дел Тимашёва, мне без особого труда удалось установить, что описываемые автором события относятся к лету тысяча восемьсот шестьдесят девятого года. Хотя само письмо писалось спустя год после той поездки. А возможно, и позже. Содержание этого

неотправленного письма настолько поразило моё воображение, что… Впрочем, лучше прочтите его сами, вот оно.

«…Всей душой надеюсь, что и вы, любезный мой Владимир Иванович, в столь же добром здравии ныне пребываете. Но вернёмся к приключившейся со мною поистине диковинной истории. И хотя в прожитом времени много было мною видано, много слышано и немало такого знаемо, что весьма немногими знаемо, эта история стоит особняком в силу её особенной удивительности. При всём том смею вас уверить в её полной правдивости. Во всяком случае рассказ мой коснётся лишь тех событий, которые сам видел и про которые сам слышал. А как вам, Владимир Иванович, ведомо, Бог дал мне хорошую память, и где бы я ни был, что ни видел, что ни слышал, всё твёрдо помню. И когда вздумается мне про то писать — пишу по памяти, как по грамоте, согласно старинному присловью. Коли изложение моё не стройно окажется — простите покорно, но, представляя, что стало мне известно, не смею дозволить себе для большей стройности изложения что-либо переиначивать. Так вот, продолжаю.

Из Нижнего я выехал двадцать первого июня вместе с моим старинным приятелем Констан-

тином Николаевичем Бестужевым-Рюминым. Вам он также хорошо известен. Помните, в своё время вы весьма высоко оценили его статью о современном состоянии русской исторической науки в «Московском обозрении» за пятьдесят девятый год?

Пропускаю дальнейшие не относящиеся к моей истории события и перехожу… *(Это неоконченное предложение было зачёркнуто.)* Когда мы с ним были в Урене, у самой границы Вятской и Костромской губерний, на постоялый двор, где мы остановились на ночлег, прискакал посыльный с запиской от капитан-исправника Чухломского уезда Ивана Андреевича Кокорина. В той записке исправник писал, адресуясь ко мне, что, как ему стало известно, я нахожусь здесь по прямому указанию Александра Егоровича Тимашёва с поручением провести изыскания о состоянии дел в северных губерниях, так он настоятельно просит посетить его уезд, поскольку-де в одной из деревень Алешковской волости творятся большие непорядки: завелись там якобы некие сектаторы — не раскольники и не хлысты, коими в Заволжье никого не удивишь, а какая-то вовсе неслыханная секта; и творят те сектаторы всякие безобразия и даже похищают для своих

ритуальных целей местных девок. А продолжается-де это уж неведомо сколько лет — издавна, только прежнее полицейское начальство это всё под сукно прятало, а он, Кокорин Иван Андреевич, хочет оное непотребство вытащить на свет божий и пресечь. Но человек он на должности новый, опыта не достаёт, при этом немало наслышан о моих прежних успехах в борьбе с расколом и ересями, о ревностном исполнении служебного долга и неумолимой суровости, с каковой я приводил в единоверие Керженские и Чернораменские скиты, а потому обращается ко мне с просьбой оказать помощь и содействие в расследовании, дабы изобличить фанатиков-изуверов, привлечь их *(следующие два слова были вымараны)* и прочее.

После ознакомления с сей запиской мне на память поневоле пришёл рассказ (весьма недурной кстати, а вот название позабыл) Алексея Феофилактовича Писемского, пропечатанный лет пятнадцать или более назад в «Современнике». В нём тоже ведётся речь о таинственных пропажах девок, приписываемых народной молвою лешему. Причём действие, помнится, разворачивалось именно что в Чухломском уезде! На поверку же разъяснилось, что всё это пустяки

и виновник пропаж не в меру сластолюбивый барский управитель. Итак, изначально достоверность полученных сведений вызвала у меня серьёзные сомнения. Тем не менее я тут же собрался и немедленно выехал. Константина же Николаича оставил за себя в Урене.

И вы меня, Владимир Иванович, знаете: мог ли я устоять, услыхав про неведомую и дотоле не известную мне секту? Да и вправе ли я был исключать возможность существования оной? Уж с какими нелепыми, небывалыми и изуверскими сектаторами не доводилось мне сталкиваться за годы службы! Чего стоят те же хлысты или скопцы, я уж не говорю про морельщиков, детоубивателей, самосжигателей, шелапунов и многих-многих других, обитавших и доныне обитающих в Брынских лесах нижегородского и костромского Заволжья. Признаться, польстило мне и сделанное исправником упоминание о прежних моих заслугах и победах. Хотя заслуги те далеко не всем пришлись по нутру. Керженские беглопоповцы, к примеру, иначе как «сыном пагубы, отступником Христовым» меня не именуют, говорят, что я-де знаком с чертями и при моём появлении гаснут свечи. В тех местах по сию пору ходит про меня одна легенда: дескать, когда я

ночью увозил из Шарпана икону Казанской Богородицы — великую их шарпанскую святыню, на плотине у речки Белой Санохты, под Зиновьевом, вдруг ослеп. И хотел, устрашившись, тут же бросить ту икону в реку, но дьявольским наущением отвращён был от этого; зато потом мне от дьявола же зрение возвернулось. Вот ведь оно как! Вам ли, друг мой, не знать, какая это сущая ерунда, сколь далеко это от истины. Да, я всегда был и остаюсь врагом религиозного фанатизма, аскезы и начётничества *(оба последующих предложения автор перечеркнул).* Впрочем, я, кажется, вновь вдался во многоглаголание, а посему спешу вернуться к предмету настоящего письма.

Опуская подробности поездки, перехожу сразу к встрече с исправником Иваном Андреевичем Кокориным, каковая состоялась в назначенном им месте — в деревне Филино Алешковской волости Чухломского уезда. Иван Андреевич оказался мужчиной в летах, но помоложе меня — лет этак сорока с гаком, представительной наружности и статного сложения. Он с первого погляда произвёл на меня самое благоприятное впечатление: в прошлом боевой офицер, участник трагической для нас Крымской войны, на груди — медали за оборону Севастополя и за усмирение недавне-

го польского мятежа (последняя — из светлой бронзы — порадовала меня особенно), значит, побывал в переделках; речь обстоятельная, манеры исполнены достоинства. В общем и по всему, человек на этой должности не случайный. В становой квартире, где ожидал меня капитан-исправник, присутствовали помимо него также местный преподобный — тонкий да звонкий, седой как лунь старец с козлиной *(последнее слово вычеркнуто)* с жидкой бородёнкой, какие обыкновенно изображают у китайских мандаринов; ещё дюжий рябой детина с отёчным лицом и востроглазый мужик лет тридцати с кудрявой русой шевелюрой.

— Имею честь представиться: чухломской земский исправник Кокорин Иван Андреич, — отрекомендовался исправник. — Спасибо, Павел Иваныч, что не оставили мою просьбу без внимания. Это вот, — исправник указал на преподобного, — отец Зосима, священник церкви Ильи Пророка села Верхняя Пустынь. Он здесь на правах старожила, хранителя, так сказать, преданий старины глубокой, ну и от духовных властей. А эти господа, — кивнул он на остальных, — представители уездной полиции, которые, так сказать, сопричастны и гм… будут полезны. Вот

здешний хозяин — становой пристав…

— Степан Звонов, — просипел рябой детина, распространяя вокруг злой водочный дух. И зачем-то добавил: — Не имеющий чина, из чухломских мещан.

— А этот вот, сотский Ефим Турусов. Он местный, филинский и сможет засвидетельствовать, поскольку всё, так сказать, на его глазах…

— Точно так-с, вашбродь, — тряхнув кудрями, подтвердил сотский.

Перезнакомившись таким образом, мы сели чаёвничать. Стол уж был накрыт.

— Ну что же, Иван Андреич, рассказывайте, какая такая диковинная секта у вас завелась, — спросил я исправника, — которая девок уводит. Между прочим, личность последней похищенной известна?

— Известна, Павел Иваныч, как не известна, — несколько смущённо подтвердил исправник. — Впрочем, полагаю, правильнее, если про неё вам расскажет пристав Звонов, как лицо, изначально владеющее всеми, так сказать, деталями… Докладывай, Степан!

— Слушаюсь, ваше высокобродие! — вскочил пристав.

— Ты, Степан, чаю, что ли, похлебай, — помор-

щился исправник, — а то несёт, как из бочки. Нехорошо, братец, право, нехорошо.

— Чай нам не по нутру, — пробурчал пристав, переминаясь с ноги на ногу.

— Известно! Было бы винцо поутру. Тогда пожуй чего-нибудь, вон хоть баранку. И садись, не на плацу же.

— Да, давайте без церемоний, — поддержал я. — Время дорого — пропал человек, а мы политесы разводим.

Пристав послушно пихнул в рот баранку и продолжил с набитым ртом:

— Пропавшую зовут Настасьей Теляевой, девка неполных семнадцати лет, тутошняя она, филиновская. Пропала четверо суток назад. Сегодня только сыскалась…

— Как сыскалась? — не понял я.

— Сама воротилась, — пояснил пристав.

— Стало быть, и пропажи никакой нет? Может, и с сектой та же история?

— Так ить она не целая воротилась.

— Что значит «не целая»? Надругались, что ль, над нею?

— Про это самое ничего не знаю, поскольку девка не в себе сделалась, полоумная. А не целая, потому как у ней три пальца — мизинец, сред-

ний и безымянный — на правой руке напрочь откушены.

— Откуда известно, что именно откушены? — уточнил я. — Может, отхватила серпом, топором оттяпала или ещё как?

— Таково заключение земского доктора Колокольского, который осмотрел её по моей просьбе, — вставил исправник.

— Сама-то как объясняет? — спросил я.

— Говорю ж, вашбродь, не в уме девка. Бормочет что-то про чудь белоглазую, которая её в Чудь-гору утащила и там, в той Чудь-горе, двое суток держала. А она оттель как-то сама сбёгла, а после ещё двое дён плутала по лесу, ягодой да грибами питалась, покудова не вышла к соседней деревне Чурилово. Ещё бает про чудского божка Кузю, которому-де её в жёны там уготовили.

— Вы же понимаете, Павел Иванович, — вновь вступил в разговор исправник, — что не стал бы я вас беспокоить из-за какой-то пропавшей девки. Не столичному же начальству эдакими делами заниматься. Тут важно, что не первая она такая. Как я вам и писал, тут действует стародавняя и притом тайная секта.

— Давайте по порядку и с самого начала, а то мы этак до сути никогда не доберёмся, — пред-

ложил я.

— По порядку вернее, — согласился исправник. — Тогда предлагаю следующий порядок: пускай сначала пристав Звонов изложит обстоятельства нынешнего похищения Настасьи Теляевой, а сотский Ефим дополнит, как и отчего. А после того отец Зосима расскажет, что в здешних местах известно про секту (или кто там эти лешие?), пояснит, так сказать, предысторию вопроса. Я же со своей стороны представлю обстоятельства, ставшие мне известными по ходу следствия.

— Давайте так, — согласился я. — Только я хочу после сам ту Настасью допросить.

На том и порешили.

(Далее был густо вымаран целый абзац; я не стал его разбирать, а перешёл к следующему.)

Но я уже вижу, Владимир Иванович, что письмо моё стремительно превращается в беллетристический рассказ и едва ли не в духе Эдгара Поэ, а посему, дабы не затягивать повествования, изложу своими словами содержание дальнейшей беседы, а также того, что поведала мне девица Настасья, которую я допросил в тот же день.

Со слов пристава Звонова и сотского Ефима выходило, что Настасья Теляева пропала с двадцать

третьего на двадцать четвёртое июня, аккурат в ночь на Иванов день. Вы, Владимир Иванович, знаете, что купальскую ночь во многих местностях Заволжья по сию пору празднуют несмотря на очевидно языческий характер этого праздника. Как ни старалась церковность истребить всякие остатки языческой обрядности, много обломков древней старорусской веры доселе сохраняется в нашем простонародье. Вот и Настасья отправилась на закате с подружками на речку Вёксу жечь костёр, купальные травы да банные веники собирать, ну и в Вёксе купаться, понятное дело. Пошла, а назад не вернулась. Подружки божились, что была она с ними до последнего; и они только тогда её хватились, как засобирались по домам; искали и кликали до самых петухов, потом вернулись с мужиками, но всё попусту: Настя как в воду канула. Да только в той речке Вёксе не утонуть: больно мелка и омутов рядом нет. Думали разное: заплутала в лесу, лихого человека встретила, а то мог медведь заломать, в чухломских лесах их пропасть.

А утром, в день моего приезда, её бесчувственной нашёл пастух в березняке у поля, что возле деревни Чурилово, в пятнадцати верстах от Филино. Вместо сарафана на ней дерюга драная,

сама с ног до головы исцарапана, точно через ежевичные кусты напрямик ломилась, и трёх перстов на правой руке не хватает. Уже дома — а жила она без матери, со вдовым отцом, мужиком непутным, запойным, который даже и в поисках дочери не участвовал, а все дни провалялся пьяным, — маленько прочувствовавшись, Настасья поведала, что, когда она с другими деревенскими девками купальные травы собирала, позвал её из лесу, из-за сосенки, некий голос, ласковый такой, шепотливый, вроде женского, по имени позвал: «Подь-ка сюды, Настасьюшка, подь, голуба-душа, глянь-кось, чего у меня есть для тебя». Девка сначала поостереглась, хотела подружек кликнуть, а голос снова: «Ты только не говори никому. У меня от матушки твоей гостинец. Как помирала, горемычная, наказала передать тебе на Иванов день, во Купальску ночь». Осмотрелась Настасья: костёр весело горит, потрескивает, луна, от реки отражаясь, ярко светит, вокруг видать всё, ровно белым днём, да и подружки, вот они, рядом, в речке плещутся, песни поют. Чего бояться? Она и зашла за сосенку-то. Зашла, глядь, никакой женщины там и нет, а стоят три мужичка: дробные, ниже её ростом, бородами по самые глаза поросли, а глаза — белые-белые,

только зрачки угольками чернеют. Скумекала тут Настёна, что это её чудь белоглазая заманивает, хочет своему богу Кузе в жёны отдать. Дёрнулась прочь, да куда: сзади ей руки-ноги обхватили, повалили наземь, на голову мешок или что другое нахлобучили; она девок на помощь звать, да сквозь мешок не больно покричишь, а за смехом девичьим и песнями купальскими те, видно, не услыхали, а тут ей рот зажали и уволокли в лес. Тащили долго, она всё брыкалась, норовила вырваться, убежать, тогда похитители сделали остановку, всю её с головы до пят лыками обвязали и дальше понесли.

Очнулась она в какой-то каморе без окон, вроде чулана; лежит она, развязанная уже, на свежей соломе, вдоль стен-не то каменных, не то глинобитных, не разобрать-толстые сальные свечи горят, будто в храме на двунадесятый праздник, а супротив неё, у самого изголовья, на корточках, по-татарски, сидит дед: страшный, жёлтый, тощеватый такой, но без бороды-лицо скоблёное, а на глазах стёклышки, «как у фершала», только синие. И принялся тот жёлтый дед её уговаривать да началить, чтобы вела себя послушно, делала всё, что ей велят, и тогда-де будет ей счастье великое: примет её бог Кузя в законные жёны,

и станет она как сыр в масле кататься-в золоте ходить, в руках серебро носить-ни в чём отказа иметь не будет. Ну а ежели супротивиться или того хуже — бежать удумает, то вовек уж белого света не увидит. И ставит перед ней липовую плошку, по виду с кашей, только вроде как с грибами, и строго так велит: «Ешь! Кузя до тощих девок не охотник». Настя не посмела перечить и поела той каши. А как поела, разморило её шибко и на сон потянуло. Долго ли спала, коротко ли, она не знает, только как очи размежила, видит: старуха над нею склонилась — чистая Яга! Горбатая, простоволосая, лохмы седые до пупа висят, нос в подбородок упирается, а изо рта три зуба щерятся. Проскрипела та карга что-то не по-нашему и ткнула узловатым пальцем в большую бадью с водой, которую, видно, пока Настя спала, в камору притащили, и руками эдак показывает, дескать, полезай мыться. Девка поначалу головой крутила, но ведьма как зашипит на неё, точно кошка бешеная. Настасья, делать нечего, скинула с себя сарафан и залезла в бадью. Ведьма сама её помыла жёстким мочалом, выскоблила ровно чугунок, едва кожу не ободрала. Настасья, ничего, вытерпела и это, напугана была шибко. После мытья старуха забрала её сарафан, кинув взамен

дерюжку, чтобы наготу прикрыть, и принесла ей снова плошку с грибной кашей, а сама скрылась в узкой дыре, что зияла в стене узилища этого и в которую только в три погибели согнувшись можно было залезть. Тут уж девка смекнула, что каша та сонная, и не стала её есть — вывалила на пол да соломой прикрыла.

Через несколько времени после слышит — шаги; не будь дурой, притворилась она спящей, а сама поглядывает из-под ресниц. Заходят трое: давешний жёлтый старик со стекляшками, а с ним двое белоглазых, лядащие, ровно сморчки лесные; встали над нею и давай что-то на своём тарабарском наречии балакать. Жёлтый старик на неё показал и говорит: «Нейжне», а те давай причмокивать: «Чёма, чёма, чёма». Потом сдёрнули с неё дерюжку и принялись всю её ощупывать, как кобылу на ярмарке. Настасья и это стерпела, хоть и жутко и срамотно ей то было. Жёлтый дед запалил пук каких-то сухих духовитых трав и обкурил им спящую. От запаха тех трав — тяжёлого да горького — Настёна едва снова не впала в забытьё. Наконец чудь ушла, девка же, выждав сколько-то, вскочила, намотала на себя кое-как дерюгу вместо сарафана, лыками для крепости обвязалась да и полезла в стенную

дыру. За ней обнаружился лаз вроде норы, по которому двигаться можно было лишь на четвереньках. Долго она по нему ползла, коротко ли, девка не запомнила, только постепенно проход стал расширяться, и вот уже она смогла встать и идти в полный рост.

Вдруг слышит девка впереди глухие ритмичные удары, будто кто в полую колоду тукает, а потом и голоса различила. Голоса те пели что-то не по-нашему, то стихая, то поднимаясь до визга, как на хлыстовских радениях. Настя было затаилась, хотела уже назад повернуть, да прислушалась: вроде пение не приближается, и решилась — крадучись двинулась далее. Голоса поющих меж тем становились всё громче, явственнее; а потом Настасья увидела впереди свет, только не дневной, а будто сполохи от костра по стенам пляшут.

Пройдя ещё сколько-то, увидала девка, что лаз уходит дальше на подъём, но в его правой стене зияет отнорок, уводящий вглубь. Из этого-то отнорка и идёт свечение и голоса слышны. Заглянула она в ту дыру и видит: крутые ступеньки ведут вниз, в пещеру, а там — костры горят и чуди видимо-невидимо. С полета бородатых карлов со смоляными факелами в руках бесну-

ются, поют непонятное, в самой же серёдке на высоком каменном топчане сидит голый мужик — огромный, ровно медведь, дородный, дебелый; телеса его сплошь какими-то чёрными полосами да завитушками изрисованы, башка выскоблена, как яйцо, аж отсвечивает, рожа носатая да толстогубая от жира лоснится. В правой ручище у него кость белая, перед ним, промеж кривых ног, большой медный котёл стоит, сверху вроде как кожей обтянутый; и лупит тот детина по котлу костью, как в бубен, а чудь в лад тем ударам подскакивает да подвывает.

Потом, смотрит Настасья, сквозь толпу чуди пробираются давешний старик в синих стекляшках и карга простоволосая, что её в бадье купала, и волокут под руки бесчувственную нагую девицу, лишь веночек из болотных кувшинок у ней на голове, а на теле живого места нет: всё исцарапано, в кровоподтёках и страшных укусах — как застарелых, так и свежих; местами прямо куски мяса выхвачены, словно её свора голодных собак погрызла. Тут детина на ноги вскочил и принялся ещё шибче по котлу лупить, а уд срамной у него, как у семенного быка перед случкой, — дубина дубиной. Девка та голая очнулась и, увидав куда её тащат, ну голосить дурным голосом; вдруг —

откуда силы взялись — вырвалась да наладилась прочь бежать. И вот только она лицом-то повернулась, Настасья враз признала в ней Агафью — старшую дочку старосты Пантелея, которая два года назад аккурат в эти же июньские дни сгинула и про которую мир решил, что она от отцовской строгости с отходниками в город подалась. Однако ж теперь далеко убежать ей не дали: щипками да шлепками погнала её чудь обратно к той образине с бубном. А бугай отшвырнул прочь кость и как ухватит Агафью за волосья, наземь как швырнёт, сам-от сверху на неё как кинется, и давай её, горемычную, катать да валять по всей пещере.

Долго он так с нею тешился. Настасья же видела всё это и, оцепенев от ужаса, даже и пикнуть боялась. Вдруг леший этот в горло девке, как волк лесной, вцепился и — ну грызть, ну грызть с урчанием утробным, аж кровь во все стороны брызнула! Та ногами эдак мелко-мелко задрыгала и обмякла. Тут он взревел, точно сохатый по осени, коленями грудь Агафье придавил и обеими ручищами хвать её за голову. А чудь ещё более в раж вошла: скачут все, факелами машут и орут: «Рикта! Рикта! Рикта!» Бугай поднатужился да и оторвал девке башку, ровно курёнку какому;

потом за волосы голову вздёрнул, раскрутил да и метанул через всю пещеру прямо Настасье под ноги. Тут уж та не сдюжила-в крик и прочь бежать что есть мочи. А чудь с воем да визгом истошным — следом.

Себя не помня, добежала Настя до выхода из той норы, наружу сунулась, а там, под ногами — склон едва не отвесный, вот она и замешкалась чуток. Обернулась проверить, далеко ли погоня, а прямо за спиной бугай этот разрисованный стоит, на неё уставился буркалами своими. Морда вся в крови агафьиной, взгляд тяжёлый, мертвящий, как у аспида, аж ноги у девки отнялись — хочет бежать, а шелохнуться не может. Подняла она кое-как руку, дабы крестное знаменье сотворить, он оскалился — зубищами клан, — и скусил ей три пальца на правой длани напрочь, ровно стручки гороховые. Настасья от боли назад прянула и — кубарем под гору. Удивительно, как руки-ноги не переломала, пока с горы той катилась. Ну а потом двое или трое суток по чащам да болотам скиталась, покуда к людям не вышла. Чудом от чуди спаслась, не иначе. Ведь в лесу те инородцы, надо полагать, как дома себя чувствуют. Видно, Бог упас…

Вот такую историю поведали мне пристав

Степан Звонов и сотский Ефим Турусов, а капитан-исправник со своей стороны дополнил некоторыми подробностями. Примерно то же, только короче и сбивчивее, поскольку пребывала в жару и едва не бредила, после рассказала мне и сама Настасья Теляева.

Настоятель церкви Ильи Пророка отец Зосима в целях прояснения обстоятельств изложил нам историческую подоплёку нынешних событий, каковая свелась к следующей легенде: в стародавние времена, задолго до Иоанна Грозного, жил-де в этих местах народ чудского племени. Были те инородцы закоснелыми идолопоклонниками, и шла про них слава, как о чародеях и волхователях изрядных. Из-за белёсых, почти прозрачных глазных радужек, прилепилось к этому племени прозвание «чудь белоглазая». Когда же пришли сюда оседлые русские люди, не вынесла чудь соседства с православным христианством и всем скопом, с бабами и детишками, ушла под землю — в Чудь-гору, где обретается и поныне. И якобы молится эта чудь белоглазая своему живому богу именем Кунингазс, которого наш простой народ переиначил на свой манер, прозвав Кузей. А ещё, рассказал Зосима, совсем недавно-каких-то полсотни лет назад, здесь в округе черемиса оби-

тала. Несмотря на то, что числились черемисы воцерковлёнными и православными, однако ж, скорее, по форме. По правде же, как полагал отец Зосима, продолжали коснеть в язычестве. Как бы то ни было, немало их селений тут стояло, и вот эти-то черемисы, почитая себя данниками чуди, ежегодно в ночь на Ивана Купала приводили к подножию Чудь-горы девку своего племени и оставляли там на ночь, а белоглазые под покровом темноты из своих нор выходили и забирали уготованную жертву, как считалось, в жёны подгорному богу.

Но шло время, и постепенно поселения черемисов безлюдели (очень возможно, не последнюю роль в их оскудении сыграл как раз сей изуверский обычай), пока лет пятьдесят назад не опустели под корень. Долгое время после того всё тихо да покойно было, как вдруг где-то лет двадцать тому назад стали из деревень Алешковской волости пропадать молодые незамужние девицы. Хотя и не каждый год такое случалось, но всякий раз — накануне или вскоре после купальских гуляний, а частенько и в саму Иванову ночь. Понятное дело, по деревням в народе пошёл слух, дескать, это чудь белоглазая озорничает. Да только земство, как волостное, так и уездное, никаких

мер на сей счёт не принимало, почитая подобные слухи проявлением народного невежества. Про губернское начальство и говорить нечего. А ещё, по словам отца-настоятеля, упомянутая Чудь-гора, в недрах которой те язычники вместе со своим живым богом схоронились, находится в заповедных чащах здешних алешковских лесов, и в погожие дни её поросшую дремучими елями вершину даже и из Филино видать. Но ходить туда никто не ходит — боятся.

Однако же, как вы, Владимир Иванович, наверное, догадываетесь, история этим не закончилась. Ведь земский исправник меня не для того за столько вёрст зазвал, чтобы я выслушивал старинные сказки. Надо было теперь решить, какие должно принять ввиду случившегося меры. Я предложил было не мешкая снарядить полицейскую экспедицию к той Чудь-горе и на месте удостовериться, насколько соответствует истине древнее предание, а равно есть ли правда в рассказе самой Настасьи Теляевой. Но пристав с сотским в один голос убедили меня, что сей прожект неисполним, поскольку-де гора та велика и обширна, дебрями лесными покрыта и целого полка солдат не хватит, чтобы всю её обшарить, даже если до осени искать станем. Стоит отме-

тить, что сотский Ефим вообще настроен был весьма скептически и остальных призывал не верить Настасье на слово, дескать, та «колокол льёт» и следовало бы её «примерно наказать и вся недолга». Впрочем, пристав Звонов быстро его пресёк, заметив, что сотский клепает на девку со зла, потому как затаил на неё личную обиду, и Ефим тут же стушевался.

Что ж, принялись мы наново судить да рядить, как вдруг Степан Звонов по столу рукой хлопнул и говорит:

— На живца, ваши высокобродия, ловить надобно! — в ответ на наше общее недоумение пристав предложил следующий хитроумный план: — Помнишь, Ефим, — обращаясь к сотскому, начал он, — как два года назад, аккурат перед самой пропажей Старостиной дочки, случай был с девкой Акулькой, ну, рыжая которая?

— Это на Аграфену Купальницу-то? Когда бабы на закате из бани возвращались? Помню, как не помнить, — отвечал Ефим Турусов. — Так ить она не пропадала. Так, напу-жалась только.

— Это верно, — кивнул Звонов. — А после рассказала, что, когда ломала в березняке банные веники, поотстав маленько от остальных, видит, в ореховом кусте бородатый мужичок-недомерок

сидит — страшный, белоглазый, а потом, глядь, ещё двое таких из-за пня вылезли и к ней подбираются. Обомлела она со страху, да тут на её счастье бабы вернулись и белоглазые сгинули как в воду канули.

— Мирские пересуды, — пожал плечами Турусов. — Бабы они завсегда так: на супрядках аль у колодца зачнут языками молоть… Что их слушать?

— Рассудлив ты, Ефимка, не по годам, — заметил пристав. — Заладил одно, как сорока Якова. А я вот про что: после того случая девки поостереглись и не пошли ночью, как заведено, костры жечь и в Вёксе купаться, а потому Иван Купала без потерь минул. Да только всё одно, через четверо суток, в ночь на Петров день, пропала Агафья, филинского старосты Пантелея дочь. Я к тому веду, что раз Настёне удалось из Чудь-горы сбежать, белоглазые, наверное, станут пробовать ей замену найти, видать, не может их бог долго без бабы обходиться. Вот и следует нам подсунуть чуди новую невесту. Отведём её в лес, поближе к Чудь-го-ре, а сами в засаду сядем. Так и накроем этих изуверов.

— Кто ж из деревенских решится на такое? — усомнился исправник. — И вправе ли мы риско-

вать невинной жизнью?

— Никакого особливого риска, ваше высокобродие, — заверил пристав. — Ефим у нас опытный охотник, на медведя не раз хаживал, и я ружьишком балуюсь, а про вас и говорить нечего. А решится кто? Да вон хоть та же Дунька Тараканова! Она за мзду малую хоть к чёрту в пекло согласная.

— Тараканиха? — ухмыльнулся Ефим. — Из Чурилова которая? Да, эта может. И горевать, если дело не сладится, по ней некому: ни сродников, ни свойственников — сирота. Только польстится ли кто на эдакую, больно рылом погана.

Опуская дальнейшие споры-разговоры, скажу сразу: после долгих обсуждений и сомнений, все, кроме разве отца Зосимы, который ввиду позднего времени покинул нас раньше, сошлись на том, что лучшего варианта, нежели предложенный приставом Звоновым, нам не придумать. И уже на следующий день вся наша компания: ваш покорный слуга (разумеется, я настоял на своём участии в сей авантюрной экспедиции), исправник Кокорин Иван Андреевич, становой пристав Степан Звонов и сотский Ефим Турусов — пробиралась по лесу в направлении пресловутой Чудь-горы. Впереди на изрядном от нас

удалении, но в пределах видимости шествовала упомянутая Дуня Тараканова — рябая, неуклюжая, как ступа, зато здоровенная девка, которая действительно без особенного труда позволила себя уговорить за пять рублей серебром. Сотский с приставом были при ружьях, мне исправник выдал однозарядный пехотный пистолет старого образца, сам же вооружился шестизарядным французским револьвером Лефоше.

— Трофейный, с Крымской войны, — пояснил он.

Когда мы вышли к подножию Чудь-горы, стало смеркаться, и все согласно постановили дальше сегодня не ходить, а обустроить засаду здесь. Развели на небольшой луговине костёр, а Дуньке велели у огня сидеть да песни петь, чтобы её издалече слыхать было. Пристав дал ей фляжку с водкой — для сугреву и для смелости, а мы соорудили себе по обе стороны от той полянки шалашики, укрыли их еловыми лапами и в них схоронились. В одном я с сотским затаился, а в другом — исправник с приставом.

Лежим ждём. А Дуня из фляжки отхлёбывает да знай себе поёт про своё, про девичье:

Сахаринка на полу,

Не ленива – подниму.
Сахар съела, песню спела,
Целовать дружка хотела.
Дударь, мой дударь молодой,
Самодударь мой, дударь молодой.
Ты играй, играй, дударик, на дуду,
Я, младёшенька, плясать пойду.

Я, чтобы как-то скоротать время, тихонько перешёптывался с Ефимом и, между прочим, высказал сомнение в успешности нашего предприятия, которое всё более и более представлялось мне чистейшей аферой, заметив также, что на «невесту» нашу разве медведь позарится.

— Как знать, вашбродь, — пожал широким плечом сотский, — как знать. Предыдущая-то, Агафья Пантелеева, тожа не прынцесса была — левый глаз слепой, бельмастый, да и хроменькая… Ей ведь двадцать пятый годок шёл — перестарок, никто сватать не хотел. А высидеть мы здесь ничего не высидим, в этом я с вами согласный. Бабьи сказки всё это, про чудь белоглазую, про бога Кузю. Я так себе разумею: с полюбовником Настька сбежала, из соседней деревни, али с купчиком каким заезжим, да что-то у них, видно, не заладилось. Может, прибил он её и прогнал от

себя, вот она и блажит.

Между тем Дуня затянула печальную, с причитаниями песню:

Нерамно жа муж достанется —
Ой, либо вор да горький пьяница,
Либо старый пёс удушливой,
Да либо ровнюшка да недружливой.
Уж я старого да утешила бы,
Среди полюшка, ой, повесила бы
Да на тонкую-то осинушку,
Да я на самую-то вершинушку
Вот вершинушка ой да качается
Да мой старый пёс болтается.

Уже настал вечер, высота небесная потускнела и заискрились на ней бледные звёздочки, но Луны видно не было. Тёплый воздух наполнили благовонные запахи ночных трав, в небе то и дело вспыхивали зарницы.

— Курить страсть охота, — прихлопнув на шее комара, вздохнул Ефим, — да нельзя, Иван Андреич заругает.

Я попросил сотского рассказать мне о всех прошлых случаях подозрительных исчезновений окрестных девок. К слову, Владимир Иванович,

народный говор в Чухломском уезде отличается значительным своеобразием. Если в прочих местностях Костромской губернии, со всех сторон окружающих чухломские земли, окают, то здесь произношение московское, на «а», и аканье выражено даже явственнее, резче, нежели в Первопрестольной. Пока мы так шептались, у нашей фальшивой невесты, вероятно, под влиянием содержимого фляжки, настроение изменилось. Задорно гикнув, она запела:

Пошла Катенька горошек молотить,
Её некому за ой-ой-ой схватить.
Вот нашёлся парень бравый, молодой,
Привалил её к овину головой.
Заголяет он пестринный сарафан,
Вынимает кукареку с волосам…

— Ух, зазорная девка, — усмехнулся в усы сотский. Но вскоре обеспокоился: — Чего она песню-то оборвала?.. Сползать разве, вашбродь, посмотреть?

Однако раздавшийся следом шум, треск и придушенный дунькин крик заставили нас всех вскочить на ноги. Кинулись мы к костру, глядим: у нашей Дуни на плечах повисли два мужика — в

вывернутых мохнатых тулупах, мелкорослые, лохматые — чисто лешаки, а третий, такой же, — ей на голову мешок нахлобучил и уже вокруг шеи верёвку вяжет.

— Не стрелять! — крикнул исправник. — Девку зацепите!

Тут Тараканиха поднатужилась, поднапружилась, на ноги поднялась да обоих поганцев с себя стряхнула, ровно котят, а тому, что её верёвкой вязал, так поддала коленом в грудь, что он улетел прямиком в костёр. Разом потемнело — не разберёшь, кто где.

— Хватай, вяжи нехристей! — вновь скомандовал исправник. — Уйти не дай пога…

Не договорив, он с руганью схватился за колено и рухнул наземь. А в следующий миг в нас со всех сторон полетели увесистые булыжники. Один из камней просвистел у самого моего виска. Я упал в траву, но успел разглядеть между окружавших поляну деревьев смутные невысокие фигурки, которые, что-то раскручивая над головой, метали в нас камни. Подняв пистолет, я выстрелил в одного из них, но, кажется, и близко не задел. Остальные тоже принялись палить в сторону леса, но фигурки врагов то появлялись, то исчезали во мраке, так что стрельба велась наугад, почти

вслепую. Тем временем целая толпа лесных жителей накинулась на Дуню. Облепив девку, как мураши гусеницу, они повалили её и стремительно уволокли в чащу, покрывавшую Чудь-гору до самой макушки. Обстрел тут же прекратился.

Осторожно поднявшись на ноги, я осмотрел поле битвы: исправник сидел, держась за разбитое колено, а пристав Звонов, опершись о ружьё, смотрел куда-то вниз и сокрушённо охал. Было ясно, что наша засадная экспедиция окончилась полным фиаско.

— Где Ефим? — спросил исправник.

— Здесь он, — ответил пристав. — Кажись, кончается.

Я помог Иван Андреевичу подняться, и он с моей помощью кое-как допрыгал до пристава. У его ног мы увидели сотского; он лежал с окровавленной, похоже, проломленной головой и был без сознания. Пристав склонился к нему, прислушался: дышит.

— Девку надо идти спасать, пропадёт, — заявил исправник. — Только как быть с Ефимом?

— Куда вам, ваше высокобродие, идти? — возразил пристав. — Я эту кашу заварил, мне и расхлёбывать, а вы тут Ефима постерегите.

Иван Андреевич поначалу заартачился, но я ре-

шительно поддержал Степана, заметив, что надо спешить, а исправник с его разбитым коленом будет нам лишь в обузу. Как человек трезвомыслящий, тот вынужден был согласиться и отдал мне свой револьвер, сам же взял ружьё сотского.

Пристав обмотал палку берестой и соорудил себе факел, я же получил от исправника масляный фонарь со стеклянной, предохраняющей от ветра колбой, который тот с военной предусмотрительностью захватил с собой. Снарядившись таким образом, мы отправились в погоню, благо земля сохранила явственные следы волочения дородного дунькиного тела, а тут ещё луна взошла нам в помощь. Однако не прошли мы и ста саженей, как след оборвался. Шарили мы со Степаном, шарили — всё без толку: нигде ни единой веточки не поломано, а под ногами — толстый слой нетронутой хвои.

— Чертовщина, — ворчал пристав, — не сквозь землю же они провалились!

Тут-то меня и осенило: именно что под землю! Воротились мы к тому месту, где след обрывался, и стали тщательно всё вокруг обыскивать.

— Нашёл! — через несколько времени крикнул Степан, обнаружив под корнями кряжистого тысячелетнего дуба квадратный лаз, надёжно

скрытый зарослями папоротника и уводящий куда-то в непроглядную тьму, в недра Чудь-горы.

Я полез первым, Звонов Степан — следом. Стены лаза были укреплены брёвнами, поддерживающими бревенчатый же настил. Высота его составляла не более полутора аршин, поэтому двигаться пришлось по-собачьи, на четвереньках. Факел Степана потух, да в столь узком проходе он бы только мешал, и путь нам освещал лишь тусклый свет масляной лампы. Сколь долго мы так ползли, не знаю, мне тогда показалось, что целую вечность, и я уж, грешным делом, стал подумывать, не поворотить ли назад, как вдруг впереди забрезжил свет. Я задул фонарь и сделал знак Степану, чтобы не шумел. Лаз вывел нас в галерею, по которой можно было уже идти в рост, хотя и пригнув голову. Через каждые пять-шесть саженей в выложенных из необработанных камней стенах крепились глиняные плошки, заполненные неким жиром с плавающими в нём горящими фитильками. Где-то через версту мы очутились перед развилкой: левый проход был освещён, правый же уводил в чернильную тьму. Мы прислушались: слева явственно доносились голоса и глухие ритмичные удары, и мы свернули туда.

Шагов через полета галерея уперлась в стену, в которой зияла расщелина; из неё-то и слышались голоса и удары. Протиснувшись в щель, мы очутились в обширной пещере и нашим глазам открылась следующая поразительная картина. Под сводами пещеры по всей её окружности на равном удалении были проделаны отверстия, через одно из которых мы и проникли внутрь; от тех проходов крутым уступом шли ступени, спускавшиеся к овальной площадке, вроде арены, как в античном амфитеатре. Всю арену и часть ступеней заполняла возбуждённая толпа чуди — мужчины, женщины и даже дети; многие держали в руках смоляные факелы. В центре арены на каменном возвышении восседал жирный, толстопузый урод — натуральное чудовище: исполинского роста, лысый, голый, разукрашенный по телу чёрными рисунками, как это делают американские индейцы и некоторые наши сибирские инородцы. Глубоко запавшие глаза его под тяжёлыми, как кузнечные оковалки, надбровными дугами казались парой чёрных угольков, источавших некое тёмное свечение. Кошмарный облик дополняли мощные выступающие челюсти при совершенном отсутствии подбородка. «Полно, да человек ли это?» — невольно

усомнился я. В левой руке он держал белую кость, весьма походившую на берцовую человеческую, и равномерно колотил ею в стоящий перед ним медный чан, а окружавшая своего живого бога паства помавала факелами и речитативно, с подвываниями пела: «Кунингазс! Кунингазс! Мейде Кунингазс, сюнд Кунингазс! Кунингазс-мадо!»

А у подножия каменного возвышения лицом вниз лежала наша Дуня. Одежда с неё была сорвана, руки связаны за спиной; спину и бёдра испещряли кровавые царапины и укусы; она не шевелилась. Неужто мы опоздали и беззаконная жертва уже принесена? Я, честно признаться, совершенно растерялся, что делать далее, как поступить. Выстрелить в чудище? Но в моём револьвере оставалось четыре патрона… Даже памятуя о ружье пристава, я понимал: что это против целой толпы чуди? Они же нас просто растерзают! Однако, пока я так мучился сомнениями, Степан недолго думая вскинул ружьё да и выпалил в чудского бога. Под сводами что-то заворчало, точно в ненастный день перед громовым раскатом, и сверху дождём посыпались мелкие камешки. Когда пороховой дым рассеялся, стало видно, что примолкшая чудь оборотилась и вся смотрит на нас, а по груди восседавшего на камен-

ном троне чудовища сбегает алая струйка крови. Но вот страхолюдный исполин медленно как ни в чём не бывало поднялся во весь рост и вперил горящий взор свой в Степана. А потом оскалился, поднял руку и молча указал ею на пристава. Не знаю, что послужило причиной дальнейшему: колдовская ли сила взгляда чудского божества или иное что, только пристав безвольно уронил ружьё и как зачарованный пошёл по ступеням вниз, прямо в лапы чудища. Я ухватил Степана за плечо, но тот, не оборачиваясь, вывернулся из моих рук и ускорил шаг. В совершенном отчаянии я послал две пули в треклятого Кузю, а потом дважды выстрелил вверх. Страшный грохот сотряс пещеру… И начался ад кромешный! Земля у меня под ногами содрогнулась, и огромные глыбы стали рушиться со сводов прямо на головы побежавших во все стороны людей чудского племени. Всё заволокло густыми клубами, из которых доносились отчаянные вопли, звуки ударов, стоны. Я увидел, как каменный обломок размером с телегу рухнул и придавил собою чудского бога. В тот же миг, словно избавившись от наваждения, Степан Звонов пришёл в себя, и мы вместе кинулись к Дуньке. Пристав разрезал её путы, перевернул на спину и приложил ухо к груди: жива! Вдвоём

мы подхватили бесчувственную девку под руки и, уворачиваясь от продолжавшегося камнепада, поволокли к выходу из подземелья. Бросив взгляд назад, я заметил торчащую из-под каменной глыбы руку чудовища-она была шестипалой… *(Далее в письме снова были густо вымараны два абзаца.)*

Не стану досаждать вам рассказом, как мы выбрались из Чудь-горы, как воротились в Филино — всё это мало относится к сути моей истории. Скажу только, что сотский Ефим, не дождавшись нас, отдал Богу душу, а мы с приставом Звоновым и едва могущим передвигаться, опершись нам на плечи, капитан-исправником кое-как дотащили Дуню Тараканову до становой квартиры, препоручив там обоих доктору Колокольскому.

Само собой, я отправил Александру Егоровичу Тимашёву подробный доклад о сем происшествии, да только ходу ему дадено не было. Сколь мне известно, доклад засекретили и упрятали в архив по личному настоянию обер-прокурора Святейшего правительствующего синода графа Дмитрия Андреевича Толстого. Последний якобы выразился в том роде, что мало нам сраму перед просвещённой Европой от всяких самосжигателей да скопцов, так тут ещё хотят секту людоедов на суд мирской вытащить. Помимо того, огласка

сего доклада может-де породить враждебность великороссов в отношении инородческого населения Российской империи. Короче сказать, история была, как у нас водится, упрятана под сукно и забыта. Однако ж этим она не закончилась.

После тех событий уж год минул, а мне случившееся всё не давало покоя, не отпускало меня. Летом сего года пришлось мне побывать в Ляхово — имении моей жены; оно верстах в восьми от Нижнего. Старый господский дом ныне в полном запустении, вот и решился я наново отстроить родовое гнездо. А там, в Ляхово, запала мне мысль съездить в Алешковскую волость проведать станового пристава Звонова да разузнать у него, какие последствия имела наша прошлогодняя кампания. Я уж знал, что капитан-исправника Кокорина вскоре после того в отставку ушли (между прочим, колено его срослось худо, он так и остался хромым. Вот ведь, согласитесь, каприз Фортуны-две войны прошёл невредимым, а тут…), Степан же по-прежнему исполнял свои обязанности. Сказано-сделано.

К моей досаде, станового застать на месте не удалось: тот был в разъездах. Тогда решился я навестить несчастную Дуню Тараканову. По

понятной причине, в её отношении я чувствовал себя виноватым, хотя и не моя была та идея сделать из неё подсадную утку. Дунька, как и прежде, жила в соседней деревне Чурилово в покосившейся избёнке у самого леса. Встретила она меня радушно, едва ли не как своего спасителя (хотя я того и не заслуживал), и рассказала, что дня через два после её вызволения из чудского плена исправник с приставом организовали целый поход к Чудь-горе, однако ж пользы из того не вышло. Правда, нашли они ту поляну и даже тот самый дуб, под которым нам лаз открылся. Вот только лаз оказался накрепко забит глиной и камнями, будто его там от века не бывало. Пробовали мужики другие тайные проходы в Чудь-гору сыскать, да без толку-так ни с чем в Филино и воротились.

— Как ты, Дуняша, сама-то живёшь? — поинтересовался я.

— Да как, барин? — заметно поскучнев, ответила Дуня. — Ни девка, ни вдова, ни мужняя жена.

Тут из кутного угла послышался детский плач.

— Это что ж, дитё у тебя? Мальчик или девочка? — спрашиваю.

— Сынок, — отвечает.

Заглянул я за занавесь, а там в деревянной ко-

лыбельке и впрямь здоровенький такой карапуз.

— Сколько ему? — снова спрашиваю.

— Четвёртый месяц пошёл.

Мальчик, увидав мать, стал просить грудь, протягивая ручонки. И что-то мне неладно показалось… Присмотрелся внимательнее — с нами крестная сила! — левая ладошка младенца-о шести пальчиках!..

Вот и вся история, дорогой Владимир Иванович. Согласитесь, из неё вышел бы замечательнейший рассказ, да кто решиться такое напечатать, даже если изменить все имена и самое место действия? Полагаю, никто и никогда. А сейчас меня терзает сомнение, стоит ли даже и сие письмо доверять бумаге и вам отправлять? Опасаюсь, не доставит ли оно вам какие неприятности? По здравому размышлению — не стоит.

Как бы то ни было, остаюсь вечно вам преданный А. П.»

Дочитав рукопись до конца, я поначалу решил, что это и не письмо вовсе, а черновик неизвестного рассказа Печерского. Не случайно же Павел Иванович подписал его начальными буквами своего литературного псевдонима — «А. П.», то есть Андрей Печерский, а не настоящими инициалами… А если так, тогда вся история-плод

писательской фантазии, и не более.

Однако, изучив вопрос глубже, я выяснил, что письма к Далю Мельников всегда подписывал своим литературным псевдонимом, потому как именно Владимир Иванович Даль этот псевдоним для него и придумал. И потом, зачем бы тогда автору использовать имена-фамилии реальных людей? Я проверил: все упомянутые в письме лица подлинные — от министра Тимашёва до земского исправника Кокорина. Конечно, нельзя исключить, что Мельников-Печерский планировал впоследствии сделать из этой истории рассказ либо повесть… Впрочем, окончательное разрешение этого вопроса я оставляю за читателем.

Литинститут

Литинститут

Российский колокол

Ольга Андреева

Вонь онучей: последний шанс русской культуры

В мае 1986 года в журнале «Наш современник» появился небольшой рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Тогда Астафьев переживал не лучшие времена. Культура, которой он молился всю жизнь, никого не спасла. Неказистая реальность позднего СССР, крах надежд, агрессия, захлестнувшая общество, — всё это мучило. Рассказ про пескарей написан, что называется, на нерве. Контраст между красотой и ничтожеством человека был реализован на грузинском материале.

Тут же разразился скандал. Писатели Грузии накатали в Союз писателей СССР настоящий донос на Астафьева, где сибирского самородка обвинили в клевете на «гордых грузин». Некто К. Буачидзе с пафосом писал: «Вы своим рассказом о Грузии наступили прямо на сердце наше, и мы почувствовали его боль». Боль Буачидзе была особенно остра на фоне набиравшей обороты идеи о «русском сапоге», поправшем свободу народов.

«Свободные грузины» были готовы повышать

ставки. Астафьеву стали звонить с угрозами: «Абреки из Грузии звонят в час ночи. Марья моя назвала одного мудаком. Он ей ответил: “Сама мудачка!” — во уж!» Дабы утишить страсти, писатель Гавриил Троепольский («Белый Бим, Черное ухо») от имени «русских литераторов» прилюдно покаялся перед оскорбленным Буачидзе. Скандал вроде бы пошел на спад. Но не тут-то было. Именно в этот момент, в августе 1986 года, московский историк Натан Эйдельман написал Астафьеву письмо, в котором прямо обвинил его в расизме.

Письмо было длинным и напоминало современный «Фейсбук» — нескрываемое высокомерие сочилось из каждой фразы. Финал письма четко формулировал то, что вскоре зазвучит из всех либеральных утюгов: «Закон, завещанный величайшими мастерами, состоит в том, чтобы, размышляя о плохом, прежде всего… винить себя; помнить, что нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри. Что касается всех народных несчастий, то чем страшнее и сильнее они, тем в большей степени их первоисточники находятся внутри, а не снаружи».

Астафьев каяться не стал и ответил коротко, но емко: «У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть противники

и враги. Возрождаясь, мы можем дойти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы… В своих шовинистических устремлениях мы можем дойти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и — жутко подумать! — всякого рода редакции, театры, кино тоже “приберем к рукам”… Как видите, мы, русские, еще не потеряли памяти и мы всё еще народ Большой, и нас всё еще мало убить, но надо и повалить».

Эйдельман тут же сдал назад, отделавшись мелкими оскорблениями. На этом история не кончилась. Переписка попала в самиздат — спасибо Эйдельману! — и бурно обсуждалась. А в 1990 году рижский журнал «Даугава» без согласования с авторами опубликовал все три письма в рубрике «Нацизм в России», сопроводив публикацию статьей Юрия Карабчиевского «Борьба с евреем». С тех пор «нацизм» и «антисемитизм» стали ключевыми маркерами писателей-деревенщиков в глазах либеральной интеллигенции.

А между тем деревенская проза представляет собой одно из самых сильных и глубоких явлений русской культуры последнего столетия.

Люди колхозной деревни

Вопрос о положении русского народа и его месте в процессе развития государства стоял перед российскими властями с начала XIX века. Именно тогда моральный и экономический статус крепостничества как политического инструмента власти был поставлен под сомнение. Около ста лет ушло на то, чтобы через освобождение крестьянства без земли прийти к знаменитой столыпинской реформе, которая, будь она доведена до конца и не погублена Первой мировой войной и революцией, могла бы превратить Россию в наиболее преуспевающую страну Европы.

Крестьянское сословие к началу XX века в царской России составляло около 82 % населения, то есть около 131 миллионов человек. 86 миллионов из них проживало в пятидесяти губерниях европейской части страны, имея в среднем всего 2,8 десятины (около 3 га) обрабатываемой земли на душу мужского населения. При этом система обработки земли была настолько устаревшей (трехполье, чересполосица), что урожайность зерновых была одной из самых низких в мире — 7,4 ц/га (для сравнения: в 2022 году урожайность

зерновых в России составила 34 ц/ га). Хотя на мировом рынке Россия обеспечивала до 28 % всего мирового экспорта зерновых, никто не обольщался — крестьянство и деревня были в кризисе. Мешала, прежде всего, общинная собственность на землю, не отмененная реформой 1861 года.

Аграрная реформа опиралась на ключевую идею Петра Столыпина о том, что Россия снимет множество внутренних проблем, если даст возможность крестьянскому сословию развиваться свободно и эффективно. Главной задачей государства Столыпин как раз и полагал помощь крестьянству в этом свободном развитии. Его аграрная реформа включала в себя не только полноценную частную собственность крестьян на землю, отмену всех сословных препятствий для крестьянской работы на земле, но и активное государственное кредитование, поощрение приобретения земельных наделов, переселение на плодородные земли Алтая и Сибири, а кроме того — стимулирование кооперативов и крестьянских товариществ. Настаивая на том, что государство должно взять на себя оплату части процентов за выкупленную крестьянами землю, Столыпин говорил: «Нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса;

надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать всё государство, всё части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который не раз применялся в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты».

Однако реформа Столыпина встречала множество препятствий со стороны как левого, так и правого лагеря. Сам народ в русском культурном контексте со времен декабристов понимался как масса крестьянского населения, которому оказывает свое попечение дворянский нобилитет и богоданная власть монарха. Народ любили или презирали, изучали, пытались проникнуть в его загадочную душу, за его счастье боролись. Так или иначе, но народ был объектом для манипуляций со стороны крошечной прослойки образованного

сословия. От узаконенного историей и культурой права на эти сомнительные манипуляции отказаться было нелегко. Но именно этот навязчивый и контрпродуктивный патернализм была призвана разрушить реформа Столыпина. «Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний; оно нуждалось только в лояльности и терпении, — писал о реформе публицист Иван Ильин. — Земля переходила в его руки столь стремительно, что по подсчету экономистов к 1932 году в России не осталось бы ни одного помещика: всё было бы продано и куплено по закону и нотариально закреплено… К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владело землею на праве частной собственности; а 8 миллионов числилось в общинном владении. За 10 лет (1906–1916) на выдел из общины записалось 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 году».

Революция вроде бы тоже была про это — власть рабочих и крестьян обещала превратить народ из опекаемого старшими бесправного несмысленыша во взрослого человека. Именно этого и

ждали крестьяне от большевиков, но именно этого и не произошло. «Революционные партии позвали к „черному переделу“, — писал Ильин, — осуществление которого было сущим безумием: ибо только „тело земли“ переходило к захватчикам, а „право на землю“ становилось спорным, шатким, непрочным; оно обеспечивалось лишь обманно — будущими экспроприаторами, коммунистами».

Для крестьянства в новой политической конфигурации не изменилось ничего. Более того, всё стало гораздо хуже. Сословные разграничения в стране полного равенства, очевидно, никуда не делись. А объявленное носителем буржуазной идеологии советское крестьянство пережило катастрофу раскулачивания и пытку коллективизацией, что в прямом смысле вывело огромный крестьянский мир из поля идеологической легитимности. Крестьянство оказалось буквально распято между сусальным образом принятого в советской культуре способом говорения о деревне и подлинной реальностью деревенской жизни, о трагедии которой говорить было строго запрещено. «Стиль советской деревни выстраивался из стилизованных под фольклор песен, исполняемых хором имени Пятницкого и Людми-

лой Зыкиной, — пишет современный российский фольклорист Светлана Адоньева (ст. «Шукшин документальный: техники тела и жизненные миры», 2017). — Но для советских людей, которые жили в деревне, нормативный образ деревни был как костюм с чужого плеча».

Именно в этот парадоксальный зазор между официозом и реальностью в конце 50-х годов прошлого века и ворвались те, кого потом презрительно назовут «деревенщиками».

Их история началась со статьи Федора Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», опубликованной в «Новом мире» в апреле 1954 года. Речь шла о том, что советские писатели «соревнуются между собой, кто легче и бездоказательнее изобразит переход колхоза от неполного благополучия к полному процветанию». «А ведь настоящая русская деревня, — напоминал Абрамов, — по-прежнему бьется на грани вымирания». Статья вызвала бешеный скандал. «Я трижды лауреат Сталинской премии! Я покажу этому Абрамову! Кто он такой?!» — орал Семён Бабаевский, на чей роман «Кавалер золотой звезды» замахнулся Абрамов. Последовали партийные «пропесочивания» и возмущенная критика братьев-писателей. Между тем номера

«Нового мира» со статьей Абрамова в библиотеках зачитывали до дыр. Правота автора была очевидна-создав «страну рабочих и крестьян», власти превратили последних в рабов города и социализма.

XX съезд КПСС должен был бы говорить именно об этом, но… «Программа строительства громадная. Но как будет жить народ? — писал Абрамов в дневнике. — Доход колхозников к 60-му году вырастет на 40 %. Каких колхозников, по отношению к чему? В Верколе получали на трудодень 200 гр. Неужели в 60-м получат 280?»

Молчать стало невтерпеж

Пока коллеги песочили Абрамова, в устоявшейся культурной иерархии происходило нечто странное. С разных концов огромной страны (Алтай, Красноярский край, Архангельская область, Вологодчина) люди разной, но всегда трудной судьбы стали говорить об одном и том же — о трагедии русского народа. «Писателем я стал… по необходимости, — объяснял позже Василий Белов, — слишком накипело на сердце, молчать стало невтерпеж, горечь душила».

Стиль этого разговора оказался неожиданно

высоким. Один за другим появлялись шедевры: «Братья и сестры» Федора Абрамова (1958), «Привычное дело» Василия Белова (1966), «Сельские жители» Василия Шукшина (1963). Бывшие сцепщики вагонов (Астафьев) и слесари (Белов, Шукшин), только недавно вернувшиеся с фронтов, крещенные медалями и тяжелыми ранениями, стремительно оканчивали университеты, осваивали высокую культурную традицию, восходя к вершинам интеллектуальной элиты страны. Деревенское происхождение, которым потом их будут клеймить всю жизнь, не мешало им защищать диссертации и возглавлять кафедры. Произведения деревенщиков оказались настолько литературно совершенны, что, несмотря на их абсолютную революционность с точки зрения советского канона, они решительно обходили цензурные преграды и прорывались к читателю. В результате была создана по-настоящему великая литература, отличавшаяся уникальным своеобразием и глубиной.

— Это были лучшие русские писатели второй половины XX века, вернувшие литературе национальные начала и прежде всего язык, — говорит поэт, эссеист, создатель поэтической группы и альманаха «Твердый ЗнакЪ» Андрей

Полонский. — Возможно, они — вместе с латиноамериканцами — были вообще лучшими писателями того периода в мире. В известной степени убогая культурная политика позднего СССР, пуще любого Голливуда боящаяся именно русской партии, привела к тому, что эти книги не прозвучали так, как могли бы. В остальном же «Кануны» Василия Белова, «Царь-рыба» Виктора Астафьева, «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, «Наш маленький Париж» Виктора Лихоносова, «Фармазон» Владимира Личутина да и многие еще тексты не только достойно продолжили русскую литературу XIX века, но и создали новые образы, новую художественную реальность и главное — язык. Самое существенное, что деревенщики — это вовсе не о деревне. Это большие и сложные книги, где «отразился век и современный человек изображен довольно верно», как говаривал Пушкин.

Потом критики будут говорить о том, что деревенщики собрали лучшее, что было в советской литературе. Но дело в том, что если оттепельные писатели-горожане яростно боролись с совлитом и его ущербным соцреализмом, то деревенщики всего этого как будто не заметили. Они, возможно, впервые в послевоенной русскоязычной

литературе сформулировали совершенно новое понятие творческой и, бери выше, человеческой свободы. Их свобода основывалась не на «правах», на которых так настаивали оттепельные авторы, «догонявшие» постмодернистские эксперименты Европы, а на ответственности перед страной и внутреннем чувстве божественной гармонии мироздания, где любовь, совесть и долг — суть главные условия точности художественного образа.

Василий Аксёнов, знаменитый представитель городской «исповедальной» прозы 1970-х годов горько жаловался на то, что деревенщики «мешали» им писать. И они действительно мешали. Современный критик Вячеслав Савватеев писал, что мешали они «всеми этими скучными, надоевшими героями, темами и проблемами, с их «несовременным» языком. Мешал Ф. Абрамов с его романом «Пряслины», с его «главным мужиком» Мишкой Пряслиным и «примитивной» народностью. Конечно же, мешал М. Алексеев своим романом «Вишневый омут» — ведь в книге нет заморских «апельсинов из Марокко», прекрасных английских кораблей, картонных мальчиков и девочек, а всё какие-то мужики да бабы со своими «вечными» проблемами и

мировыми вопросами, а главное — только труд и работа, работа… Скучно всё это, нет праздника жизни. Мешала «катаевским мальчикам», разумеется, прекрасная лирическая проза В. Солоухина с его чистым, как слеза, русским языком, русскими женщинами, наконец, с христианскими мотивами добра и справедливости, таким ясным и простым патриотизмом и гуманизмом послевоенных лет. Всё это было так далеко от сладких сказочек в западном стиле в духе «Бригантина поднимает паруса»…

Свидетели России

Гражданственная горечь деревенщиков привела к тому, что в центре внимания оказался не сусальный «кавалер золотой звезды», а настоящий живой человек земли. Его портрет деревенщики рисовали с любовью и дотошной, документальной точностью. Как и Пушкин, они призывали «милость к павшим», к тому народу, про который пела Зыкина и который, вынеся на плечах войну, так и остался на голодном пайке трудодней.

— Поиск корневого начала привел к поискам русского, а они — к разговору о человеке на своей

земле, — говорит прозаик Даниэль Орлов. — Русскую деревенскую прозу создавали писатели, той деревней вскормленные. Такими были Распутин, Белов, Крупин, Абрамов, Носов, Залыгин, Личутин. Все они были свидетелями великой крестьянской России, переживали за исход жителей в города, опустевшие дома и зарастающие поля. Они видели, как возникают глубокие трещины внутри русского крестьянского сознания. Это и тяготило, и вдохновляло на литературное сопротивление. Требовалось метафизически поддерживать тепло в домах, палить свет, чтобы совсем не пропало то, что питает русскую душу. Почти у всех отцы погибли на фронте, и символ Родины-Матери у них был абсолютно персонифицирован.

Вдруг оказалось, что история России, которая в советском дискурсе отсчитывалась с 1917 года, началась гораздо раньше. Народ не перековался и вообще никуда не делся.

Этот народ помнил прошлое и требовал, чтобы рваные края раны революции были сшиты не столько за счет внимания к традиции, сколько за счет радикального пересмотра самой формы взаимодействия государства и народа.

— Народ для деревенщиков — это главный

герой русской истории, — говорит прозаик и главный редактор литературно интернет-журнала «Молоко» Лидия Сычёва. — И это действительно так. У дома-государства всегда есть три части: стены, то есть сама конструкция власти; крыша, то, что дает смыслы и исторические цели, обеспеченные интеллигенцией; и фундамент — собственно народ, то, на чем стоит всё. Если в фундаменте появляются трещины, а народ денационализирован, крушение власти неизбежно. И деревенщики это увидели. После войны у них было предчувствие мировой тенденции к денационализации, к перемалыванию наций в некую биомассу, чтобы лепить из нее нечто другое, не народ. Тогда здание государственности будет строиться по-иному, без участия фундамента.

Эффект от появления в культуре стихийной народности оказался равен взрыву. В книге «Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе» британский историк Джеффри Хоскинг вспоминал о потрясении, которое в конце 60-х годов прошлого века произвело на него чтение повести В. Белова «Привычное дело»: «В ней рассказывалось о колхозе где-то на Русском Севере и о жизни колхозника, который любил семью, жену, детей и землю, но был доведен до

крайности отношением местных начальников настолько, что решил бросить деревню и начать новую жизнь в городе. Книга показала мне, что можно было быть русским и в то же время быть “несоветским”. В романе раскрывалась русская культура, порожденная не церковью и не интеллектуалами-антимарксистами, а простыми русскими людьми, крестьянами, которые так долго молчали».

В отличие от умного британца советская городская культура встретила деревенщиков с тем же изумлением, но без восторга.

Неприкаянные русские

Одновременно с деревенщиками в советскую культуру, тоже не без скандала, ворвались городские «оттепельные» диссиденты. Но если первые приходили в литературу буквально от сохи и с жадностью неофитов впитывали жар мировой культуры, то вторые открывали двери культуры пинком ноги, считая себя ее полноправными хозяевами. Если городская интеллигенция сосредоточилась на своей во многом личной трагедии 1937 года, то деревенщики стали глашатаями «стона народного», куда более массовой траге-

дии коллективизации и войны, вынесенных на народных плечах. Пафос деревенщиков, их внимание к духу народа, экологии и фольклору, в сущности, имел в виду бережное отношение к собственной стране. Городской интеллигенции, как и советским функционерам, ломать страну об колено, подстраиваясь под не свойственные ей модели, было куда проще.

Конфликт возник почти сразу.

— Русская городская цивилизация где-то с 50-х годов стала европоцентричной, — говорит Даниэль Орлов. — Русское общество только «догоняло и перегоняло». Традиционализм деревенщиков раздражал коллег-писателей и критиков, бывших частью иной цивилизации. Любое упоминание о корнях становилось ересью. Любое упоминание русского могло стать поводом для обвинения в национализме, а там и до фашизма недалеко. Этим словом тогда и полюбили ругаться в приличном обществе. Социум городской ИТР-интелли-генции сплошь состоял из сочувствующих либеральной западной идее. И не важно, что у половины в кармане был членский билет КПСС. Так ещё и лучше. У индоктрини-рованного диссидентскими идеями общества не оказалось больших врагов, чем почвенники. На-

чалась открытая война городской и деревенской цивилизации…

Стороны находились далеко не в равном положении. Городская интеллигенция имела куда больший доступ к издательским возможностям, нежели провинциалы с окраин. «Любой “деревенщик”, — писал Астафьев в книге “Дорога домой”, — порывшись в столе, найдет вам десятки отповедей критиков, где в закрытых рецензиях, давая “отлуп” тому или иному, ныне широко известному произведению, глумливо, с интеллектуальным сарказмом писалось, что в “век НТР и этакая вонь онучей”, “да куда же вы идете-то и насколько же отстали от жизни и передовых идей?”».

В итоге деревенщики оказались совершенно неприкаянны. Существуя в русской культуре более семидесяти лет, они всегда садились между всех стульев, не соответствуя ни советской идеологии, ни оппозиционной культуре диссидентства, ни вкусам советского обывателя. С первыми их разводил марксистский «интернационализм», вторые презирали их за пресловутую «вонь онучей», а для обывателя они были слишком высоколобы. Но самыми жестокими даже не оппонентами, а именно врагами деревенщиков

стали столичные интеллектуалы.

— Городская интеллигенция, — говорит Андрей Полонский, — всегда воспринимала крестьянское и христианское начало как нечто консервативное, тормоз на пути слияния с Западом, всё равно, в капиталистической или марксисткой упаковке этого Запада. Но реактивность деревенщиков была лишь реакцией на беспрецедентное насилие, которое учинили большевики над самим строем русской сельской жизни, на второе закрепощение крестьян и дальнейший волюнтаризм политики «партии и правительства».

Отъявленные ретрограды

Гимн традиции, впервые спетый деревенщиками, был не только про корни и землю, но и про исторический путь русской государственности. Первым и главным столкновением деревенщиков с городской культурой прошло по линии консерватизм — либерализм. Они не только не стеснялись своего консерватизма, но и видели в нем спасение России от грядущего «заката Европы».

«– Куда ни ступи — везде одни революции. В Иране — социальная, в Швеции — сексуальная. В

Италии… Мальчики из красных бригад требуют миллионные выкупы за похищенных. Тоже ведь революционеры, черт побери! Нет, я не революционер.

— Кто же ты? Либерал?

— Я консерватор. Отъявленный ретроград. И, представь себе, даже немножко этим горжусь». (Василий Белов «Всё впереди»)

Конфликт между условными «детьми Арбата» из «Нового мира» и условными консерваторами «Молодой гвардии», а позже «Нашего современника» развивался нервно. С той стороны в адрес деревенщиков летели снобистские оскорбления людей, гарантированно стоящих на позициях «прогресса» и «цивилизации». Деревенщики отвечали гордым отказом плестись в хвосте западной интеллектуальной повестки.

В процессе этого нервического диалога деревенщики сумели сформулировать основные проблемные зоны русской политии. Революция-эволюция, индивидуализм-народность, западоориентированный идеал — опора на российскую традицию и цивилизационный опыт — эти оппозиции родились в 1960-е годы благодаря именно деревенщикам. Понятно, что в каждом случае они настаивали на второй части

концептуальной пары. Круг же их городских оппонентов был связан с западом эстетически и этически. Для них очевидный литературный успех деревенщиков стал ударом ниже пояса. Деревенщики обрушивали стройное здание концепции «догнать и перегнать», а заодно и разрушали надежды на потенциальную интеграцию в мир западной культуры.

Эта самая интеграция в Запад была тайным солнцем городской фронды. В идеале интеграция подразумевала прямую эмиграцию, что делало диссидентов готовыми на открытое «противостояние режиму». Для деревенщиков это был не вариант. Путь на запад был закрыт для них не железным занавесом, а личным гражданским выбором. Их собственное будущее и будущее их героев было, по определению, связано только с Россией. Если городская культура проявляла вызывающее бесстрашие и независимость от Родины, то деревенщики демонстрировали не менее вызывающую ответственность за нее. Благодаря им у исконных советских понятий «левизны» и западничества, которые до сих пор всегда одерживали победы, вдруг впервые появился правый полюс. Война между правым и левым стала войной за будущее России.

— Сопротивление деревенщиков, — говорит Полонский, — было сопротивлением «русской партии» — хозяев страны. Русские люди, знающие свое происхождение, противостояли людям без роду-племени, пытающимся скорее позабыть истоки и корни. Это было сопротивление недоразгромленного русского сословия, ведущего арьергардные бои в советской действительности. Сама программа деревенщиков, построенная на уважении к земле и народу, была революционной для той поры…

Если внимательно перечитать прекрасный роман Василия Белова «Кануны» (1972-87), станет очевидно, что главная боль автора вовсе не в пресловутом «возвращении к корням» и сусальном умилении перед лицом крестьянского быта. Речь в романе идет о том, как обычная вологодская деревня 20-х годов была готова превратиться в место торжества свободного труда и как власть своей рукой уничтожила эту готовность, превратив свободных и талантливых крестьян в рабов. Роман «Кануны» («хроника конца 20-х годов») — это первая часть эпопеи под общим названием «Час шестый». Вторую часть эпопеи — роман «Год великого перелома» — Белов сопровождает эпиграфом из Фридриха Энгельса: «Всеобщая

война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом…», «.. Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии… Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор».

Эти слова Энгельса, собственно, и составляют краткий пересказ великой трилогии Василия Белова: Голгофа русского крестьянства в эпоху кровожадной модернизации страны, которая проводилась вполне по классикам марксизма-через уничтожение «реакционного народа».

Отсюда и главный призыв деревенщиков не умиляться деревенским прелестям, а остановить кровавую модернизацию СССР, вернуть право народу на свободу. Этот призыв, будь он услышан во времена Хрущева и Брежнева, мог дать стране второе дыхание и стать началом принципиально нового пути, который примерно в то же время избрал Китай. Отчасти эта карта и была разыграна. К началу 80-х годов XX века

тезис о развитии сельского хозяйства и экологическая проблематика стали едва ли не главной заботой партии. Именно деревенщикам мы благодарны за остановку бредового плана поворота сибирских рек. Именно они боролись за спасение Байкала, против беспощадного уничтожения лесов и прочих природных богатств страны. Спустя почти половину столетия уже хорошо видно, что идеи деревенщиков действительно были куда более прогрессивными, нежели вторичные концепты их идеологических противников. Но тогда, в середине 1970-х годов, власть избрала уже привычный путь закручивания гаек и продолжала догонять поезд западной цивилизации. Этот путь закончился катастрофой, которая длится и сейчас.

Представители преступного режима

И всё же в 80-е годы прошлого века на долю деревенщиков выпала и слава. Тот же Белов в 1981 году получил Государственную премию, Валентин Распутин в 1987-м награжден орденом Ленина. Они, однако, не обольщались. Эту славу обеспечивала крайне узкая прослойка интеллигенции, которая в своих поисках опиралась на

опыт русской культуры. Таких в послевоенном СССР было немного. А в 90-х стало еще меньше. С начала горбачевской эпохи Распутин, Астафьев и другие гении русской прозы мгновенно превратились в представителей «преступного режима» и «давно уже не влияющих на интеллектуальную жизнь России». Деревенщики попробовали выйти из литературы в политику. Но, как потом говорил Распутин, этот «крестовый поход во власть» оказался совершенно бессмысленным.

— Русская партия проиграла в 88–91 годах на серии реально свободных, но вряд ли честных выборов переходной эпохи, — говорит Андрей Полонский. — Против талантливых, подчас гениальных, но прекраснодушных литераторов была брошена вся мощь манипуляционных наработок западных социологов. В большинстве значимых округов лидеры русской партии были прямо выставлены против известных публике «западнических» деятелей. Мы тогда очень болезненно переживали это поражение. Но наши противники умело разыграли карту «Памяти» и антисемитизма, которого и в помине не было. В общем, «активные 10 %» были использованы на все сто.

— Деревенщики со своим консерватизмом и не

могли предотвратить катастрофу 90-х, — говорит современный писатель, продолжатель традиции деревенщиков Василий Аксенов. — Против них был весь мир. Не только городская интеллигенция. Весь Запад, весь прогресс. Уничтожение малых поселений, народа на земле — это был общемировой процесс. Невозможно было им справиться с такой задачей.

Зато с начала 2000-х деревенщиков, уже переживших свое «золотое» время, внезапно принялись бурно награждать, что в контексте всего предыдущего выглядело, скорее, как издевка. Только один Валентин Распутин получил три важнейших национальных награды — премию Президента РФ (2003), премию Правительства России (2010) и Государственную премию РФ (2012). Это вызвало некоторое оживление в антилиберальном лагере: «Неужели что-то существенно повернулось в сознании тех, от кого зависит выстраивание идеологии нашего государства? — писала правая печать. — Неужели духовными и нравственными приоритетами в современной России становятся традиционные ценности русского народа и выдающиеся соотечественники, их исповедующие?»

Но и на этот раз всё закончилось пшиком. Груз

либеральной клеветы и ненависти на плечах деревенщиков становился лишь тяжелее. «Не припомню ни в одной литературе мира такой апологии дикости и варварства, к которой в конце концов скатилась деревенская проза, — писал Дмитрий Быков в 2012 году, — всё самое грубое, животное, наглое, грязное и озлобленное объявлялось корневым, а чистое было виновато одним тем, что оно чисто». Русский фашизм, антисемиты, «балалаечники»-все эти плевки вкупе с вечными призывами покаяться давно стали привычны.

И всё же «русская линия» в нашей литературе никогда не прерывалась. Десятки талантливейших писателей продолжают дело деревенщиков и сейчас. Но если в СССР деревенщики еще могли открыто высказываться, то в новой, «свободной» России диалог между «русской» и «западнической» партиями давно выведен за скобки культуры. Имен Василия Аксенова, Лидии Сычёвой, Михаила Тарковского, Натальи Ключарёвой и многих-многих других вы не увидите в шорт-листах литературных премий. Даже если кто-то из них сумел просочиться в лонги, ответ либеральной общественности будет жестким. Историк Андрей Тесля в рецензии на роман Василия Аксе-

нова «Была бы дочь Анастасия», выдвинутый на премию «Национальный бестселлер» 2018 года, не церемонится: «Текст этот хорошо смотрелся бы в качестве пародии или стеба на “духовность” и прочие атрибуты “русской культуры”, сопутствующие псевдонародным ансамблям».

— «Не хотим жить в великой стране, хотим жить в нормальной» — это расхожее изречение словно ядовитая алхимическая субстанция с конца 80-х развратило многих, — говорит Орлов. — Замена огромного обычным, великолепного пристойным, страсти похотью сформировала имитацию литературы, отвадившую в последующие тридцать лет русского человека от книги. В книжной отрасли заправляет цивилизация городская, для которой русский крестьянский мир не просто чужд, но является объектом презрения, раздражения, а на самом деле страха: а вдруг отомстит?

В 1988 году Астафьев в «Зрячем посохе» назвал деревенскую прозу «последним вскриком той творческой индивидуальности, которая была заложена в нашем русском народе». Этот крик длится до сих пор, но сейчас он больше напоминает стон.

— Как-то я зашла в книжный магазин

«Москва», — рассказывает Лидия Сычёва, — прошла его насквозь, вышла на улицу и заплакала. На всех полках стояли только творения Дмитрия Быкова, Людмилы Улицкой, Дины Рубиной и прочее. То же самое в критике, в медиа, на всех книжных ярмарках и коммерческих площадках типа Литрес. Я называю это дизайнерской литературой. Она даже не либеральная. Либерал Тургенев, написавший «Записки охотника», совершенно по-другому относился к народу. А дизайнерская литература просто не имеет корней, в ней нет национального фундамента. Она чувствует свою чуждость русскому читателю и, чтобы не иметь конкурентов, стремится зачистить площадку.

Все образовательные и культурные инстанции настойчиво продвигают именно эту самую дизайнерскую литературу. В прошлом году на школьной олимпиаде наравне с произведениями Пушкина и Толстого предлагались к анализу и произведения Линор Горалик. Группа писателей обратилась в Министерство просвещения с требованием убрать произведения автора, открыто пропагандирующего ЛГБТ-повестку. Ответ был однозначен: Горалик является лауреатом многих литературных премий, министерство не считает

нужным ограничивать интерес школьников к современной прозе.

— Все участники литературного процесса давно знают, что это так. Мы живем в этом уже тридцать лет, — говорит Сычёва. — На мой взгляд, это процесс сознательный и дири-жируемый. Очевидно, что писатели национального направления пишут не хуже Быкова. Но со времен падения СССР Россия потеряла свою субъектность в области концептуальных конструкций. Нам в мире выделили роль сырьевого придатка. У нас же тридцать лет происходит сдерживание промышленного развития. То же самое и в культуре. Литература всегда была стержнем русской культуры. Это наше главное достижение, имеющее всемирное звучание. Чтобы лишить нас этого богатства, и нужно было подменить литературу дизайнерским симулякром. Стержень русской культуры не сломлен, он просто убран. Вроде бы есть тиражи, премии, но никакой популярностью у народа всё это не пользуется. Шукшина, Распутина мы будем перечитывать всегда. Но можно ли представить, что мы будем перечитывать Быкова? Это невозможно!

Когда критик «Медузы» Галина Юзефович говорит о том, что либеральное сообщество «по

природе атонально», принимает рынок и конкуренцию как данность, она не просто лукавит, а откровенно лжет публике. Никакого настоящего рынка в современной русской литературе не существует уже тридцать лет. Даже сейчас, когда телеграм-каналы заговорили о «русском ренессансе», культурный менеджмент делает всё, чтобы перебить возникшую из небытия национальную повестку. Роман «Лето в пионерском галстуке», рассказывающий о любви двух молодых юношей, в 2021 году был издан весьма скромным тиражом. Но в мае этого года тираж повторили в невероятных для нашего книгоиздания масштабах — двести тысяч экземпляров! При этом у русских поэтов-военкоров, получивших огромную известность благодаря тг-каналам, до сих пор не вышло ни одной книги.

— За это минутное прозрение, — говорит Сычёва, — за то, что появились какие-то новые русские имена, мы сейчас платим кровью. Нельзя переломить тренд последних тридцати лет за один год. Славянская культура в России еще есть, но она обескровлена. Ключ к будущему лежит в министерствах образования и просвещения. И пока там не будет проведена кардинальная революция, ничего не будет. Именно туда надо

вводить войска.

— Я православный человек, я не могу позволить себе отчаяния, — говорит Аксёнов. — Но вы можете представить человека, который сейчас будет прислушиваться к деревенщикам? Нет, не будут. Городская интеллигенция решает всё. И за народ, и за культуру, и за страну. Увы, это так. Здесь, на Енисее, в 90-е годы исчезло больше ста деревень. Сейчас всё понемногу налаживается. Но пока каждый метр этой страны не начнет развиваться, ничего не будет. Я не знаю, как это произойдет. Но если этого не случится, мы просто погибнем.

Судя по ярости, которая сейчас обрушилась на Россию, именно в этой гибели и состоит цель ментальных манипуляций последних десятилетий. И всё же…

— Я знаю этот мир, я объездил его вдоль и поперек, — говорит Андрей Полонский. — И вот несколько лет назад на дороге из Пудожа в Каргополь, на берегу Лёкшмозера, мы как-то остановились на постоялом дворе, который держал местный «свободный крестьянин» и охотник с хорошим именем Федор Михайлович. Была страшная непогода, ночью ударили заморозки. Мы принесли дров, водочки, растопили печку. К

ночи подсел и сам Федор Михайлович. Понаслышав, что мы писатели, да еще из столиц, спросил: «Ну, сколько вы знаете русских слов, связанных с лошадью? Мы вчетвером насчитали слов двадцать пять. Он назвал за семьдесят. И как-то вскользь бросил: «Я последний образованный крестьянин в этих местах». У кого при этих словах не сжимается сердце — тот не русский вообще…

Пока мы будем помнить вот такие вечера у печки, мы останемся Россией.

Владимир Голубев

Владимир Михайлович Голубев родился в 1965 году. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Учился на факультете правоведения Юридического инсти-

тута Министерства внутренних дел Российской Федерации. Служил старшим следователем Серпуховского управления внутренних дел, следователем по особо важным делам Серпуховской прокуратуры.

Писательскую деятельность начал в 1992 году. Первая большая публикация была в журнале «Юность» (2007). Автор книг «Сказки Малеевского леса», «Асины сказки», «Сказы Матушки Оки», «Забытый рубеж», «Летучий корабль», нескольких детективов и др.

Лауреат Общенациональной литературной премии имени П. П. Бажова, лауреат II степени в номинации «Большая проза» литературной премии имени А. Дельвига и др.

Живет в городе Серпухов Московской области.

Главы из книги «Загадки литературной сказки»

Часть I

Осьмнадцатый век

Глава 3

Михайло Чулков и Михайло Попов

«Биография Михайло Чулкова до сих пор была

темна. Светлые ее места состояли из ошибок», — писал один из главных исследований творчества Чулкова, Левшина и Попова Виктор Шкловский. Что ж, попробуем… итак, Михаил Дмитриевич Чулков родился, вероятно, в Москве 8 (19) ноября 1744 года или, по данным того же Шкловского, в 1743 году, умер 24 октября (4 ноября) 1792 года, немного не дожив до полных сорока восьми или сорока девяти лет (последняя цифра указана родственниками на табличке для памятника, которая сохранилась, следовательно, Шкловский прав). Русский писатель, этнограф и фольклорист, издатель, историк, экономист.

Михайло Дмитриевич родился в Москве в семье солдата московского гарнизона. По всей видимости, мальчик от природы был смышленый и любопытный, и, судя по публикациям в журнале «И то и сьо», грамоте его выучил русский учитель, после чего «.. начал он прилежно и неусыпно к чтению духовных книг, и что ему казалось примечания достойного выписывал он на бумажку…». Несмотря на излишне строгое воспитание и порку, будущий литератор попал в разночинское отделение гимназии при Московском университете (1755–1758), учился хорошо и потому оказался в списке учащихся,

представленных к награждению. В гимназии студентов только подготавливали к обучению в университете, маловероятно, что Чулков затем слушал лекции профессоров Московского университета по «словесным наукам»; видимо, это легенда, придуманная самим литератором для поднятия своего образовательного ценза. Кстати, он учился вместе с братьями Фонвизиными и Н. И. Новиковым…

В годы учебы Михайло, будучи статен и хорош собой, принимал участие в студенческих спектаклях университетского театра, и вот уже с середины 1761 года он — актер придворного российского театра в Петербурге. Чиновничья карьера М.Д. Чулкова завязалась в начале 1765 года, когда он попал на придворную службу лакеем, затем стал камер-лакеем и придворным квартирмейстером, даже находясь некоторое время при наследнике престола — Павле. В 1770 году Чулков поступил на государственную службу, став коллежским регистратором в сенатской канцелярии. В 1771 году перешел в Герольдмейстерскую контору в чине регистратора. К этому времени судьба самого Чулкова изменилась, и из литераторов, кормящихся от пера, он превратился в ученого чиновника, сделался чем-то средним

между приказным и исследователем. В 1772 году Чулков благодаря покровительству генерал-прокурора князя А. А. Вяземского и вице-президента коммерц-коллегии Н. И. Неплюева был определен в коммерц-коллегию секретарем, где прослужил до 1779 года, после чего его повысили. Он приступил к работе в Главном магистрате в чине коллежского асессора, где дослужился до чина надворного советника. Теперь к солдатскому сыну обращались «ваше высокоблагородие».

* * *

Начало литературной и издательской деятельности Чулкова относится ко второй половине 1760-х годов. В это время он создает много художественных произведений, издает четыре сборника рассказов и сказок. Так, 1 февраля 1766 года двадцатиоднолетний придворный лакей Чулков подает в канцелярию Академии наук «доношение» о напечатании в академической типографии сочиненной им книги «Пересмешник, или Славянские сказки» тиражом шестьсот экземпляров. Но книги получил не сам, а Н. Новиков, который к этому времени уже занимался книгоиздательством и книжной торговлей. Книга Чулкова имела шумный успех. К концу

1766 года была напечатана и вторая часть «Пересмешника». Еще в предисловии к первой части Чулков откровенно указывает, что книгу выпустил, не чтоб прославиться, а чтобы выучиться на своих ошибках, извиняется, что использовал «…несколько чужих слов…», и указывает, что есть у нас сочинители, которые русскими буквами изображают французские слова, и такие книги непонятны тем, кто учился на медные деньги, и на свое собственное низкое происхождение.

В сборники Чулкова входили русифицированные рыцарские поэмы, восточные сказки с установкой на развлекательность, что приятно отличало тексты от набившей читателям оскомину литературы классицизма. Видимо, это были одни из первых литературных сказок, где автор пытался создать новый жанр. В 1783–1785 годах выходит издание «Славянских сказок», а в 1789 году — третье. Профессор Д. Д. Благой так писал об авторе сборника: «М. Д. Чулков был первым, кто вывел истории и сказки из устного и рукописного бытования и, причудливо сочетав их с мировой литературной традицией, возвел в степень литературы».

О книге заговорили повсеместно, успех «Пересмешника» был ошеломляющим. Да и как тут не

промолчишь, коли повествование затеяли два молодых повесы, по очереди рассказывающие диковинные истории: один — житейские, бытовые, игривые, порою в духе «Декамерона», другой-волшебные, где герои то и дело сталкиваются с чудовищами и, разумеется, одолевают оных. Видимо, Чулков не зря зачитывался в юности волшебными богатырскими повестями о Бове Королевиче, и о Еруслане Лазаревиче, и о Фроле Скобееве, не зря, по его собственному утверждению, он сорок раз переписал повесть о Бове.

* * *

В феврале 1767 года Чулков, будучи уже придворным квартирмейстером, подал прошение о напечатании «Краткого мифологического лексикона». Он был издан, однако автор не рассчитался с типографией. В книге автор объясняет имена и термины греческих, римских, славянских мифов и легенд. Его предуведомление достаточно лаконично: «Краткий сей Лексикон предпринял я собрать с тем, чтоб услужить моим одноземцам тем, которые не знают иных языков, о пользе же его говорить почитаю я за излишнее; ибо они сами употребляя его в нужных случаях узнают, сколько он потребен».

Отметим, что в следующем году Михайло Попов, без которого не обойдется наш рассказ, будучи литературным сотрудником Чулкова, как, впрочем, и Новикова, выпустил «Описание древнего славенского баснословия».

Третья часть вышла в начале 1768 года, а четвертая — в том же году. Пятый его сборник, наполненный патриотическим чувством, увидел свет только в 1789 году под названием «Пересмешник, или Славянские сказки» (четыре- 1766–1768 годы; пятый — 1789 год). В своих рассказах, написанных на основе народного творчества, Чулков попытался отразить повседневную жизнь России, чтобы заинтересовать читателя. Кстати, рассказ «Горькая участь» (1789) содержит первые признаки привычного для нас детективного сюжета, где описывается расследование убийства крестьянской семьи. Современный исследователь Константин Ситников в своей статье назвал «Горькую участь» первым образцом детективного жанра в отечественной литературе, что делает ее одним из предвестников детектива не только в отечественной, но и в зарубежной литературе.

* * *

«Пересмешник» — книга пестрая, содержит в себе рыцарские романы, сравнительно с небольшим количеством волшебных моментов, плутовские новеллы, очень умело написанные, и маленькие бытовые повести, сюжеты часто заимствованы, например, из «Декамерона». Книга разбита на вечера, и одна повесть перебивает другую. В плутовских повестях автор часто останавливает действие для подачи социальной характеристики героев, причем эти герои потом не используются в действии, т. е. мы здесь имеем плутовской роман с бытовыми элементами, роман нравоучительный, созвучный времени. В книге есть и длинные вставки рыцарских романов, правда, довольно сильно измененные. В них меньше турниров, больше мифологических примечаний и приключений в домах первосвященников, причем они напоминают хорошо знакомых Чулкову протопопов и протопресвитеров. Имеются указания на всем известные места, на географические наименования, например, на дуб, росший под Москвой.

Для Чулкова часто важен не сам сюжет, а эпизод, шутка, острое слово. Так, язык «Пересмеш-

ника» по меркам того времени весьма веселый, пересмешливый, употребляющий перифразу и тут же ее разгадывающий: «…вдруг остановил его по голосу человек, а по платью пылкое животное; наследник покойного Меркурия, а именно скороход…» (ч. III, М., 1789, изд. 4). Автор нарочито употребляет старые приемы описания и одновременно их пародирование. В последнем томе материал более архаичен, чем в первых, в нем встречается больше чудес и всевозможных волшебников.

Имеются, правда, у Чулкова настойчивые попытки придать своим героям характер. Особенностью народной волшебной сказки было то, что у героя отсутствовала какая-либо заслуга — герой просто преодолевал одно волшебство за другим. Михаил Дмитриевич же под влиянием современной иностранной литературы пытается несколько оживить эту схему, тем самым создавая элементы литературной сказки. У него герой побеждает благодаря тому, что сам догадался завязать себе глаза, поэтому и не был прельщен необыкновенной красотой волшебницы, которая была для него препятствием.

Кончается «Пересмешник» двумя однотипными повестями: «Пряничная монета» и «Драгоцен-

ная щука». В первой после длинного рассуждения описывается хитрость одного мелкопоместного дворянина Фуфаева, который, прослужив в армии тридцать лет, прикупил к двадцати пяти душам еще девятьсот пятьдесят и построил в имении винокуренный завод. Таким образом он обошел привилегию откупщиков.

На эту повесть похожа история с «Драгоценной щукой». Начинается она тоже с большого предисловия о взятках вообще, потом рассказывается о воеводе, принимавшем в качестве подношения только одну большую щуку, «которая по принесении к нему отправляема была обратно в садок».

* * *

Отметим, что в 1769 году Михаил Чулков начинает выпускать журнал «И то и сьо», который, кстати, в знаменитой полемике между новиковским «Трутнем» и журналом «Всякая Всячина», выходившим под присмотром императрицы, принял сторону последнего. Затем выходит в свет и его второй журнал «Парнасский щепетильник». Оба эти журнала были рассчитаны на массового читателя того времени — средние слои горожан, прежде всего купечество, и мещан. Мы не станем подробно останавливаться на те-

матике изданий, учитывая, что им посвящена масса исследовательских работ, отметим только моменты, касающиеся нашего исследования. Так, «И то и сьо» содержит в себе как будто собрание задач для писателя на всю жизнь. Туда вошли из уже изданного «Краткого мифологического лексикона» сведения о классических и русских богах (недели 37, 38, 39), и почти рядом с этим напечатано этнографическое описание русской свадьбы (недели 43, 44), как будто приготовленное для будущей «Абевеги». Подлинная этнография соседствует с частично выдуманной мифологией и даже начинает ее вытеснять со страниц издания.

М. Д. Чулков также является автором первого русского романа «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» (1770) — рассказа о «невольной доле» сержантской вдовы: о взаимодействии социальной среды и природы человека, о противоречивости характера воздействия общества на личность — и авантюрного рыцарского романа «Повесть о Силославе».

В 1770–1774 годах выходит «Собрание русских песен» М. Чулкова, а в 1780-м издается еще пять тетрадей «Собрания наилучших российских песен», которые внесли большой вклад в народную культуру и были очень популярны среди демо-

кратических кругов читателей и в XIX веке.

* * *

В 1772 году Николай Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» поместил следующую заметку о Чулкове:

«Чулков, Михайло, коллежский регистратор, находящийся при Правительствующем Сенате, много писал стихов, из коих некоторые не худы, и напечатаны в изданном им еженедельном сочинении И то И сьо 1769 года, и ежемесячном Парнаском Щепетильнике 1770 года. Он сочинил шутливую поему, Плачевное падение стихотворцев, стихами; также прозою сочинил и издал в свет первые четыре части Пересмешника, или Славянских сказок; первую часть Пригожей Поварихи, Похождение Ахиллесово, под именем Пирры; во одном действии комедию: как хочешь назови; и много сатирических писем, напечатанных в еженедельном его сочинении. Он собрал из разных Авторов краткий Мифологический Лексикон, который и напечатан в Санктпетербурге 1767 года».

Кстати, как мы можем убедиться, отзыв Новикова чрезвычайно сух. Он не соизволил приложить в текст про Чулкова и к его стилю ни одного

эпитета, хотя современники, да и нынешние исследователи, отмечают, что литератор обладал живым и бойким пером, например, в отличие от А. Радищева, цепко державшегося за архаику. Проза литератора, как мы видим, здесь только упомянута.

Рассмотрим «Повесть о Нетоне» Чулкова, опубликованную в 1769 году в его журнале. В самом начале автор честно предупреждает, что хочет рассказать «некоторую сверхъестественную притчу», услышанную от «…некоторого отставного приказного служителя», промышляющего «переписыванием разных историй, которые продаются на рынке, как то например: “Бову Королевича”…» Читателей сразу отсылают к рукописным сказочным богатырским повестям-сказкам, которые пользовались большой любовью и спросом в то время.

Второй абзац совершенно сказочный, зачин совмещает в себе легкую народность и в тоже время галантность текущего столетия: «В некоторой части света, где обитают или обитали волшебницы, некто человек молодой…» Далее описываются местность, блуждания его героя, заблудившегося в незнакомой местности, которое, между прочим, пародийно описывается при помощи

штампов: «Солнце уже спустилось за горы, и лучи его померкли, вечерняя заря потухла, и мрачная ночь повсюду расселилась». Описываемый вид напоминает всё еще модный в то время пасторальный пейзаж, кстати, в сказке упоминается пастух. Видя спящую и одновременно стонущую окаменевшую женщину, Нарсим засыпает рядом, а когда проснулся — она благополучно ожила, прямо как спящая красавица. Дальше последовало еще много превращений, в том числе и главного героя. В конце сказочной повести явилась мораль, свойственная многим французским литературным сказкам, например Шарля Перро, которые, кстати, за год до публикации «Повести о Нарсиме» были изданы в Москве на русском языке: «Никогда не должно того желать, что нам непонятно и что есть сверх наших сил…» После, прямо совсем по-сказочному, благополучное завершение — счастливая свадьба и, как водится: «…жили они благополучно до тех самых пор, пока справедливая судьба не благоволила им переселиться на тот свет к лучшему покою».

* * *

На государевой службе у Михаила Дмитриевича всё шло замечательно, наконец-то мечты

солдатского сына сбылись и в 1789 году он стал дворянином, так называемым «новомодным», за выслугу. Как будто разговаривая с ним и поругивая его, писал Василий Лёвшин в «Повести о новомодном дворянине»:

«Предки его, блаженныя памяти, с великим усердием набивали карманы свои трудами тех нещастных коих хлопоты принуждали подавать прошения в то место, где они отправляли должности повытчиков и Секретарей. По нещастию их, таковое грабительство дошло до Правосудия. Оно наполнясь гнева, издало закон, всех тех, кои возьмут за работу с того, что истинна велит решить безденежно, привязывать для исправления шеями к веревке, висящей у машины, сходствующей на П. Сия загвоздка у многих испортила по нескольку фунтов крови, или по крайней мере, с не большою сухостию в роте, положила пределы их корыстолюбию. Родитель сего дворянина, также почувствовал свербеж за спиною, и скуча безмездными трудами, оставил приказную службу, купил деревню и поселился в показанном месте, чтоб пользоваться безопасно награбленным».

И как будто М. Д. Чулков отвечает ему в последней, пятой, части своего «Пересмешника»,

изданной только в 1789 году, возражая всяческим наветам:

«…Многие чрез чур честолюбивые дворяне не заслугами отечеству, но одною породою своею возвышающиеся, родословия своего далее времен великого князя Рурика показать не могут, хотя и крайнее старание и великие капиталы к тому употребляют; а большею частию выезжие роды в России, утверждая часто многие из них в приятельских собраниях, что род их по прямой линии происходит от Ромула, основателя древнего Рима, но в здешних де архивах все то утрачено».

Это вроде написано про самого Левшина, про его легендарного предка Сувола. Родословные, в частности и самого Василия Алексеевича, а также пушкинские стихотворные родословные — означают долгую борьбу внутри сословия дворян, борьбу старого столбового дворянства с новым, заслужившим титул усердной службой. Как мы видим, такое положение сохранилось и до пушкинских времен, и до 1917 года…

В последнее десятилетие своей жизни Чулков вследствие улучшения своего материального положения получил возможность приступить к осуществлению многих ранее задуманных планов. Он продолжил публикацию этнографи-

ческих материалов, изучение и издание которых начал с 1760-х годов. В 1783 году он издал известный и популярный доныне в некоторых кругах «Словарь русских суеверий» (2-е издание вышло в 1786 году под названием «Абевега русских суеверий»), где описал обряды, бытовые обычаи, приметы, этикет и народные праздники. Чулков придерживался принципа равенства всех народов, верования и традиции которых заслуживают одинакового внимания и интереса, потому упоминает не только предрассудки русских, но и, например, обычаи камчадалов. Вместе с М. И. Поповым продолжал трудиться над составлением словаря русского языка.

В последние годы жизни Чулков напечатал пятую часть «Пересмешника». В нее вошли наиболее удачные в художественном плане повести: «Драгоценная щука», «Пряничная монета», «Горькая участь», в которых он обращается к теме печальной доли крестьянства.

Из литературных противников Михаила Дмитриевича и непростых отношений с Н. Новиковым следует отметить Федора Эмина, которого Чулков обличал в своем журнале всеми возможными способами.

Федор Александрович Эмин (1735-29 (18) апреля

1770) — писатель интересный и обладатель выдающейся и, очевидно, полностью выдуманной биографии. В России он выдавал себя за венгра, принявшего мусульманство. Якобы некоторое время служил янычаром в самом Стамбуле, после бежал и, оказавшись в Лондоне около 1758 года, принял православие и попросил русского подданства. Видимо, Эмин был из тех малороссов (ныне украинцев), возможно, подданный Польши, которые убегали к туркам, чтобы потом, попав в Россию, выдавать себя за греков или албанцев. Таким был, например, греческий епископ Анатолий Мелес, биография которого вкратце рассказана в книге «Житие архиерейского служки».

* * *

В Архиве Московского дворянского депутатского собрания находились дела рода Чулковых, о которых было сделано краткое сообщение А. А. Фоминым:

«В 1789 г. Декабря 3. М. Д. Чулков, надворный советник и Правительствующего Сената секретарь, подал в Московское дворянское депутатское собрание «объявление», т. е. прошение о внесении его в дворянские книги Московской губернии. Среди документов есть его посемейный список,

выданный 4 августа 1785 г.: в нем значится М. Д. 45 лет от роду: стало быть, родился он в 1740 г., что доселе не было известно. Не было также известно, что М. Д. женился на дочери комиссара Гаврилы Ивановича Баталина, Анне. В 1766 г. у М. Д. и А. Г. Чулковых родился сын Владимир, который числится в посемейном списке служащих в Правительствующем Сенате регистратором. В 1783 г. Чулков купил недвижимое имение в Московской губернии, Дмитровского округа, Каменского стану в сельцах Коквине и Бутове и деревне Поповской с 76 душами крестьян и 63 д. женского пола по последней ревизии».

В деревеньки свои новоявленный дворянин влюбился так, что в «Словаре учрежденных в России ярмарок» (1788), видимо, намеренно указал и крохотную ярмарку своего села. Причем вставил подробное описание пути с указанием всех станций к своему селению прямо от Москвы.

«Коквино, правильнее Коковино сельцо, Московской губернии Дмитровской округи, Каменского стана, помещика Надворного Советника Михайла Дмитриева сына Чулкова, сочинителя сей книги: от Москвы пятьдесят девять от Дмитрова семнадцать верст. При одном сельце на погосте Св. Великомученика Георгия, что слывет

в Конюшенной, бывает ярмарка после Пасхи в десятую пятницу, и продолжается один только день. На оную приезжают купцы из Дмитрова, привозят мелочные товары, как-то иглы, пуговицы, запонки, ленты, платки, набойки, крашенину, разную посуду для домашнего крестьянского употребления, также разные железные орудия для земледелия, обувь и всякие съестные припасы».

Подводя итог литературной деятельности Михайло Чулкова, процитируем его собственноручное письмо о себе и своих трудах:

«В книге, названной опыт исторического словаря о российских писателях, напечатанной в 1772 году, под буквою Ч. напечатанная статья: Чулков Михайло, коллежский регистратор и прочая, надлежит быть поправлена и напечатана так: Чулков Михайло Дмитриевич, Надворный Советник, и Правительствующего Сената Секретарь в малолетстве обучался в Императорском Московском Университете, и изучив одно токмо начальное основание словесных наук, взят был из оного с прочими по имянному указу и определен в службу, в которой находяся сочинил и напечатал следующие книги: 1. Исторического описания Российской торговли 7 томов, состоящие в 21 книге: оные напечатаны по Высочайшему повелению

на счет Кабинета. 2. Краткий Мифологический Словарь. 3. Словарь русских суеверий. 4. И то и сьо, еженедельное сочинение. 5. Парнасский щепетильник, ежемесячное сочинение. 6. Славенских сказок или Пересмешника 5 частей. 7. Собрания разных песен 4 части с прибавлением. 8. Похождение Ахиллесово под именем Пирры до Троянския осады, I часть. 9. Пригожая повариха, I часть. 10. Плачевное падение стихотворцев, сатирическая поема. 11. Наставление необходимо нужное для купцов, а особливо для молодых людей, I часть. 12. Краткая история о Российской коммерции, I часть. 13. Словарь учрежденных в России ярмарок. 14. Экономические записки для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику. 15. Сельский лечебник, или словарь врачевания болезней, бываемых в роде человеческом, в роде скотском, конском и птиц домашних, 3 части. 16. Перевод прозаической с французского языка писем Петрарка к любовнице его Лоре переложил в стихи.* Сочинены, но не напечатаны. 17. Словарь законов, времянных учреждений, указов, суда и расправы Российского государства. 18. Юридический словарь с 1762 года Юлия 28 дня. 19. Проект трактата между Европейскими Государями для вечного истребления в Европе войны. 20. Краткие

примечания об экономических крестьянах обитающих около Москвы, во отношении нерадения их к хлебопашеству. 21. Словарь земледелия, скотоводства и домостроительства, 3 части. 22. Самозванец Гришка Отрепьев сатирическая поема в девяти песнях. 23. Проект для заведения купеческого банку при Санктпетербургском порте которого сумма раздаваема быть должна купцам претерпевшим несчастные приключения и тем, кои за понижением цены при порте немогут продать привезенных товаров. 24. Две комедии, перьвая добродетельно нерадивый в 3 действиях, которой сочинено 1 токмо действие и утрачено: вторая как хочешь назови, представленная в Санктпетербурге на придворном Театре неоднократно. 25. Лексикон или словарь Российского языка, сочиняем был обще с Михаилом Поповым, сочинителем книг под названием Досуги, которого словаря до несколька тысяч вокабулов собрано было, то есть имен и глаголов с их происхождениями и прочих частей грамматических словенского и Русского языка; но как в Университетской типографии напечатан был лист словаря Российского языка, а притом и объявлено, что и весь оный сочинен, и мы увидя из того листа, что расположение в нем было точно так, как мы свое

сочинение расположили, того ради оставили сие дело, и истребили его на всякие ненужности, и можно сказать, что много стоило труда истребить его, следственно сочинить и еще того больше. 25. И еще многие мелкие сочинения, напечатанные в разных книгах».

Как мы может видеть, в этом списке нет ни «Русских сказок», ни «Древних сказок славян древлянских». А ведь в начале XIX века Чулкову щедро приписали «Руские сказки», написанные Василием Левшиным. Это показывает, как впоследствии его воспринимали в обществе, как собирательный образ «низкого» писателя, писавшего занятную литературу для простого народа.

Михаил Дмитриевич сочинил для памятника эпитафию, подводящую итоги его бурной, но, к сожалению, такой недолгой жизни:

Кого сей памятник печальный покрывает?

Увы! Чулкова прах под сим опочивает.

Чулкова – друга Муз, защитника сирот:

Кто кроткая души, трудов бессмертных плод

Принёсши, облетел, как древо сил лишённо.

Но где награда?.. Там… Здесь всё мечта, всё тленно.

Такова необычная судьба солдатского сына, разночинца, получившего образование, благодаря своему дарованию прошедшего огонь и воду и медные трубы, много трудившегося, в том числе и на литературном поприще, ставшего потомственным дворянином, но боровшегося с дворянскими привилегиями, издававшего книги для горожан и грамотных крестьян. К сожалению, после смерти в Москве 24 октября 1792 года он прославился чужими произведениями. А творчество самого Михаила Дмитриевича Чулкова оказалось в забвении, его книги в XIX веке не переиздавались.

Братья-литераторы, словно сговорившись, не замечали Чулкова, да и Лёвшина с Поповым, писавших для демократических слоев русского общества. В веках девятнадцатом и двадцатом очень сурово отнеслись к волшебнобогатырским изысканиям нашей троицы. Петр Полевой в своей трехтомной «Истории русской словесности» их даже не упомянул, а Иван Сахаров в «Обозрении русских народных сказок» осудил за «произвольные выдумки» (хотя и сам аналогично грешил). Степан Савченко в начале XX века в замечатель-

ном труде «Русская народная сказка» (Киев, 1914) попросту от них отмахнулся. Только в XX веке проявился научный интерес к М. Д. Чулкову.

Михайло Попов

Одновременно с Чулковым в Москве и Петербурге работал русский писатель и переводчик Михайло Иванович (ранее указывалось Васильевич) Попов (1742-около 1790 в Санкт-Петербурге, по сведениям М. Н. Муравьева, умер в 1781 году), сын ярославского купца, где родился, точно неизвестно. О нем мало что известно, до настоящего времени даже не сохранилось портрета литератора. Едва можем предположить его внешний облик, согласно строчке из Чулковского стихотворения: «Лице, как бедная раскольничья икона…», видимо, выглядел он как больной чахоткой (туберкулезом) и рост имел маленький даже по тем временам (около полутора метров), что служило бесконечным предметом для шуток.

Попов подвизался вместе со старшими братьями Яковом и Алексеем в первом профессиональном театре Ф. Г. Волкова. После того, как старшие братья, ставшие профессиональными актерами, перебрались в Петербургский театр, пятнадцатилетний Михайло вместе с ними от-

правился в столицу, где служил в Придворном театре с 1757 по 1765 годы. В это же время, с 1760 года, начинаются его первые опыты на литературном поприще — переводы пьес для театра. Попов, по некоторым сведениям, также учился в шляхетском корпусе, а с 1765 года-в Московском университете, по окончании стал чиновником. Был секретарем при Комиссии составления проекта нового Уложения, числился в одном из комитетов до 1780 года, где также работал и Н. И. Новиков, который принялся подбивать его к литературной работе. В 1769 году Михаил Иванович получил чин коллежского регистратора и вернулся в Петербург. В 1776 году Попов уже имел чин губернского секретаря. После роспуска Комиссии судьба его неизвестна, возможно, занимался только литературным трудом у Чулкова и Новикова либо вскоре умер, в 1781 году.

* * *

Вернувшись в северную столицу, Попов начинает активно сотрудничать с сатирическим журналом «И то и сьо» Михаила Чулкова, с которым дружил, ведь они оба были когда-то актерами. Литератор много работал и с другими сатирическими журналами, в том числе издавае-

мыми Н. Новиковым. Переводил пьесы для театра с 1765 года, политические трактаты, восточные сказки в обработке Ф.Пети де ля Круа «Тысяча и один день» (1777–1779). Писал оригинальные комедии «Отгадай и не скажу» (опубликована в 1772 году), первую русскую комическую оперу о жизни крестьян «Анюта» (1772), а также песни с использованием народного фольклора. «Анюту» поставили в Царском Селе в исполнении придворных певчих 26 августа 1772 года, она оказалась также первой русской пьесой, поставленной за границей, в русском посольстве в Константинополе, во время заключения Кючук-Кайнарджийского мира. «Анюта» во многом определила некоторые черты жанра на русской почве: крестьянская тема, противопоставление города и деревни, комическое, но не отрицательное изображение крестьян. А имена Анюты и неудачливого ее жениха Филата после стали традиционными в русской комической опере.

На псевдоисторическом материале Попов написал роман «Словенские древности, или Приключения славенских князей» (ч. 1–3, 1770–1771 годы, второе издание — в 1778 году). Литератор изображал русское средневековье как европейскую эпоху рыцарства, широко заимствовал

мотивы западноевропейских волшебных сказок, галантного романа и рыцарских романов из серии изданий «Синяя библиотека», ставших в Европе к XVIII веку народными книгами. Использование фольклора у М. И. Попова, в отличие от более поздних сборников В. А. Лёвшина, ограничивается интернациональными мотивами.

Современник Михаила Ивановича, сенатор и попечитель Московского университета М. И. Муравьев, в начале 1780-х годов упоминал о нем как о «сочинителе при Уложении, который мог быть лучше сочинителем при Комиссии Муз и Граций. Верное изображение французских литераторов: беден, прост, добросердечен, трудолюбив-и забыт».

* * *

Теперь еще одна продолжительная, но необходимая ремарка: поговорим о формировании русской мифологии, к чему одним из первых приложил свою руку Михайло Чулков, а следом и остальные из нашей троицы: Михайло Попов и Василий Лёвшин. Данный вопрос для нас важен тем, что литературная сказка сразу начнет черпать образы из этой копилки, возьмем, например, русалок.

Припомним, так еще академик Михайло Ломоносов предполагал в «Древней российской истории»: «Древнее многобожие в России, сходствующее с Греческим и Римским подтверждается еще, сверьх письменных известий, другими примечаниями: что значат известные в сказках Полканы, из человека и коня сложенные, как греческих центавров? не гиганты ли Волоты. Не Нимфы ли в кустах и при ручьях сельской простотою мнимые русалки? Не соответствует ли Царь морской Нептуну, а чуды его Тритонам? Чур поставленному на меже между пашнями Термину?» Видимо, отсюда и пошли русские системы мифологии, которые до настоящего времени плодятся и нет им числа.

Одним из первых русских разработчиков мифологии и стал Чулков, чьи труды в этой области располагаются в следующем порядке:

1) Мифологические примечания к «Пересмешнику» (1766–1768)

2) «Краткий мифологический лексикон» (1767)

3) «Весьма краткое известие о мифологии» («И то и сьо», 1769)

4) «Словарь руских суеверий» (1782)

5) «Абевега руских суеверий» (1786).

Для того, чтобы сравнить две системы мифоло-

гии: систему греческую, которой пользовались литераторы, особенно поэты, и систему русской (славянской) мифологии, точнее попытки перейти на нее, — приведем два отрывка из сочинений М. Чулкова: «Молодая Фетида, дочь Нереева и Дорисина, выдана будучи за Пелея Эакова сына, а брата Телемонова: родила от него сына, которой назван был Ахиллесом, и уведовши от Колханта жреца, что без Ахиллеса сына ее, не возможно будет взять города Трои грекам, и что он тамо будет убит перерядила ево в девическое платье, когда еще ему было только девять лет, и отослала на остров Сцирос, ныне называемый Широ, который недалеко от Эвбеи или Негрепонта, к царю Ликодему, дабы ему там быть воспитану и укрыту. Ахиллес пребывая у того царя, и ходя в девической одежде под именем Пирры, имел свободный

случаи полюбить его дочь называемую Деидамиею, и быть от нее любимым взаимно; но когда греческое ополчение против Трои собралось все в Авлиду, то Колхант объявил, что Ахиллес укрыт на помянутом острове Сциросе девическим одеянием; чего ради и отправлен от него к царю Ликодему послом Улике Царь Итакский. Между протчими дарами, кои посол привез царевне и

придворным ее девицам, находилося оружие, как то шлем, копье и щит, за которое Ахиллес по природе своей охотнее всего взялся, нежные дары оставив девицам. Сие самое было указанием по которому Улике признал Ахиллеса.

Что ж касается до расположения сей истории и до прибавки выдуманных мною случаев, то в том поступал я по моей воле».

Это — предуведомление Михаила Дмитриевича к его мифологической повести «Похождения Ахиллесовы под именем Пирры до Троянския осады», изданной в Санкт-Петербурге в 1769 году. Повесть представляла собою прозаический пересказ стиховой трагедии Василия Тредиаков-ского. В том же 1769 году в журнале «И то и сьо» Чулков напечатал «Стихи на семик». Кстати, семик — народный праздник за три дня до Троицы, в ходе которого поминаются неприкаянные души «заложных» покойников, умерших не своей смертью, а их души возвращаются на землю и живут в виде мифологических существ. Вот они:

Не смейся Муза мне, а я не хохочу,

Что из пустова класть в порожнее хочу,

Намеренье мое горох лепити в стену,

[с. 96:]

Бериозкам положить в семик цену,

Чтоб красны девушки по утру пробудясь

И лучше, как они умеют: нарядясь,

Без торгу брали их и ставили в кружечик

Сбираясь на берег иль инде на лужечик,

Но прежде нежели плясать они начнут,

Я мысленно еще слетаю в Волхов пруд,

Что мутная река сперва именовалась,

И после Волховом она уже назвалась,

Рассыплю на брегу наметанной бугор,

Где спит тот Князь и Волхв и с ним богов собор,

Которых прежде здесь Славяне почитали,

И кои уж давно почтенье потеряли.

Как молвить например: Перун громовой бог,

Которого они дубьем свалили с ног,

И бросили в реку на веки там купаться,

Чтоб перестали их невежеству смеяться.

Второй степенной бог Волос, или Велес

Из храма своего чуть ноги лишь унес,

Как начали тузить в бока и в лоб и в зубы

Завыли Лада, Дид, Белбоги и Дашубы,

Догода, Коляда, Купало и Услад,

Святовичь деланной весьма на чудной склад.

Ягая баба, Чур, Полкан и Симаергла,

Ужасный Чернобог, что в ад судьбина свергла,

Летели из домов как черти с небеси,

Пощады не было хоть сколько ни проси,

Очистили они и улицы и храмы,

Невежество богов и все повергли в ямы.

Язычество сие мещане здесь клянут;

Незнаньем же к нему еще довольно льнут.

Семик веселый день его непропускают

И в песнях тех богов почасту вспоминают…

* * *

Михайло Иванович Попов также издал небольшую книжечку, похожую по размеру на записную: «Описание древнего славенского языческого баснословия, собранного из различных писателей и снабженного примечаниями. В Санктпетербурге. 1768 году».

В предуведомлении Попов честно указал источники, которыми пользовался: «…за потребное признаю уведомить читателя, что материя составляющая сию книгу выбрана мною из славенороссийского древнего летописца, из Российской истории покойного господина Ломоносова, из историографии о начале происхождения Славенского народа г. Мавроурбина Архимандрита Рагужского, из некоторых рукописных Российских летописцев, из простонародных сказок, песен, игр, и оставшихся некоторых обыкновений.

Признаюсь при сем, что я много может быть упустил достойнова примечания, а в извинение мое ничего более предложить не имею, кроме малого моего сведения, перьвого в сем деле труда».

Подобно Чулкову, Попов в своей мифологии многое придумывал, много записывал чужих

выдумок. Выдумки его впоследствии перешли в пресловутую «Histoire de la Russie ancienne et modeme» французского медика и историка Н.-Г. Леклерка и вызвали возражения историка Ивана Никитича Болтина, «…за благо рассудил автор… описать древнее богослужение славян, почерпнутое им, как сам он признается, из сочинений г. Попова, изданных под именем Досуги. Г. Попов, будучи в древностях славянских мало сведущ, внес в свою баснословию все что ему ни попалося без разбору, и многие такие вещи под статью богов поместил, кои никогда славянами боготворимы не были; ибо разница есть между боготворить и между уважать или почитать. Леклерк к его догадкам и толкованиям прибавил свои, а к богам Славянским, Варяжским, Чудским, приложил Калмыцкие, Китайские и проч.

Бога Хорса производят они от глагола корчить не доказав подлинно ли слово сие есть Славянское или Русское; ибо легко статься может, что тогдашними славянами, кои богу Хорсу поклонялися, оно вовсе неизвестно было, а вошло в русский язык после из других. Сколь ни странно такое производство, но Леклерк приняв его за дельное, новой смысл и определение к нему прилагает. По его толкованию, глагол корчить

значит сократить, убавить… без сумнения не иное что как болезни. И так по смыслу нового сего определения стало быть Хоре Ескулапом, сиречь сократителем болезней. Нынешний же смысл глагола корчить совсем противное сказанному значит: у такого врача, которого лекарства людей корчат никто лечиться не станет. Мнение Татищева более вероятия имеет, что Хоре у Славян то же что Бахус у Римлян».

Надо заметить, что русские литераторы не были первопроходцами в своих попытках на скорую руку воскресить языческих богов. В европейском масштабе мифология в это время менялась, переходя от классической греко-римской на национальную, что часто использовалось в живописи и литературе, особенно в поэзии. Получается, в XVIII веке многие европейские народы, осознавая себя единой нацией, принялись с замиранием сердца создавать собственную мифологию, среди славянских народов особенно преуспели чехи.

В европейской литературе, по мнению современных исследователей, появилась величайшая подделка. Поведаем о ней словами обманувшегося вместе со всеми Николая Карамзина:

«Оссиан был сын Каледонианского Царя Финга-

ла и жил, по всей вероятности, в конце третьего и в начале четвертого века. Каледониане, обитатели северной Шотландии, имели почти безпрестанную войну или со своими соседями, или с Римлянами, и потому храбрость была у них первой добродетелью. Барды, Поэты тех времен, прославляли Фингала за его добродетель; и сколь славен был Фингал между храбрыми, столь же славен был сын его, Оссиан, между певцами Каледонианскими. Некоторые из его песен дошли до самых наших времен; но они были бы и теперь нам неизвестны, естьли бы г. Макферсон, Шотландец, не обратил внимания на сии драгоценные остатки древней поэзии своего отечества. Собрав некоторые, издал он их на Английском языке в 1760 году. Все любители Поэзии почувствовали красоты Оссиановских песней. Макферсон, ободренный всеобщею похвалою, собрал в Северной Шотландии, частию устных сказок, частию из рукописей — прочие творения сего Барда. Многие ученые мужи старались раздроблять красоты оных — издание следовало за изданием, и слава Оссианова скоро распространилась и в другие земли. Его перевели на немецкий, на итальянский и на французский язык».

Главной в мировой торговле в те времена была

Англия — «царица морей», и первой же она стала в системе новой, уже национальной мифологии благодаря удачной мистификации Джеймса Макферсона. Следом появились и русские мифологические работы, также представляя собой момент перехода от общеевропейской мифологической системы к мифологии национальной.

* * *

Шел спор о славянских богах. М. Чулков среди славянских богов назвал и Чернобога (злой бог, которому приносили кровавые жертвы). Что же из этого вышло? М. И. Попов во втором издании своего «Описания древнего славенского языческого баснословия» прибавил к статье о Чернобоге следующее замечание:

«Некоторой немецкий издатель Краткого Баснословного Словаря и сего не хорошего Божка хотел было у нас оттягать, назвав его Цернебухом, и в то же время переводя, или Черный Бог». Богов на все народы и племена явно не хватало. Их просто-напросто выдумывали, как ныне в фэнтези. Так, очевидно, придумал Чулков и богиню Зимцерлу, которая на долгий промежуток времени осталась в русской литературе.

Вот сводка показаний по Виктору Шкловско-

му, в которой видно, как обрастала эта богиня атрибутами.

ЧУЛКОВ

1767

Зимцерла, Славенская богиня, владычествующая над началом дня. (Краткий мифологический лексикон. Стр. 42.)

ПОПОВ

1768

Зимцерла, богиня Киевская; какие ей качества приписывались, о том ничего неизвестно; разве изломанное ее название произвесть от имени Зима и глагола стереть, так назовется она Зимстерлою и будет походить на Аврору или Флору, богиню цветов. (Описание древнего языческого баснословия. Стр. 12.)

ЛЁВШИН

1780

Зимцерла, богиня зори или Славенская Аврора. (Руские сказки. Ч. I. Стр. 128.)

КАЙСАРОВ

1804–1807

Зимцерла. О сем божестве нам… мало известно. По одному словопроизводству

утверждают, что она была богиня весны; потому что имя ее, говорят, составлено из слова зима и стереть. (Славянская мифология. Стр. 86.)

Г. ГЛИНКА

1804

Зимстерла. Под сим именем предки наши почитали богиню весны и цветов. Она имела свои божницы, и праздники ее были в месяце Цветене (апреле): потому что в южных странах России с этого месяца начинается весна. Сия богиня хотя и скрывается иногда, но в свое время появляется снова в прежней своей молодости. Изображается она прекрасною девицею, одетою в легкое белое русское платье, подпоясанною поясом из роз, переплетенным золотом: на голове у нее из роз венок; в руках держа лилею, нюхает. Грудь ее вся открыта; на шее ожерелье из цикорий. Перевязь через плечо цветочная. Ей приносимы были в жертву цветы, кои собирая в ковшицы, поставляли перед ее кумиром, равно как и капище в ее праздники убиралось и усыпалось цветами… (Древняя религия славян. Стр. 106.)

Дальнейшая история новоявленной Зимцерлы состоит в том, что она попадает даже в пародию, в «Сцены из трагедии: Стенька Разин» Николая Полевого:

Берег Волги; вдали видна Астрахань. Два казака (один стоит с пикою, другой лежит подле дерева; подле него бутылка шампанского и два бокала).

Второй казак.

Как разостлался по полю туман!
Проходит ночь, и вот на небосклоне
Горит Зимцерла блеском золотым.
И сонная река проснулась. Вот
Летят певуньи-птички, соловей
Умолк в тени дубравы. Скоро
Перун ударил вестовой, – а ты
Все в думу погружен.

Слов нет. Занавес…

* * *

Михаил Попов в предуведомлении ко второму изданию «Краткого описания древнего славенского языческого баснословия» откровенно писал:

«Я не везде приводил в доказательство Авторов для того, что ни себя, ни читателя не хотел сим отяготить; ибо ученым и любопытным и без того они известны; а при том же сие сочинение сделано больше для увеселения читателей, нежели для важных исторических справок; и больше для Стихотворцев, нежели для Историков». Обращает на себя внимание, что старался Попов во благо русских поэтов. Знал бы он, во что всё это выльется…

Как известно, вновь чудесно «найденная» солдатским и купеческим сынами российская мифология попала на благодатную почву и была радостно принята стихотворцами. Ее широко использовали И. Богданович («Славяне»), М. Херасков («Бахариана»), Н. Карамзин («Илья Муромец»), А. Радищев («Бова»), И. Радищев («Алеша Попович», «Чурила Пленкович»), И. Львов («Добрыня»), Г. Державин («Добрыня», «Анакреонтические песни», «Обитель Добрады», «Царь-девица», «Новгородский волхв Злагор» и др.), А. Востоков («Светлана и Мстислав», «Певислад и Зора»).

Уже на системе только что созданной русской мифологии работает сочинитель «Руских сказок» Василий Лёвшин, развертывая имена в мифы.

Следующим работником на этом мифологическом поле был Андрей Кайсаров, автор книги «Versuch einer Slavisch Mithologie, in alphabetischer ordnung», изданной в 1804 году в Гёттингене. Русский перевод этой книги вышел в Москве в 1807 году.

Приведем отрывок из «Вступления»:

«…В русских песнях находится много характеристического; на многих остался отпечаток седой древности; иные из них происходят, вероятно, из языческих времен, потому что в них упоминаются часто имена некоторых богов… Другой источник составляют простонародные сказки, из коих некоторые в самом деле басни, а другие небольшие рыцарские романы. Тут с патриотическим жаром повествуются деяния героев древности, и мрачными красками изображаются несчастия России под игом татар. Тем занимательнее для русской мифологии то, что в них нередко упоминается о древних божествах, чудесах, волшебницах и проч.

Долго переходили они только из одних уст в другие; но в справедливости их ручается единогласие, с каким тысячи людей их рассказывают. Наконец собрал их г. Новиков, которому российская история и словесность многим обязаны, и

издал их в шести частях под заглавием: Славянские Сказки. Потом явилось еще другое собрание их, под именем Русских Сказок. Из них перевел некоторые Рихтер на немецкий язык в своих Русских отрывках (Russische Miszellen), хотя и вкратце и с некоторыми отступлениями.

Сии и многие другие сокровища долго уже скрываются, будучи написаны не a la Voltaire, или a la Sterne, но a la… что ж из того следует? — Что у Россианина в девятнадцатом веке нет еще совсем Российской истории!..»

Мы видим, что имя автора сказок В. Лёвшина не звучит. Далее Кайсаров, упомянув о «Словаре руских суеверий» Чулкова, резко критикует книгу Попова:

«Историки наши… упоминали… большею частью об одних только именах славянских богов. Между тем… издан был Словарь древнего русского суеверия; а наконец… г. Попов представил краткой чертеж славянской мифологии. Хотя этот чертеж так краток, что содержится только в двух печатных листах, однако ж в нем находится довольно пустого. Автор не упоминает даже об источниках, из которых он почерпал, считая это бесполезным делом».

Кайсаровская мифология уже мифология ново-

го типа, национального. Но она же и переводная, потому что в этом национализме быть отдельным важнее, чем быть самостоятельным.

Неизвестный автор рецензии на первое, еще немецкое издание книги Кайсарова, считая, что «он сочинил нам прекрасный опыт славянской мифологии», упрекает его в незнании некоторых иностранных источников, а также в том, что вместо подлинных изображений славянских богов он поместил гравированные таблицы, заимствованные из книги Басвиля «Начала мифологии для пансионов».

Работа А. Кайсарова не представляла собой явления исключительного. Так же работали немцы и чехи, которые широко пользовались в деле создания национальной мифологии различными подделками, находя якобы средневековые рукописи (например, известные Зеленогорская и Краледворская). Наивное образованное общество смотрело на это сквозь пальцы, даже настаивало на праве подделывать.

Профессор Дерптского университета Григорий Глинка в введении к книге «Древняя религия славян» (Митава, 1804) писал:

«…Описывая произведение фантазии или мечтательности, я думаю, что не погрешу, естьли

при встречающихся пустотах и недостатках в ее произведениях, буду наполнять собственною под древнюю стать фантазиею. Правда, стершиеся или слинялые места в древних картинах, подправленные новыми красками, хотя и на старинную стать, уменьшают цену картин; но лучше ли ничто, нежели что-либо? И не лучше ли Фидиасова Венера с подделанными во вкусе сего знаменитого древнего мастера руками и ногами, нежели когда осталось одно только ее туловище, и то может быть местами еще выбитое?.. Известно, что изправки или коррекции древних греческих и латинских писателей их учинили лучшими, но все ли изправки сделаны в попад на Авторово слово или мысль, и может быть иные не сделали ли под видом изправок рукописи, направленным самого автора в словах и мыслях, за что бы он и сам в состоянии нашелся поблагодарить. — Я переселяюся в пространные разнообразные области фантазии древних славян, бродя по ним, стану собирать всецелые мечтательные идеи и малые их частицы и сии последние, сообразуясь их устроению, дополнять материалами сего же царства и по законам воображения или мечтания».

Автор упомянутой нами рецензии в «Северном

вестнике» дает сравнительную оценку мифологических сочинений Глинки и Кайсарова:

«…Первая писана как роман; вторая как систематическая книга… Первая имеет слог стихотворный, неправдоподобный и читатель ни чему не верит. — Вторая имеет всю историческую важность — на нее можно везде полагаться. Первая… выписана из прежних наших кратких описаний Славянского Баснословия, всем уже известных, безполезных и часто неосновательных. Вторая почерпнута из лучших источников, какие только можно было найти под руководством славного Шлецера, и открыть в путешествии по тем местам, где еще остались памятники сего Баснословия… Первый писал, может быть для дам, или для людей, которые, кроме Попова и Абевеги, ничего не читали. Второй писал для людей ученых…»

На книгу Кайсарова ссылается в примечании к своей «старинной» повести «Предслава и Добрыня» (1810) К. Батюшков, которому также были известны и «Руские сказки» В. Лёвшина.

Правда, в начале XIX века была произведена некоторая чистка этой мифологии. Павел Строев в «Кратком обозрении мифологии славян российских» (М., 1815) писал:

«…Ети Услады, Купалы, Зимстерлы, Полели, Дашубы, Лады, Лели и проч… и проч… о коих столько до сих пор говорено было, существовали, кажется, в одном воображении повествовавших о них писателей. Они думали, что у славян непременно долженствовало быть ни больше ни меньше богов, сколько было их у греков и римлян и для того старались заменить вымышленными, на словопроизводстве основанными именами тех богов, о коих не находили никаких известий».

Эта поэтическая мифология кончается ныне почти забытым Александром Вельтманом, который в одном из примечаний к первой части своего романа «Кощей Бессмертный» (М., 1833) сообщает:

«В надежде скоро выдать Славянскую Мифологию, не распространяюсь здесь в описаниях старых богов» (стр. 296). Впрочем, его «Славянская мифология» так и не вышла.

Вся сказочность произведений Вельтмана основана на сказочности лёвшинских «Руских сказок», то есть на национализированном рыцарском романе.

Мифология в «Руслане и Людмиле» Александра Пушкина — тоже мифология второго ранга, непосредственно связанная с попыткой создать в XVIII веке «русскую» национальность. Упоминание

русского духа в мифологических описаниях Пушкина декларативно и не являлось новостью для XVIII века.

Но на поле российского мифотворчества были и исключения. «Словарь руских суеверий» Михаила Чулкова находится несколько вне системы русской мифологии. В. Шкловский приводит о нем мнение академика А. Н. Пыпина:

«В 1782 г. Чулков издал «Словарь руских суеверий», который явился потом вторым дополненным изданием. Книга эта замечательна как первая чисто этнографическая попытка своего времени. Правда, между «русскими» суевериями большую долю книги занимают верования и обычаи всяких русских инородцев — татар, мордвы, чуваш, камчадалов и пр., о каких автор мог найти сведения в тогдашней литературе путешествий; правда также, что русская мифология излагается с разными прикрасами, какие считались в то время позволительными в изображениях «древности», но в то же время собрано и аккуратно описано много действительных народных обычаев. Цену этих описаний достаточно указать тем, что многими указаниями из «Абевеги» нашел возможным пользоваться ученый нашего времени Афанасьев в своих этнографических работах,

и особенно в книге: «Поэтические воззрения славян на природу».

Получается, «Словарь русских суеверий» — книга уже не только по мифологии, а главным образом — по этнографии, что для того времени являлось новостью. Так, сведения о «суевериях» камчадалов заимствованы Чулковым из знаменитой, до сих пор не потерявшей своего значения книги Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Также использованы известные на то время обычаи киргизских, чувашских, лопарских, калмыцких народов.

В описание свадебных обрядов Чулков вставил «Смету во что обходится свадьба простолюдиму». Смета очень подробная, отдельно сосчитаны расходы стороны невесты и стороны жениха. И всего, оказывается, свадьба стоила 33 рубля 20 копеек. Сумма денег по тому времени немалая, и, видимо, только богатые крестьяне могли позволить провести такую свадьбу своим детям.

Заканчивая главу о Чулкове и Попове размышлениями о созданной ими для национальной литературы «русской мифологии», добавим только, что ныне благие чудачества литераторов века Просвещения многими приняты уж больно серьезно… А нам, нынешним читателям и господам

литераторам, будет полезно почаще обращаться к научным трудам, чтобы разобраться, где истина, а где всего лишь фантазия автора.

* * *

Подводя итоги первой части настоящей книги, можно сказать, что для развития русской литературы и, следовательно, всего русского общества, полузабытые творения белевского дворянина и двух Михаилов — Чулкова и Попова, — важны и до сих пор в какой-то мере интересны. Как писал известный фольклорист и литературовед М. К. Азадовский, «сборник Лёвшина пользовался огромной популярностью, затмил все прежние опыты в этом направлении, вроде Чулковского “Пересмешника”, и послужил образцом для дальнейших подражаний».

Так-то так, но его затруднительно читать современному человеку, сплошь анахронизмы! «На дворе вовсю бушует XXI век, — скажет мне дотошный и терпеливый читатель, добравшийся до этой страницы, — это видно из вами же приведенных отрывков». Что ответить, есть ли что возразить? Отчасти согласимся, тексты наших стародавних писателей будут интересны для чтения любителям русской литературы, и, к

примеру, лёвшинские произведения потихоньку выходят. Также могут пригодиться для написания сценариев мультфильмов, комиксов (а почему бы и нет!) и создания на их основе всевозможных адаптаций.

Рассуждая о процессе формирования русской литературной сказки, известный специалист по русской литературе XVIII века Л. Курышева говорит, что новаторство Лёвшина состояло в том, что впервые в качестве литературного материала был использован былевой эпос. По замыслу Василия Алексеевича, повествование должно было объединить традиции национального фольклора (былины и сказки) и европейских жанров волшебно-рыцарского романа и новеллы. Пестрота состава его сборника, сочетание литературных и фольклорных традиций определили в настоящее время возникновение проблемы обозначения его жанровой специфики. Разница в подходах исследователей к решению этой проблемы обусловлена исходными позициями в вопросе источников Лёвшина. Одна из групп исследователей стремится к четкому обозначению жанровой принадлежности повестей сборника. Среди них ряд ученых относит повести к жанру литературной сказки, другие — к тому или иному

жанровому подвиду романа, а также к истокам жанра фэнтези.

Историки фольклора рассматривают указанный сборник в ряду первых записей и публикаций памятников народного творчества, оценивая его повести с точки зрения близости к былинному и сказочному эпосу. Мнения этих исследователей сходятся в том, что В. Лёвшину, очевидно, была хорошо знакома устная народная поэзия, и он использовал в композиции отдельные былинные ситуации, а в стиле — традиционные выражения и приемы, однако связь повестей сборника с народным эпосом осталась чисто внешней; в целом они отмечают слабую связь лёвшинских повестей с русской народной сказкой.

Для нас, рассматривающих творчество авторов с позиций интереса к литературной сказке, важен вывод фольклористов, что в сборнике Василия Левшина представлена «литературная сказка на основе фольклорной». Отмечая влияние западноевропейских литературных сказок, М. Н. Сперанский также определяет жанр повестей сборника Левшина как литературную сказку. Авторы работ по истории литературной сказки и некоторые исследователи прозы XVIII века — О. Л. Калашникова, О. И. Киреева, О. К.

Герлован, О. Воеводина и О. И. Тиманова — придерживаются такого же взгляда на жанр повестей Левшина, признавая вместе с тем сложность и неоднозначность понятия «сказка» в XVIII веке, ее спаянность с жанром романа, в частности волшебно-рыцарского.

Л. Курышева указывает и другие мнения. Например, есть группа исследователей, которая отказывается от конкретных жанровых дефиниций и определяет специфику повестей о богатырях через характеризацию типа повествования, созданного Чулковым, Поповым и Левшиным. Этот тип повествования назван исследователями «условно-исторической повествовательной прозой» (И. З. Серман), псевдоисторической беллетристикой» (В. П. Степанов).

Компромиссное мнение относительно жанрового тяготения повестей «Русских сказок» содержит статья И. А. Колесницкой, которая, анализируя состав русских сказочных сборников конца XVIII — начала XIX веков, пришла к выводу, что сборником Левшина было положено начало двум типам сборников: первый тяготеет к жанрам волшебнорыцарского романа и литературной сказки, второй характеризуется близостью к народной о сказке.

В сказках-романах М. Чулкова и В. Левшина заметно влияние лубочной книги. Так, в сказку о Силославе (глава 11 «Пересмешника») Чулков включает сюжет о Полкане и королевиче (принце) Бове, а в основе лубочной сказки о Бове, как известно, лежит французский роман о рыцаре Бово д'Антоне. На Руси этот сюжет появляется не позднее XVI века и остается популярен, по меньшей мере, до конца XIX века. Другой популярный лубочный сюжет, использованный Чулковым в сказке о Силославе, — сюжет о Еруслане Лазаревиче. В его основе лежит история Рустема из персидской поэмы «Шах-Наме». В русскую рукописную традицию он попадает в средние века, а в XVII–XVIII веках сказка о Еруслане Лазаревиче становится одним из наиболее распространенных произведений русского лубка.

Делая выводы о русской литературной сказке того периода, скажем, что формировалась она в образованной, преимущественно дворянской, но отчасти в разночинной среде на основе не только народной сказки, но и всего фольклора. В период своего становления, т. е. начиная с 1760-х годов и до конца XVIII века, она испытывает заметное влияние французской литературной сказки XVII–XVIII веков, волшебно-рыцарского романа и

русского лубка, былинного эпоса.

Часть II
Девятнадцатое столетие
Глава 1
Сказочница из Мишенского

В первой трети XIX века на небосклоне русской литературы появилось немало талантливых произведений, созданных для различных категорий читателей, но вскоре оказавшихся в распоряжении детишек. Так, вся образованная Россия зачитывалась превосходными балладами В. А. Жуковского, литературными сказками А. С. Пушкина, В. Ф. Одоевского, А. Погорельского, юный П. П. Ершов блистал «Коньком-Горбунком». Но прошло немного времени, и многие из них оказались в детской литературе, составив ее золотой запас.

С конца 20-х-начала 30 х годов начинается новый этап развития русской детской литературы. В это же время появляются и первые профессиональные детские писатели — А. П. Зонтаг, Л. А. Ярцова, В. П. Бурнашев, П. Р. Фурман, А. О. Ишимова и другие. Их произведения для детей как выпускаются отдельными книгами, так и

печатаются на страницах детских журналов…

Анна Петровна Зонтаг. За ее плечами сорок лет почти непрерывного литературного творчества, фактически целиком посвященного детям, двадцать томов литературного наследства и более ста произведений о детях и для детей. Ее книги пользовались успехом в разных слоях общества от императорской фамилии до грамотных крестьянских детей и издавались до конца XIX века. Революционные события XX века в России с его воинствующим безбожием, попытками отказаться от института семьи, от сказки и от полученного в наследство от ушедших поколений культурного багажа (20-30-е годы) сделали имя писательницы практически не известным современным читателям. Несказанно радует то, что постепенно имя А. П. Зонтаг возвращается в культурное поле нашей страны, о ней появляются статьи и научные исследования, время от времени публикуются ее литературные произведения.

* * *

Недалеко от уже известного нам города Белёва Тульской губернии, в холмистой долине неспешной Оки, в селе Мишенское, известном нам как родина замечательного поэта В. А. Жуковского, в

самую летнюю жару среди садов с поспевающими яблоками 15 июля 1786 года родилась будущая детская писательница Анна Петровна Юшкова, в замужестве Зонтаг, под этой фамилией она и вошла в детскую литературу По материнской линии она происходила из известного рода Буниных, подарившего русской культуре и науке немало славных имен (первая русская поэтесса А. П. Бунина, В. А. Жуковский, литературные деятели середины XIX века братья И. В. и П. В. Киреевские, известный ученый П. П. Семенов-Тян-Шанский, писатель — нобелевский лауреат И. А. Бунин). По отцу Анна происходила из древнего боярского рода Юшковых.

Мать девочки, Варвара Афанасьевна, жила в имении своих родителей — Афанасия Ивановича Бунина и Марии Григорьевны Безобразовой. Рождение писательницы связано с курьезным случаем. Будучи на сносях, Варвара Афанасьевна вместе с родственниками поехала в Москву, но поездка не удалась: уже в тридцати верстах от имения начались схватки и в придорожном сарае раньше срока она родила девочку, которую и назвали Анной.

До восьми лет девочка воспитывалась вместе с Василием Жуковским, которому приводилась

племянницей. Будущий поэт был старше ее всего на три года. Дети быстро подружились, тем более Варвара Афанасьевна очень любила маленького брата и стала его крестной матерью, а уже будучи замужем, фактически приняла его в свою семью. Вместе со своим мужем Петром Николаевичем Юшковым, кстати, близко знавшим книгоиздателя Н. И. Новикова, заботилась об образовании единокровного брата Василия. Все это впоследствии позволило Василию Андреевичу называть Анну одноколыбельницей, а Варвару Юшкову — хранительницей своего детства.

* * *

Из купеческого Белёва в сторону Волхова и дальше на юг через Орёл идет старинный тракт. За городом раскинулись поля и деревни, остатки когда-то дремучих лесов, и ныне от них остались только небольшие заповедные пущи. Вот, например, такой Васькин лес встречал гостей по дороге в Мишенское. Там, на Васькиной горе, как рассказывает местное предание, прятался самый прославленный в здешних краях разбойник и душегуб Васька Кудеяр.

Деревянный помещичий дом был просторный, со светлыми горницами и портретами предков

на стенах, выходцев из Польши, рыцарей Буникевских. С утра до ночи суета: то прислуга готовит хлебосольный обед, к которому частенько съезжаются соседи, — Левшины из Темряни, Черкасовы; то горничная подает чай, а за столом ведутся разговоры о судьбах страны и нынешнего урожая, о ценах на хлеб и телятину, о литературе. Всё это маленькая Анна и Василий впитывают как губка.

Неизвестно, был ли ее дедушка любителем чтения, но вот бабушка, не знавшая иностранных языков, не жалея денег выписывала из обеих столиц чуть ли не все издания на русском языке. Она обожала как переводные издания, так и творения отечественных стихотворцев — Ломоносова, Сумарокова, Державина. В Мишенском собралась громадная библиотека из русских книг, где были и все тома, изданные типографией Н. Новикова. Видимо, бабушке Анны, Марье Григорьевне, и ее родителям мы обязаны тягой девочки, да и Василия Жуковского, к литературе.

* * *

В 1790 году семья Юшковых переехала в Тулу, куда перевели на службу дедушку Анны — Афанасия Ивановича Бунина. Городская жизнь

губернского города отличалась от размеренного, тихого быта деревни. Очень скоро дом семейства Юшковых в Туле стал одним из центров интеллектуальной жизни города. Здесь звучала музыка, спорили о политике, обсуждали литературные новинки. Мать девочки-Варвара Афанасьевна — хорошо музицировала и слыла завзятой театралкой. Эту любовь она привила и трем своим дочерям (одна из них — Авдотья Петровна, впоследствии мать известных славянофилов братьев Киреевских и хозяйка известного литературного салона в Москве). Сами Юшковы ставили любительские спектакли, в которых постоянно участвовал и Жуковский. Анна же была не только талантливой актрисой, но и неплохо рисовала. Детям разрешалось присутствовать на репетициях, а в 1795 году по пьесе Василия Жуковского была поставлена трагедия, где участвовали все дети Юшковых.

После смерти матери в возрасте 28 лет от чахотки в 1797 году Анна с отцом и тремя сестрами поселилась у бабушки — Марии Григорьевны Буниной. Лето проводили в Мишенском, а на зиму приезжали в Москву. Воспитанием младших Юшковых занялась Екатерина Афанасьевна Протасова, их тетка (в ее дочь Марию был влюб-

лен Жуковский), заменив девочкам мать. Как принято в дворянской среде, девочки изучали иностранные и русский языки, арифметику, историю и географию, знакомились с литературными новинками, для чего был приглашен строгий учитель Покровский. После занятий детям давалась полная свобода: один миг, и в комнатах или на улице поднимались шумные игры.

На лето в Мишенское из московского Благородного пансиона приезжал Василий Жуковский, и тогда учебные занятия словесностью становились особенно интересными: поэт уделял много времени и сил преподаванию, став для учениц и хорошим товарищем. Девочки пробовали переводить романы популярной в те годы французской писательницы С. Ф. Жанлис и драмы А. Коцебу, с восторгом читали произведения Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. К 1800-м годам относятся и первые пробы пера Анны Петровны. Но по-настоящему она занялась литературным трудом только после 1815 года. В этом родственнице также помог Жуковский, ставший на долгие годы ее духовным отцом и учителем. Поэт, чьими стихами восторгалась вся образованная Россия, становится литературным наставником Анны.

Жуковского в те годы горячо интересовали

вопросы воспитания детей. В 1817 году он был назначен учителем русского языка будущей императрицы Александры Федоровны, супруги великого князя Николая Павловича (впоследствии — император Николай I). Среди его учеников были великая княгиня Елена Павловна (супруга великого князя Михаила Павловича), будущий император Александр II, дочери Николая I — Ольга и Мария.

Подготовка к занятиям требовала отдачи всех сил. Жуковский привычно много читает. Его интересует не только литература и язык, но и география, история и даже арифметика. Он составляет планы обучения своих августейших подопечных. В занятиях отрабатывалась педагогическая практика поэта, в том числе обдумывались проблемы постановки школьного образования в России. Поэт понимал, что срочно требуется детская литература, написанная понятным и доступным языком. А юного читателя в то время, конечно, интересовали сказки, истории из жизни простого народа, рассказы о природе, путешествиях, жизни далеких народов, но особенно прошлое России. Страна ведь только-только одолела Наполеона, русскими войсками был взят Париж и теперь победители возвращались из

заграничного похода. В образованном обществе царил небывалый духовный подъем, любовь ко всему французскому наконец-то отошла на второй план и во всех сословиях проявился жгучий интерес к народной культуре…

Жуковскому требовались помощники, и он обращается к своим близким — друзьям детства. «Я давно придумал для вас всех работу, которая может быть для меня со временем полезна. Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания? Это значит заставлять себе рассказывать деревенских наших рассказчиков и записывать их рассказы. Не смейтесь! Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимание», — взывал поэт в письме к Анне Петровне в 1816 году.

Поэтика русского фольклора являла собой богатейшее духовное начало народа — народа-героя, победителя Наполеона. Это прекрасно понимал Василий Андреевич, глубоко ценивший богатые традиции устного народного творчества. А уважать прошлое своего народа, учиться доброте должны все. Начинать это обучение нужно с самых маленьких. Если ребенок станет любить свою родину, любить людей, значит, из него вырастет хороший человек и гражданин. Для детей

следовало создавать хорошие книги, призывающие к доброте и послушанию, рассказывающие обо всем, что их интересует, будь то сказка, рассказ об увлекательном путешествии или о жизни такого же ребенка, как и сам юный читатель. Жуковский подбирает для Анны Юшковой подходящие книги, советует, подсказывает, на что обратить внимание и как писать. И девушка внимательно следует советам своего наставника.

* * *

В январе 1817 года Анна выходит замуж за лейтенанта черноморского флота Егора Васильевича Зонтага. Фигура этого незаурядного и обаятельного человека настолько интересна, что нельзя не представить его читателю. Е. В. Зонтаг родился в Филадельфии (США). В 1811 году он поступил на службу в русский флот. А когда в 1812 году армия Наполеона вторглась в Россию, он перешел в сухопутную армию. Заграничную кампанию 1813–1814 годов он провел в составе Дерптского конно-егерского полка, ас 1816 года Егор Васильевич вновь на флоте. В 1828–1830 годах он служит капитаном порта в Одессе и инспектором городской карантинной конторы. Оставив морскую службу в 1830 году, Зонтаг проживал с

семьей в Одессе до своей смерти, наступившей в 1841 году.

Брак Анны Петровны оказался на редкость счастливым. Егор Васильевич, образованный и умный человек, понимал увлечение жены литературой, помогал в ее занятиях, подсказывая сюжеты или редактируя переводы. Американец пришелся по душе и В. А. Жуковскому. В письмах Анне Петровне поэт всегда с глубоким уважением вспоминал и о «милом Зонтаге». А встречи Жуковского с другом детства Аннет становились всё реже, потому что он живет в Петербурге, а супруги — почти безвыездно на юге России: то в Одессе, то в Крыму и в Николаеве, и только переписка связывает их. Зонтаг доверяла письмам самое сокровенное, советовалась в выборе тем для своей литературной деятельности. Поэт направлял ее интересы, подсказывал, к каким изданиям стоит обратиться при работе над тем или иным сочинением.

Вокруг семьи писательницы не было диких просторов, ведь тогда Одесса была культурным центром южной части империи. Здесь чувствовалась близость неспокойной Европы, было много иностранцев. Супруги Зонтаг входили в круг близких знакомых генерал-губернатора М. С.

Воронцова и его жены. Посещали они и местный литературный салон жены таврического губернатора В. Д. Казначеевой, где собирались чиновники и литераторы и среди них В. И. Туманский, Н. И. Гнедич, С.Е. Раич, Ф.Ф.Вигель и, конечно, сосланный на юг А. С. Пушкин. Анна Петровна не замкнулась в семейном и литературном кругу, ее интересовали все события, происходившие как в России, так и за рубежом.

* * *

Вернемся к литературе. Анна Зонтаг с интересом взялась за предложенную Жуковским работу. Много читала, писала, переводила. В начале 1820-х годов несколько небольших ее переводов вышло под редакцией поэта в журнале «Вестник Европы». Но далеко не всё удалось издать. До сего дня сохранилась рукопись переведенной ею в те годы фантастической повести анонимного автора «Гость-мертвец».

Первой большой работой Анны Петровны принято считать перевод «Эдинбургской темницы» Вальтера Скотта. Основой послужило одно из французских изданий этого произведения. Критика отметила, что перевод романа «очень хорош». Начало было положено. Но Жуковский

всё просил об изданиях, которые непременно могли бы войти в постоянный круг детского чтения. И опять начались поиски отечественных и зарубежных источников, и следом кропотливая работа над рукописями, их внимательный просмотр и исправление, отработка слога. Считалось, что юному читателю нужны небольшие повести или рассказы, написанные легко и доступно.

Как всегда, книгами и добрыми советами помогает Жуковский. Он уже познакомился с ее первыми опытами на этой стезе и уверяет своих знакомых, что Анна Зонтаг — прирожденная детская писательница. В конце концов ее прямая обязанность перед обществом поделиться, как матери (в 1824 году у Анны Петровны родилась дочь), опытом воспитания с другими родителями, и лучше всего это сделать с помощью книг. Вот что он писал ей:

«У вас много в душе богатства, в уме ясности и опытности; вы имеете решительный дар писать и овладели русским языком… Как умная мать, которая знает свое ремесло, ибо выучена ему любящим сердцем, здравым умом и опытом, пишите о том, что знаете сами в науке воспитания: теперь — просто повести, а со временем соберите в одну систему и правила, коим сами следовали. Пере-

дайте свою тайну другим матерям: поле, которое можете обработать, неограниченно и неистощимо. Для распространения и приведения в порядок мыслей своих загляните в лучшие книги воспитания и нравственной философии, а потом бросьте их и пишите свое. Вы не обманетесь и не обманете других, ибо напишете свое, взятое из существенной жизни и только обдуманное простым умом, не отуманенным предрассудками и умствованием…»

И, вняв, А. П. Зонтаг старалась следовать этим советам всю свою жизнь. Воспитанная на христианских идеалах семьи и любви матери к ребенку, эти идеи она и стала трансформировать в своем творчестве. Вдобавок все произведения для детей перед публикацией писательница читала детям, проверяя на них всё новое. Зонтаг транслировала женский взгляд на литературу, в том числе детскую, следуя заветам Жуковского. Собирательный образ матери, идеальной матери-наставницы ясно виден в ее детских произведениях, в том числе и в воспоминаниях о В. А. Жуковском, оттого чувствуется, что они явно приукрашены и в них сглажены острые углы. Следует согласиться с мнением современной исследовательницы творчества Зонтаг — О. В. Кирьяновой, на чью

статью «Феномен “писательницы для детей”: А. П. Зонтаг (Юшкова) — личность и литературное творчество» (2008) мы во многом опираемся в своем очерке, что духовное пространство «нравственной матери», лелеющее душу ребенка, Анна Петровна мыслила в координатах православия и русской литературы, в которой определяющими эстетическими и этическими ценностями для нее были произведения Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Жуковского и Пушкина.

* * *

В начале 1830-х годов издаются первые книги Анны Зонтаг, предназначенные как для детей, так и для взрослых. Среди них — небольшие повести, рассказы и авторизованные сказки (Девица-Березница: сказка для детей; Слуга и господин: сказка; Одесский альманах на 1831 год; Повести и сказки для детей. СПб., 1832–1834; Детский рассказчик. М., 1834 и др.). Их основу составляли собственные произведения писательницы и переводы из произведений французских, немецких и английских авторов — И. Г. Кампе, Ф. П. Гизо, П. Бланшара, А. Беркена, А. Бертена.

Остановимся на первом собственно авторском произведении Анны Петровны «Девица-Берез-

ница», которая вышла отдельным изданием в Одессе в 1830 году. Оно, кстати, тоже имеет зарубежный источник — это перевод с немецкого языка. Под пером талантливой писательницы данная сказка, как, впрочем, и другие детские произведения, приобретает оригинальное звучание и небольшой национальный колорит — в тексте показаны русские обряды, употреблены слова из народной речи, бытовые зарисовки, символика, легко узнаваемые среднерусские пейзажи. Конечно, внимательный читатель сразу приметит отличия произведения от традиционных русских народных сказок, но не станем забывать, что в это время только формируется жанр литературной сказки. Так вот уже начало сказки необычно — угольщик с женой живут в глуши и озадачены, как бы им крестить единственную дочь. Совершить обряд им соглашается монах-отшельник, но вот проблема — некого позвать в крестные. По дороге к монаху угольщик встречает прекрасную девушку «в одежде белой, как снег», с зеленым покрывалом на голове. Здесь очень интересно зрительное восприятие данной сцены — чумазый угольщик, закопченный, пропахший дымом (уголь жгли в лесу в ямах, и рабочие, находясь в дыму, постоянно следили за

этим непростым процессом), и девица в ярко-белых одеждах с зеленым покрывалом. Чем вам не лесной ангел, выводящий заблудшую душу из леса на правильный путь?

Так вот, чудесная Девица-Березница сама предлагает стать крестной матерью новорожденной. В конце концов отец соглашается, и девица дарит своей крестнице скромные подарки — березовый крестик, крестильную рубашечку, шапочку, простынку и вместо серебряной ложечки березовую. Когда уже подросшую единственную дочку избаловали родители, крестная принесла еще один подарок-березовые ветки (розги). И когда непослушная Бетула начинает плохо себя вести, капризничает, оскорбляет родителей, прутик сам собой начинает ее шлепать, а родителей-по рукам, если они этому препятствуют. Воспитательный эффект очевиден: из ребенка вырастает прекрасная дочь, а также наказаны и родители, потакающие детям, тем самым растя из них безнравственных созданий.

Трудно отыскать подобный сюжет в мировом, в том числе в русском, фольклоре. В сказке легко увидеть отсылки к западноевропейской сказке «Золушка», ведь по всей стране князь разыскивает стряпуху, умеющую приготовить лакомство,

которое он отведал в хижине угольщика. Только Бетула (на латыни — береза) справилась с этой задачей, явившись во дворец, по совету крестной, в скромном (у автора — в дурном) платье, но после приготовления каравая она переодевается в роскошное белое платье, переданное ей Девицей-Березницей, что очень похоже на традиционное сказочное преображение главного героя, часто после кульминации меняющего свой облик. Князь сражен наповал красотой и мастерством простой девушки и, безусловно, женится на ней. Традиционные сказочные приемы и мотивы смело переплетаются с авторскими находками и просветительскими идеями XVIII–XIX веков. Повествование неторопливо, изложено простым языком, который даже сейчас, несмотря на прошедшие почти два века, кажется разговорным, правда, устаревшие слова и обороты несколько затрудняют чтение современным читателям, но в целом необычный сюжет интересен. Зато нравоучительности и дидактики — хоть отбавляй, потому не стоит удивляться, что молодой В. Г. Белинский очень сильно сердился на пожилую Зонтаг. Кстати, розги писательница еще раз использует в другой сказке, которая так и называется «Кнутик в мешочке».

* * *

Говоря о вкладе Анны Петровны в создание и разработку русской литературной сказки, отметим вместе с современными исследователями, что писательница стремилась познакомить русского читателя с лучшими произведениями мировой сказочной культуры и составить из них доступный корпус детского чтения.

Несколько раз писательница предпринимает попытки создать литературные сказки в русском духе, например: «Девица-Березница», «Кнутик в мешочке», «Господин и слуга». Как отмечалось выше, в них мы находим лишь фрагменты стилизации в народном духе, пусть робкую, но всё же ясную попытку создать русскую «мужицкую» сказку. И всё равно даже неискушенному читателю ясно видна западноевропейская основа, на которой созданы эти произведения.

В своих сказках Зонтаг не скрывает педагогические функции, тем самым определяя специфику жанра. Во главу угла ставится педагогическая задача воспитания ребенка в христианской семье. Писательница переделывала сказки, которые она брала за основу для своих произведений, как она считала, кажущиеся грустными для детей,

также отказывалась от решения каких-либо социальных задач, останавливаясь на семейно-бытовых отношениях. Данное обстоятельство не свойственно народным сказкам.

Несколько произведений имеет выраженные сатирические оттенки, также подчиненные воспитательным целям: «Господин и слуга», «Карлик со скрипкою», «Кнутик в мешочке», «Волшебница», «Рауль Синяя борода», «Спящая красавица».

Сказки Анны Петровны в первую очередь адресованы детям в отличие от сказок А. Пушкина и других авторов того времени, которые, безусловно, обращались ко взрослой аудитории и попали в детскую гораздо позже. Потому-то она скрупулезно относится к возрастным особенностям своих читателей и старается всё излагать сообразно детскому восприятию. В своих произведениях Зонтаг постоянно показывает связь между поступками героев в детстве и дальнейшей взрослой жизнью ребенка, что достаточно редко встречается в литературных сказках. Использует писательница как положительных, так и отрицательных героев, усиливая на противопоставлении моральную линию.

Сюжеты в сказках Зонтаг всегда достаточно понятны и прозрачны, излишне прямолиней-

ны, учитывая возраст, для которого писались произведения, как и отношения, о которых она повествует. Мораль часто вытекает из самого конфликта. Она стремится рационализировать сюжетный вымысел, сделать повествование былью. У нее отсутствует вымышленный рассказчик (кроме переводов из Вильгельма Гауфа). Сказочница рассказывает от третьего лица и открыто высказывает свою позицию в небольших послесловиях для читателей, где повествует, чем закончилась история для каждого персонажа, иногда об этом говорит персонаж.

Речь повествовательницы и рассказчиков отличается выверенностью литературной нормы того времени, хотя в ней и проскальзывают народные выражения, впрочем, отличающиеся изяществом. К сожалению, некоторые слова будут не понятны современному читателю и потребуют специального разъяснения или адаптации — «коты» (женская обувь) или «полика» (оплечник рубашки).

Писательница смело использует образы и постоянные эпитеты из русских народных сказок — «избушка на курьих лапках, на гусиных пятках», «званые гости» («Кнутик в мешочке»); «куда глаза глядят» («Братец и сестрица»). Также

заимствует фабулы сказок, правда, используя и переделывая их по своему усмотрению. Характерна в этом плане сказка «Братец и сестрица», напоминающая народную сказку «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», с несомненным влиянием европейских сказок о Белоснежке. Очень осторожно в своих сказках использует Зонтаг волшебных помощников и волшебные предметы.

Еще одна особенность творчества писательницы: при публикации произведений она впервые разделила детскую литературу на три возраста. Данным делением мы пользуемся до сих пор.

Волшебная сказка — форма, в которой работала Зонтаг, — выступает своеобразным «пражанром» для волшебно-романтической и сатирико-аллегорической сказок, главные функции которых — нравоописательная и дидактическая. Творческая история сказок Зонтаг свидетельствует о том, что русская литературная сказка сформировалась на основе переложения русской народной и западноевропейской и восточной фольклорной и литературной сказки XVIII–XIX веков.

* * *

Разнообразие в запасниках у писательницы достаточно сентиментальных сюжетов содержало четко выраженную идею — «мораль» — читающему или слушающему ребенку внушалась мысль о постоянной необходимости хороших поступков и вообще примерного поведения. Послушание и добрые деяния всегда вознаграждаются судьбой, а проступки, плохое поведение наказываются. Таково, например, ее самое популярное сочинение тех лет «Повести и сказки для детей», состоящее из трех частей (книга была издана А. Ф. Смирдиным). В этот комплект входили небольшие дидактические рассказы, повести, сказки. Некоторые, предназначенные для самых маленьких, были невелики — рассказ или сказка вполне умещались на двух-трех страницах. Этим Анна Петровна, как автор-педагог, преследовала определенную цель — не перегружать память детей, дать возможность запомнить почти дословно всё прочитанное или услышанное. Уже первый рассказ — «Всякий должен работать»-в своем заголовке нес четко выраженную мысль о постоянной необходимости труда в человеческой жизни («жизнь — это труд»). Героиня другого по-

вествования «Софьинька» пошла с няней, чтобы купить себе живую птичку. Но по дороге им повстречалась бедная женщина с детьми. Девочка отдает неимущим свой завтрак и деньги. Мать, узнав об этом поступке, награждает Софьиньку: она получает любимое блюдо и птичку в подарок. Мораль чересчур проста и даже рискованна, но понятна ребенку — добрый поступок скоро вознаграждается.

Особенно нравилась читателям повесть «Оленька и бабушка ее Назарьевна», рассказывающая о судьбе доброй девушки-подкидыша и об удочерившей ее бедной вдове. Сюжет ее Анне Петровне, рано оставшейся без матери, был навеян воспоминаниями о детстве, проведенном в Белёве. Об этом упоминал литератор П. А. Плетнев в одном из своих писем к Жуковскому. Несомненно, «Оленька» — лучшая из повестей, напечатанных в книге. Здесь с неподдельной искренностью изображается жизнь небольшого уездно-

го городка той поры, показывается, что ребенок, оказавшийся в беде, не брошен, ему приходят на помощь. Поиск истины, выхода из сложных ситуаций, куда угодил главный герой, изменение характеров героев — всё это делает сюжеты

занимательными. Главная идея творчества Анны Петровны — будь счастлив счастьем близкого человека. Эта мысль была близка и В. А. Жуковскому, и в кругах, в которых вращалась писательница. Разве не актуален лозунг для нашей современности, погрязшей в индивидуализме, угрожающем не только человечеству, но и существованию всей планеты?

На первый план Зонтаг выдвигает одну из главных ценностей семьи, которая остается весьма злободневной и в наше время, — это внутрисемейное общение, моральная поддержка друг друга. В основе ее сюжетов лежат ситуации морально-этического выбора, в котором могут оказаться как герои, так и читатель. Обращается писательница и к восточным сюжетам, заимствованным, без сомнения, из европейских источников (арабские сказки «Туфли» и «Три друга», персидская «Узы любви»), вводя их в мир русской культуры. Переводом с английского языка повести «Три мальчика» дебютировала в книге восьми летняя дочь Анны Петровны — Маша.

Очень скоро «Повести и сказки для детей» стали популярным и необходимым чтением во многих семьях. Хорошо иллюстрированное сочинение (среди картинок были и цветные),

несложные тексты которого содержали выделенные курсивом (так лучше запоминалось детям) «добронравные» истины, как нельзя лучше отвечало педагогическим исканиям родителей той эпохи.

Из оригинальных произведений А. П. Зонтаг, предназначенных для детей, нельзя не упомянуть и двухтомную «Священную историю для детей» (СПб., 1837). Много труда было затрачено на эту работу. Но результат превзошел все ожидания. Книга была издана большим тиражом и сразу же завоевала огромную популярность. Неоднократно переиздавалась (последнее, 9-е издание вышло в 1871 году), что приносило постоянно нуждающемуся автору немалый доход. Написанная доступным языком книга знакомила детей со всеми сложными перипетиями «священной истории», изложенной в Библии. Через два года после выхода в свет первого издания «Священной истории» Зонтаг получила половинную (малую) Демидовскую премию, присуждаемую Академией наук.

Также большим спросом у читателя пользовались «Три комедии для детей» (СПб., 1842) — иллюстрированная прекрасными цветными гравюрами книга. Сюжеты двух первых комедий

— «Подарок на Новый год» и «День рождения» — проникнуты особой религиозностью и заимствованы, вероятно, из произведений французского историка-писателя Ф.П. Гизо и английской писательницы-педагога М. Эджуорд. Третья комедия — «Вексель» — сочинена самой Анной Зонтаг.

Произведения Зонтаг пронизаны человечностью, к необходимости которой в поведении каждого пытается склонить своих маленьких читателей писательница, разрушив в них презрительное отношение к простолюдинам, а в итоге — к своим крепостным.

* * *

Много лет собирала Анна Петровна сказки. Жуковский предложил ей составить несколько сборников, куда бы вошли не только русские, но и зарубежные сказки. Хлопоты по изданию этой антологии взял на себя П. А. Плетнёв. Основным источником послужили, конечно, ранее изданные сборники. Ими активно пользовались авторы, писавшие сказки в 30-х годах. В это время всё активнее и активнее некоторые из литераторов и ученых — В. И. Даль, А. С. Пушкин, М. А. Максимович, П. В. Киреевский — собирали народные сказки, услышанные от крестьян, запи-

сывали тексты. Анна Петровна, к сожалению, не могла последовать их примеру: был тяжело болен муж, на поездки в Центральную Россию для сбора материала не хватало средств. Мишенское приносило мало дохода, а часто, наоборот, требовало вложения собственных средств. Неурожай 1840 года в центральных губерниях России вызвал голод. Ей пришлось посылать деньги в имение, «чтобы кормить мужиков и покупать семена для обсевания полей». Улучшить материальное положение семьи Зонтаг могло только издание сборников сказок.

Из Петербурга Анне Петровне посылают книги — сказки, предания, легенды. Однако не всё подходит. Писательница пишет в столицу, что тексты некоторых изданий «не пахнут ни древностью, ни народностью». Вероятно, Плетнёв посылал Анне Петровне литературные подделки литераторов, писавших и издававшихся на потребу демократического читателя — низшего чиновничества, купцов, мещан, грамотных крестьян, не отличавшихся высоким и притязательным вкусом. Особенно интересовало Зонтаг уже ставшее редкостью собрание ее земляка и соседа В. А. Лёвшина «Руские сказки», изданное в 1780–1783 годах известным просветителем Н.

И. Новиковым. И вот из Петербурга прибывают просимые ею все десять томов. Круг замкнулся: лёвшинское собрание — основа написанных Анной Зонтаг двенадцати русских сказок. Среди их героев — богатыри Добрыня Никитич и Василий Буслаевич, Илья Муромец и Алеша Попович, богатый новгородский купец Садко и страшная Баба-яга. Из зарубежных сказок, предложенных для антологии, известна одна, в основе которой была индейская легенда о происхождении женщины. Это «Американка». Анну Петровну познакомил с ней муж Е. В. Зонтаг.

Но, к сожалению, издать полностью готовую антологию не удалось. Издатель и книгопродавец недорогих книг для народа А. Ф. Смирдин, который вначале положительно отнесся к публикации сказок Зонтаг, после подготовки в 1840 году первого тома отказался печатать его у себя. Это было вызвано значительными финансовыми затруднениями его книгоиздательской фирмы. Также неудачей завершилась ее работа над переводом и составлением для детей сборника сказок «Тысяча и одна ночь», которую писательница вела вместе с сестрой А. П. Киреевской-Елагиной. Узнав, что в 1839 году в Петербурге уже вышел такой сборник, Зонтаг прекратила свои занятия.

Обратиться к восточным сказкам предложил Жуковский, сам работавший над поэмами «Наль и Дамаянти» и «Рустам и Зораб». Поэту очень хотелось, чтобы эти переводы восточной литературы были восприняты русским читателем как современное чтение. Восточная тема не исчерпалась неудачей со сказками «Тысяча и одна ночь». Среди написанных Зонтаг для детей повестей, сказок, легенд имеется несколько восточных: «Видение мурзы» (Одесский альманах на 1839 год), «Мудрый судья» и «Наказанная скупость» (Новые повести для детей. СПб., 1847); перевод сказок Вильгельма Гауфа-«Похождения маленького Мука», «Калиф-Аист», «Мустафа», «Купец Целенхое» и другие (Сказки в виде Альманаха на Светлое воскресенье 1844 года. М.).

Издательские неприятности 1839–1840 годов не единственное испытание, которое ждало Анну Петровну Зонтаг. Тяжелый удар обрушивается на нее в 1841 году — умирает Егор Васильевич. А через год из России уезжает дочь Маша, вышедшая замуж за австрийского консула в Одессе Гутмансталя. Счастливая семейная жизнь кончилась, Анна Зонтаг остается в одиночестве. Но надо как-то дальше жить, и она, не сломленная, продолжает работать.

* * *

В 40-е годы в критических рецензиях появляется новый, чуждый прежде детской литературе подход, когда рецензенты пытаются определить, в какой степени оригинальна та или иная детская книга. Видимо, в это время в литературе происходило размежевание оригинальных авторских текстов и переводных, долгая эпоха часто анонимных пересказов уходит в прошлое. Сама по себе идея приличная, следовало наконец-то начать отрываться от материнского лона европейской литературы и сотворить что-то свое. Одной из первых жертв подобного рода разграничений оказалась Анна Петровна. Так, журнал «Москвитянин» упрекнул ее в том, что она якобы под своим именем издала французскую повесть. Конечно, писательница отвергла факты присвоения чужого произведения. Также следует учесть, что начиная с 30-х годов популярность литературной сказки у читателей падает ввиду того что, как тогда считалось, она мешает развитию ребенка, и предпочтение отдавалось повестям познавательного или описательного характера. Волшебные силы представлялись надуманными и, следовательно, вредными. Только в 50-е годы

XIX века литературная сказка будет вновь реабилитирована…

* * *

После смерти мужа Анна Петровна живет на скромную пенсию. Денег не хватает, имение почти не приносит доходов, одна надежда на издание новых сочинений и переиздание старых. «Бедная моя литература! Она для меня есть не что иное, как нужда», — откровенно пишет она Плетнёву. Лишь второе (1841) и третье (1843) издания «Священной истории» и публикация в 1842 году «Трех комедий для детей» на некоторое время поправляют ее финансовое положение. В 1844 году писательница покидает Одессу и возвращается в родное Мишенское. В деревенской тиши продолжает она свою работу. Иногда выезжает в Москву проведать родных или договориться с издателями о публикации книг. Здесь Анна Петровна знакомится с А. О. Ишимовой. Зонтаг давно известно это имя, она с симпатией следит за писательской деятельностью издательницы детского журнала «Звёздочка». Анна Петровна и сама пыталась организовать периодическое издание для детей, но дело расстроилось. Теперь «мишенская затворница» будет постоянной со-

трудницей журнала Ишимовой, публикуя здесь переводы сказок и повестей.

Как и прежде, ее единственная опора в литературе и в жизни — дружба с В. А. Жуковским. Семейные обстоятельства поэта сложились так, что после женитьбы (в 1842 году) он почти безвыездно жил в Германии. В своих письмах в Мишенское Жуковский всё чаще вспоминает детство и юность. Он восхищен цепкой памятью Анны Петровны: она помнит многое из уже далекого прошлого. Поэт настаивает, чтобы Аннет села за семейные воспоминания, посылает наброски своих мемуаров, торопит: «Скорее, скорее возьмитесь за перо, и вы возвратите себе и мне наше прошедшее». И Зонтаг, поддавшись многочисленным уговорам, наконец-то садится за эту работу. Так появился «Рассказ о Жуковском», в котором описан эпизод из дерптского периода жизни поэта, затем — «Воспоминания о детстве Жуковского», напечатанные в «Москвитянине» по случаю 5 0-летнего юбилея его литературной деятельности (1849). Впоследствии эти рассказы послужат важным источником для исследователей творческой биографии В. А. Жуковского.

В переписке Анну Петровну интересует всё: как живется Жуковскому, обрел ли он наконец

счастье, над чем работает. В апреле 1852 года долгую переписку, тянувшуюся всю жизнь, прервала смерть В. А. Жуковского. Анна Петровна передала письма друга Плетнёву, готовившему к печати собрание сочинений поэта.

В 1840-е годы писательница с увлечением принялась за работу над биографиями знаменитых людей античного мира. Эту идею ей подсказал Петр Александрович Плетнёв. К 1851 году были подготовлены к изданию «Избранные жизнеописания знаменитейших людей в древности: ручная книга для детей, обучающихся истории». Материал охватывал всю античную историю, знакомил с бытом и нравами народов Древнего Востока, Греции, Рима. Зонтаг представила свой труд в Московский цензурный комитет, надеясь вскоре издать книгу. Но вдруг всё застопорилось — в рукописи были найдены «сомнительные места». Новая книга Анны Петровны «в нравственном отношении», по мнению цензуры, была… не очень выдержана. Обвинение в «безнравственности» было оскорбительно, и она решила не издавать рукопись. К счастью, этот случай не повлиял на дальнейшую литературную деятельность писательницы. Она продолжает заниматься переводами, готовит к очередному

переизданию «Священную историю». Но денег катастрофически не хватает, урожаи в поместье малы, книги издаются не часто, а Анна Петровна всё продолжает помогать уехавшей за границу дочери.

* * *

После смерти Жуковского из Петербурга к ней обратились с предложением о продаже Мишенского наследнику (будущему императору Александру II) с тем, чтобы он подарил поместье детям Жуковского. Всё это могло наконец-то поправить ее материальное положение, ведь усадьба без крупных вложений разрушалась — прорвало каскад прудов, соломенная крыша барского дома течет, все строения имения (а они были деревянные) приходят в упадок, тем более ее дочь Мария, проживающая в Вене, как гражданка иностранного государства, не могла наследовать имущество матери. Но Анна Петровна упорствует и не может решиться на такой шаг. Мишенское для нее слишком много значит — это детство, родные, Жуковский. И потом — она страшится за судьбу крестьян при новых владельцах. «Почти каждого крестьянина и каждую крестьянку я знала по имени, и нет ни

одного человека, которому я бы не делала добра; им всем хорошо жить при мне, следовательно, все они меня… любят, и я стану продавать эти христианские души, которые называют меня матерью! При самом Жуковском крестьянам… было бы еще лучше, чем при мне; не так будет при детях его. Пока они в малолетстве, имение их достанется в управление лифляндским дворянам и лифляндским управителям, которые крестьян вообще, особливо русских, считают рабочим скотом, сотворенным господом только для того, чтобы доставлять помещикам доход. Несчастье бедных моих крестьян и в могиле не даст мне покоя», — так Анна Петровна объяснила свой отказ в письме к П. И. Бартеневу от 25 сентября 1853 года. Много уважения к простым людям можно увидеть в этих словах писательницы.

Анна Петровна была исключительно скромным человеком. В 1856 году тульский губернатор обратился к писателям — уроженцам губернии — с просьбой пожертвовать книги для городской публичной библиотеки. Получив послание, писательница передала библиотеке свою «Священную историю». В сопроводительном письме она подчеркивала: «Я никогда не имела притязания на почетное звание писательницы,

довольствовалась скромным именем детской сказочницы и радовалась непритворным одобрениям малолетней публики». Но имя А. П. Зонтаг не забыто в литературных кругах. В 1858 году Общество любителей российской словесности почтило писательницу избранием в свои члены.

В Мишенском по-прежнему протекала одинокая жизнь Зонтаг, ее одолевали болезни. И всё-таки Анна Петровна продолжает самоотверженно работать. В 1861 году она выпустила в свет перевод «Истории Англии» Ч. Диккенса. Эта новая работа, рассчитанная как на юного, так и на взрослого читателя, имела колоссальный успех. Известный демократ, популяризатор литературы и педагог Ф.Г. Толль в своем обстоятельном обозрении «Наша детская литература» (1862) отмечал, что еще не было ничего подобного этой книге как по живости рассказа, так и по «художественной рельефности картин и образов…».

Незадолго до смерти писательница успела подготовить и издать еще несколько книг для детского чтения. Скончалась великая труженица детской литературы 30 марта 1864 года в селе Мишенское, похоронена там же, в семейном склепе. На холме, на котором находилась усадьба, еще лежал снег с первыми проталинами, а в запу-

щенном парке по-прежнему властвовала зима. Еще немного, и оживут заснеженные мишенские поля, а красавица Ока в половодье с грохотом погонит к Серпухову серые льдины. Но блестящие черные грачи, немилосердно шумя на всю округу, уже принялись готовить гнезда, следом явятся стайки скворцов, а ближе к маю взовьется в небо и жаворонок. Вечная жизнь расплещется по земле, запоет, зазвенит на тысячи голосов.

Где-то здесь в усадьбе, поблизости, ее любимый друг и поэт Василий Жуковский когда-то написал:

Пришла весна! Разрушив лед, река
Прибрежный лес в волнах изобразила;
Шумят струи, кипя вкруг человека…

* * *

Для современников смерть А. П. Зонтаг не прошла незамеченной. Историк-пушкинист П. И. Бартенев, хорошо знавший писательницу, в нескольких строках некролога удивительно точно определил значение ее творчества: «Дружба с Жуковским наложила печать простоты и задушевности на ее произведения. Она любила свое дело. Невозможно было без глубокого уважения

глядеть на эту женщину, которая в маститой старости сохранила всю свежесть чувства и ума и на восьмом десятке не переставала трудиться для общей пользы». Здесь же он сообщил, что Анна Петровна не успела завершить популярную астрономию для детей.

«Не блестит, но светит потихоньку» — таков был девиз писательницы А. П. Зонтаг. В русскую литературу она вошла не только как автор книг для детей. Наследие писательницы за период литературной деятельности весьма обширно. Кроме уже упомянутого перевода «Эдинбургской темницы» Вальтера Скотта, воспоминаний о Жуковском увидела свет также ее сатирическая повесть «Бальзак в Херсонской губернии», напечатанная в журнале «Современник» в 1838 году. Увы, многое издать ей не удалось. В рукописном отделе Российской государственной библиотеки хранятся оригинальные рассказы и переводы, сделанные Анной Петровной, русские народные загадки, собранные специально для П. В. Киреевского. Всё это еще ждет своих исследователей, издателей и читателей.

Современники Анны Петровны — В. А. Жуковский, П. А. Плетнёв, В. И. Даль, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, П. А. Вяземский — ценили ее как писа-

тельницу для детей и биографа первых лет жизни Жуковского. И. В. Киреевский в письме-статье «О русских писательницах» (1833), адресованном Зонтаг, выделяет ее, «которой труды-добро, которая в сочинениях ищет не блеска, но пользы». Последняя в XIX веке книга Зонтаг — «Сочельник пред Рождеством Христовым, или Собрание детских повестей и рассказов…» — вышла в свет в 1880 году. В периодических изданиях ее сочинения и переводы печатались с 1810-го по 1904-й. Более восьмидесяти лет-с 1905 по 1988 годы-произведения Анны Петровны были практически не известны российскому читателю. Биография и библиография, краткая характеристика литературной деятельности Зонтаг представлены в словарных статьях энциклопедий конца XIX — начала XX веков, где она позиционируется как «известная» или «популярная» детская писательница первой половины XIX века и племянница В. А. Жуковского. Последняя в советское время словарная статья о ней дана в «Литературной энциклопедии» (М., 1930). В академических трудах и вузовских учебниках по истории русской и детской литературы имя ее упоминается в единичных случаях. Н. А. Бекетова в очерке 1927 года характеризует А. П. Зонтаг как профессиональ-

ную, «реакционную», «типичную писательницу для детей». В учебнике А. П. Бабушкиной «История русской детской литературы» (1948) писательница также упоминалась не в лучшем свете, в числе «реакционных» авторов, создававших для юношества исключительно религиозную литературу. Только М. Ш. Файнштейн в своей книге «Писательницы пушкинской поры», изданной в перестроечную пору, в 1989 году поместил очерк о писательнице «Наставницы юных» (А. П. Зонтаг, А. О. Ишимова, Л. А. Ярцева), который мы тоже использовали, и реабилитировал ее имя, справедливо указав, что «имя Зонтаг забыто, его не найти в изданиях по истории русской литературы 1950-80-х годов».

Полноценно возвращается имя писательницы только в 80-90-е годы XX века. Новый этап в изучении и, главное, в публикации наследия забытой писательницы ознаменовая выходом перестроечного сборника «Литературная сказка пушкинского времени» (М., 1988); изданием уже в новой России ее «Волшебных сказок» (М., 1992), «Рассказов и сказок» (Краснодар, 1998); книги «В. А. Жуковский в воспоминаниях современников» (М., 1999), хрестоматии «Русская детская классика» (М., 2002).

* * *

Последовательница эстетических и педагогических воззрений В. А. Жуковского, Анна Петровна Зонтаг создавала книги для образованного, в основном дворянского, «семейного круга» 1830-40-х годов. Она одна из той плеяды литераторов, с которых начиналась русская детская литература. Сегодня ее сказки и рассказы можно найти разве что в редких сборниках произведений русских классиков. Последняя, скромная, напечатанная на дешевой бумаге книга сказок, около шестидесяти страниц, выходила в 1992 году (издательство «Пресса»). Но произведения Анны Петровны по сей день не утратили своего воспитательного значения — идея добра и милосердия к нуждающимся в помощи людям независимо от их общественного положения, как общий нравственный принцип воспитания, сохраняла высокое моральное значение во все времена. Они по-прежнему могут использоваться как литературные произведения, а также и в воспитательных целях, возможно, после легкой адаптации для современного читателя.

Ау-ау! Мы разыскиваем издателя, который вернет сказки Анны Петровны Зонтаг широкому

кругу российского читателя.

Олег Куимов

Олег Куимов родился 13 ноября 1967 года в Кировакане (ныне — Ванадзор) Армянской ССР

в семье военнослужащего. Обучался в Томском государственном университете на геолого-географическом факультете (гидрология суши). Окончил Литературный институт.

Публиковался в различных изданиях, в том числе в журналах «Луч», «Наш современник», «Север», «Дон», «Нижний Новгород», «Лампа и дымоход», «На любителя» (Атланта), «Южная звезда», «Южное сияние» (Украина) и др.

Лауреат журнала «Сура» за 2016 год, а также нескольких конкурсов и фестивалей: «Славянские традиции», «Славянская лира», им. Гофмана и др. Книга сказок на тему русских народных пословиц и поговорок отмечена «Золотым дипломом» премий «Золотой витязь» и им. П. П. Ершова.

Ведет критическую рубрику в журнале «Отчий край» (Волгоград).

Ныне проживает в Подмосковье.

Религиозно-философская концепция в творчестве Л. И. Бородина

«Литература в России — это вторая религия. Пушкин — наше всё. Не Менделеев, не Циолковский, не Суворов, не Ленин, а именно Пуш-

кин!» — пишет Станислав Куняев. Здесь нет преувеличений ради красного словца. Более того, в советское время литература даже подменила религию, захватив умы и настроения общества. И всё же нет-нет да и проскакивали внезапными искрами отзвуки той прозы, что пробуждала в душе трепетное устремление к чему-то высшему, нежели земные нужды, — может быть, к Богу, а может, к чему-то иному, неосознанному, но в любом случае — за пределы будничного. Подобные мотивы звучали в прозе Василия Белова, Фёдора Абрамова, Юрия Казакова. Но, пожалуй, лишь для одного писателя советской школы лейтмотивом всего творчества стала проблема Богоискательства.

Речь о Леониде Ивановиче Бородине, чьи духовные устремления выстраданы одиннадцатью с лишним годами политического заключения уже в спокойные брежневские времена — за непоколебимость убеждений, основанных на вере в преобразование общества через его христианизацию. И как Фёдор Михайлович Достоевский первое время своего писательства находился в тени Льва Толстого, так и Бородин — в тени Валентина Распутина.

И это удивительно, ведь несмотря на то, что ве-

дущая тема творчества Валентина Григорьевича — духовная связь с родом и личный нравственный долг, — безусловно, важна, более значимой для человека видится тема духовного поиска смысла его существования, отличающая как раз произведения Леонида Ивановича. Помимо Бородина, ни у кого более из писателей после Достоевского в текстуальном полотне не обнаруживается столько закодированных откровений трансцендентного характера. Рассмотрение последних в его творчестве достойно серьёзной литературоведческой работы, поэтому, учитывая критическую «заезженность» хрестоматийной «Третьей правды», хотелось бы рассмотреть их на примере двух произведений, обойдённых, по большому счёту, должным вниманием, — повести «Гологор» и рассказа «Посещение».

Что же нового открыл нам Леонид Иванович после Фёдора Михайловича? Начнём с того, что идею «если Бога нет, то всё дозволено» Бородин преобразовал в видимую художественную реальность. Герои повести «Гологор», сами того не осознавая, поступают соответственно озвученной идее. В результате на наших глазах происходит утрата человечности. Таким образом, как когда-то Достоевский предупреждал импе-

ратора Александра III о грозящем обрушиться на Россию терроре, Бородин предупреждает нас об опасности обезбоживания общества.

На первый взгляд, повесть может показаться, скорее, беллетристической, нежели серьёзной. Очень подробно Бородин описывает жизнь в посёлке, жизненный уклад таёжников. Однако это не случайно. Таким образом он раскрывает нам мир порядка — мир с законом, с упорядоченной системой взаимоотношений. Это образ добра. Затем автор выводит читателя из этого мира в некое антагонистическое Зазеркалье и захлопывает за ним дверь, чтобы явить воочию мир, где закон силы-основа основ.

Человек любопытен по своей натуре и искони жаждал познать, что есть этот непостижимо таинственный и страшный ад. Представления о нём могут быть различными, но существовать преисподняя может только при условии Богооставленности. Вот такую Богооставленность и моделирует Леонид Иванович. По своей сути «Гологор» — прообраз ада, когда каждый в отсутствие гармоничного всеобщего закона устанавливает свой. На авансцену выходит его величество сила, и в итоге тьма поглощает свет, а зло попирает добро.

Что подразумевал Достоевский в своей общеизвестной фразе о том, что красота спасёт мир, точно знал лишь он сам. Тем не менее мы вправе утверждать однозначно, что физическая красота спасает только тогда, когда за ней стоит красота духовная. Она вызывает добрые чувства, а с ними и желание служить ей, подниматься до неё, очищаясь. Зло её не выносит, потому что на фоне света отчётливей проявляется тьма. Вот почему оно стремится подчинить красоту, надругаться над ней. Когда-то Достоевский писал: «Пожар Парижа есть чудовищность. Но ведь им (да и многим) не кажется чудовищностью это бешенство, а напротив, красотою. Итак, эстетическая идея в новом человеке помутилась. Нравственное основание общества… путается в желаниях и идеалах». Вот они, ключевые слова: желания и идеалы. А если последних нет, то первые низводят человека в духовный ад, как это произошло с надругавшимся над женой собственного друга Стёпой, а следом и с простоватым Моней. И только гегелианец Филя, поначалу кажущийся циничным и способным на подлость, удерживается от падения, потому что увлечение философией развило его мышление и одарило спасительными принципами.

В «Гологоре» и «Возвращении» Леонида Бо-

родина прежде всего интересует тема разрыва человека с Богом. Сама по себе гордыня без дел мертва и в материальном мере естественным образом преобразуется в смертоносную силу. Можно много представлять себе картины разрушения и смерти, но ничто более не потрясает, чем простое видение реальной трагедии. Бородин преподносит нам такую возможность. «Вот, — как бы говорит он, — что есть человек, утративший связь с Богом и закон любви. В таком случае узда внутренних запретов не может удержать его от падения». И вместе с автором мы понимаем, что ад лежит в основе личностного перекоса, что он создаётся самим человеком, потому что граница между добром и злом коррелируется, при условии Богооставленности, субъективно и хаотично. Бородин, раскладывая по тексту смысловые ключики, не просто так вкладывает в уста рассуждающего Фили замечание, что каждый человек воспринимает мир через свою грань призмы, а граней — миллионы; и каждая ведёт в свою сторону. И здесь налицо уже литература религиозно-художественная по философскому содержанию. Без данного понимания (!) «Гологор» останется для нас беллетристикой, никоим образом не связанной с выстраданным Бородиным

христианским мировоззрением, а подлинная авторская задумка не обретёт разгадки.

Руководствуясь данной концепцией, можно понять, что содержательно и «Гологор», и «Возвращение» — произведения о Богооставленности, с той лишь разницей, что в первом показано, как от неё (Богооставленности) проистекает природа ада, её принципиальная сущность, а во втором — утрата нравственно-духовных ориентиров. И если с падением Стёпы всё более-менее ясно, то самоубийство беззлобного Мони кажется звеном другой цепи. Однако и то и другое всё равно связано между собой. Так, в «Гологоре» Леонид Иванович сценически представил две основные природы ада — инфернальную гордыню (Стёпа) и рождённую теплохладностью слабость (Моня). «Возвращение» же открывает нам третью составляющую — всепоглощающую страсть, порождённую желаниями. Главный герой Алексей, умеющий летать, в откровенной беседе со священником признаётся: «Самое страшное, отец, это то, что с каждым разом сокращается время, когда я могу не летать… Люди раздражают своим присутствием… Хамом становлюсь… равнодушным… Только летать!..»

Оба эти произведения внутренне перекликают-

ся между собой, как бы продолжая рассмотрение общей для них проблемы путём взаимного перехода из одного текстуального пространства в другое. Одно полотно неразрывно с другим как продолжение общей философской идеи. И вброшенные Бородиным ключики, предваряющие развитие трагедии в сюжете «Гологора», работают на раскрытие общей для обоих произведений проблемы. «Созидающий башню — падёт», — совершенно, как кажется, не к месту изрекает Филя о гордыне. Но вскоре и эта абстракция обретает реальные черты. Ведь поначалу Стёпа показывает образец настоящей мужской дружбы, совершая тяжелейший и кроме него невозможный для Мони и Фили ночной переход через горный кряж к имеющим связь геологам, чтобы спасти помятого медведем Сашку. А затем он же предаёт находящегося в больнице друга, жестоко насилуя его жену и решаясь, если тот появится, убить. И если Достоевского в первую очередь интересует преображающая сила любви, то Бородин здесь демонстрирует нам ужас преображающей силы ада.

Мы можем рассматривать различные авторские идеи в повести «Гологор» и рассказе «Возвращение», а таковых немало, однако в

первую очередь следует принять к рассмотрению глубокое откровение об эволюции Богооставленного сознания, то есть то, каким видится сквозь философскую призму данных произведений мир, в котором человек останется один на один с собой и себе подобными — без божьего присутствия и участия.

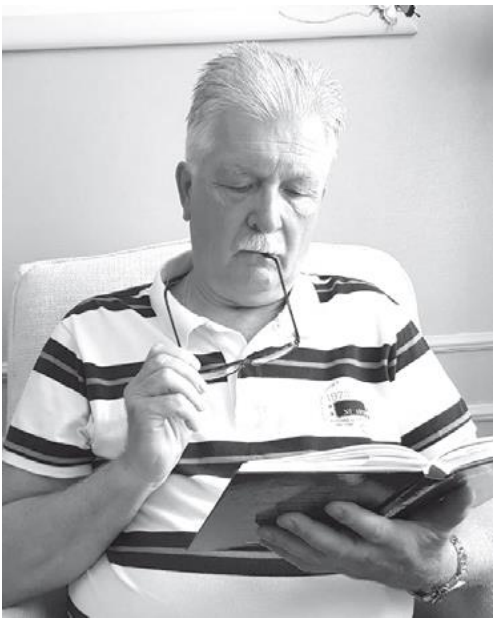
Вот из такого мира в символической финальной сцене и бежит чистая Катина душа по одинокой зимней тайге, когда её замечают летящие на вертолёте врачи и геологи, — в спасительный мир закона.

Литературная гостиная

Литературная гостиная

Российский колокол

Валерий Шилин



Валерий Шилин родился 27 февраля 1952 года в Кемеровской области. Выпускник Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков 1975 года.

Профессиональную карьеру посвятил работе на предприятиях российского оборонно-промышленного комплекса. Специалист в области внешнеэкономической деятельности и военно-технического перевода. Несколько лет провел в странах Западной Европы, Ближнего Востока, Северной Америки, Африки, Юго-Восточной Азии.

Член Интернационального Союза писателей. Дипломант и лауреат нескольких литературных конкурсов.

Автору близки темы духовной целостности, достоинства человека во времена испытаний, сохранения родной культуры и языка.

Наколка

Захандрил мой друг: дела — ни к чёрту, дома с женой — проблемы, дочка связалась с дурной компанией. Впору запить.

Идём мы с ним по улице. Я пытаюсь как-то взбодрить его, но чувствую, что силы моих слов недостаточно. И вот вижу: по противоположной стороне, шаркая, бредёт бомж. Засаленная куртёнка, дырявые штаны. Обросший, ссутулившийся, в стоптанных башмаках на два размера больше. Зловоние от него чувствовалось даже за

двадцать шагов.

— Пошли, — говорю я другу, — спросим у него, в чём в жизни счастье.

Подходим. Мужик не понял, чего мы от него хотим, стал сторониться.

— Погоди, приятель. Тебя как зовут?

— Шустрый. Погоняло такое.

— А имя у тебя есть?

— Ишь, чего захотел! Было имя, да сплыло.

— А ты всё же скажи. Мы тебе худа не сделаем.

— Ну, коль вы без злого умысла, то — Фёдор.

— Скажи, Фёдор, ты счастливый человек?

— Вон куда занесло! Ежели по-честному, то да. Сегодня и поел, и четушку заработал. Вот.

Фёдор достал ополовиненную посудину.

— А скажи, ты бы нас с другом угостил? Не пожадничал бы?

— Кто? Я? Пожадничал?! Ребята, а ничего, что стакана нет? Из горла будете? — Фёдор стал решительно отворачивать пробку.

И тут мы с другом разом обратили внимание: на запястье нашего нового знакомого была наколка с изображением пятиконечной звезды над перекрестием двух мечей.

Заметив наш взгляд, Фёдор поспешил опустить рукав.

— Воевал? — спросил мой друг.

— Воевал, — сухо, будто чужим голосом, ответил Фёдор.

— Ладно, дружище, пить мы не будем. Просто захотелось узнать, что ты за человек. Прости. Вот, возьми немного денег. Сходи в баню, побрейся, купи чего-нибудь поесть. Своих ведь негусто. — Я попытался отвести внимание от татуировки.

Фёдор переменился в лице, исчезла хмельная ухмылка.

— Вам и впрямь интересно узнать, что я за человек? Да меня давно за человека-то не считают… Счастлив ли я? А кто мне скажет, что такое счастье? После той войны вся жизнь пошла как-то кувырком… А денег ваших не возьму, не проси. После такого принять подачку — хуже, чем украсть… Как звать-то вас, мужики?

— Василий и Сергей. А тебе-то зачем?

— А затем. Не ожидал я от вас… каков я человек… Хочу за вас помолиться. Сегодня в церковь не пойду. Пьян я. А завтра просплюсь, протрезвею, помоюсь, вот тогда и в церковь можно.

И он, выпрямив спину, твёрдым шагом пошёл прочь.